

260.339

кр

84 р7 (2 р - 4 кем)

0-38
**ОТДЕЛ
КУЗБАССА**

19672 н/9

6
2
2
4
4
6

НА ЗАКАТЕ

Фото А. Кузярина

ХМ/Кр/

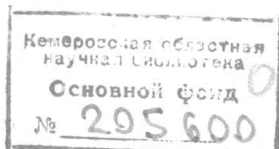
**ОГНИ
КУЗБАССА**

0-38

393062

ОРГАН КЕМЕРОВСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ПИСАТЕЛЕЙ СОЮЗА РСФСР

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

**19
1967**

П О Л В Е К А

Бывают разные даты —
Яркие и не очень,
Бывают даты-солдаты,
Ученые и рабочие.
Встречаются — лишь календарными
Красками изображаемы,
Случаются — и легендарными
Свершеньями и рубежами.
Иная в обычности скромной
Таким наполнится бременем,
Что весь ее смысл огромный
Раскроется будущим временем.
Про эту кричали: — Веха!
В поддельно-казенном азарте.
Где ж веха?
Лишь криков эхо
И то затихнет до завтра...
...Творит история строгая
Работу редкой полезности:
Сиять заставляет немногое,
Тускнеть заставляет помпезности.
Беспристрастно и беспристрастно
Для Вечности отбирает —
Стирает фальшивые краски
И самые даты стирает...
Но эта — Особая Дата:
В ее покоряющем чуде
И все, что было когда-то,
И все, что когда-то будет.

В ней; преломясь, как в призме,
В единое солнце сольются
Общественные катаклизмы,
Технические революции,
Фантастов мечты и мечтателей
Волнующие фантазии,
И творчества создателей
Единство и многообразие.
Она зажглась над Востоком
Началом нового века
И стала сама истоком
Истории Человека!
Она весь мир озаряет
Ровно полвека подряд,
И жизнь себя измеряет
Свершеньями Октября:
В них, вечно жив и нетленен,
В солнце вздувая зарю,
Ведет человечество Ленин
К вселенскому Октябрю!
Мы рвемся в космос и в атом,
И в Завтра, трепетно ждущее,
Творцы,
Фантазеры,
Солдаты, —
Пока еще все же солдаты!..
...Бывают разные даты,
Но все они — были когда-то,
А эта — Само Грядущее!..

С Т А Р Д А М А Л

(р а с с к а з)

Колючим морозным светом залит деревенский двор. Зимнее солнце застыло на стеклах низких, утонувших в сугробах окон старого дома.

Обледенелые от пролитого пойдла, от расплесканной колодезной воды дорожки разбегаются по просторной ограде от крылечка к хлевам, к колодцу, к старому амбару, к поленнице, что тесно прижалась к его стенке.

Оттуда доносится сейчас зазубренное: «жжиг-жжиг, жжиг-жжиг». Бабушка с внучкой лет двенадцати пилят дрова.

Варя, неумело дергая извивающуюся пилу, нетерпеливо поглядывает за ворота. Распилили.

— Бабушка, хватит?

— Э, нет! — наклоняется бабушка за новым кряжиком. — Уговор дороже денег. Сколь насчитала?

— Шесть.

— Ну, вот... А уговаривались по десять кряжиков в день, — бабушка положила кряж на козлы. — Ну, двай, нето, помаленьку. Трух-трух, стар да мал, трук-трук!

— Ну, бабушка, — укоризненно тянет девочку, то и дело поглядывая за ворота.

— Да не бойся ты, глупая! Не пройдет она мимо, коли что есть.

«Жжиг-жжиг, жжиг-жжиг», — неторопливо врзается пила в звонкое от мороза дерево.

Работая, Варя любит смотреть, как бежит струйка опилок из-под пилы. Растет из них на снегу под козлами ровная грядка.

Снег голубой-голубой, а опилки темные-темные. Интересно.

— Бабушка, а снег, думаешь, какой?

— Какой? Холодный, небось, — думает о чем-то своем бабушка.

— Да нет! Цветом какой?

— Белый был.

— Нет, бабушка, не белый. Посмотри, сейчас голубой. Видишь? Это когда на небе ясно, я замечала. А вечером синий-синий.

Она вдруг умолкла на полуслове, выпрямилась, будто у нее внутри струнка какая натянулась, а в глазах, сразу таких повзрослевших, и ожидание, и надежда, и страх обмануться.

Повернулась туда же и бабушка.

К дому торопится почтальонка. Не отрываясь, следят за ней две пары глаз.

Мимо.

Молча поднимают они сразу будто отяжелевшую пилу. И снова: «жжиг-жжиг». Глухо стукнулась последняя чурка кряжика. Бабушка склонилась за новым.

Равнодушно, будто погаснув, ждет ее внучка. Заученно ставит пилу на белую кожу березы, сосредоточенно примеряется, чтобы прямо шли зубья, не скользили по дереву.

Скучно, монотонно разговаривает сама с собой пила: «жжиг-жжиг да жжиг-жжиг».

— Нно! Нно! Цоб-цобе! — доносится до них с улицы.

— Это мама! — Варя метнулась на голос. Ее мать, еще молодая, но с огрубевшим от ветра лицом, утонув по колено в сугробе (хорошо, что брюки надела) тшдно пытается сдвинуть с места вдруг заупрямившихся волов, впряженных в воз с сеном.

— Нно! Нно! — уже беспомощно сердясь, кричит она, изо всех сил дергая за вожжи.

С другой стороны подбегает Варя с хвостистой, хлещет быков, звонко подражая матери:

— Нно! Нно!

— Варя, — мать робко ждет, отпустив вожжи, заглядывает с надеждой в лицо дочери. — Письма не было?

Варя отводит в сторону глаза:

— Почтальонка не проходила.

— Нно! Нно! — переплетаются женский и детский голоса. Но вдруг становится слышным только Варин.

Мать, перестав тормозить волов, смотрит так же, как недавно Варя с бабушкой, в даль улицы. Оттуда, как всегда торопливо, возвращается почтальонка. Варя, про-

следив за взглядом матери, отворачивается. Смотрит задумчиво вдаль. Там, поджигая верхушки леса, заходит солнце. Тревожно на душе у Вари. Опять мать будет плакать ночью да перечитывать старые папины письма.

— Что, не совладеете? Ну, пошли, пошли, рогатые! — присоединяется к ним почтальонка.

— Вот ведь упрямы! С места не сдвинешь! Знаю я их! Приходилось! — И она торопится дальше.

— Да пойдете вы или нет! Язвы вас! — уже со слезами в голосе кричит мать и, прислонившись к возу, начинает плакать, слизывая с искаженных горем губ слезы.

— Мам, смотри, солнце ясно закатывается. Завтра день хороший будет.

Варя горестно смотрит на мать.

А солнце уже скатилось. И сразу почернели, как головешки, верхушки деревьев. Лес замкнулся, стал неприветливым, далеким.

Вытерла мать рукавицей лицо, снова взялась за вожжи.

Ослепительно искрится под оттаявшим небом снежная пелена, рассеченная твердоупругой дорожкой, по которой, размахивая старенькими портфелями, а то и сумками, сшитыми из холста, возвращаются из школы ученики. Одеты они кто во что: в фуфайки с чужого плеча, в шубенки дедушкина покроя.

Среди них и Варя с подружками. Они о чем-то оживленно разговаривают. Приближаются.

— А вот сказали бы вам: сходите на могилки ночью — отец придет! Вы бы пошли? — спрашивает одна.

— Подумаешь! Конечно! И нисколько бы не испугалась! А ты?

— И я.

Варя молча слушает подруг, щурясь от миллиона серебринок, рассыпанных по снегу.

— А ты, Варька?

— Пошла бы, — тихо, одними губами, ответила Варя, не отрывая мечтального взгляда от расщеченного мартовским солнцем снега.

— Хоть бы только за письмом, пошла бы, — будто для одной себя добавила она. Переглянулись, сочувственно подружки.

— Девчонки! Давайте наперегонки, а? — нашла одна, и все трое, с криками, сразу вернувшись в детство, рванулись вперед.

А вот они же, три подружки, соорудив из санок поезд, с визгом мчатся с горы, вспахивая валенками вечерний снег. Двое мальчишек, подстерегавших их внизу, ловко ухватились за передние санки, и мигом смешалось все в вихре снега. Горят восторгом глаза, пылают щеки, блестя хохочущие рты.

Но посерьезнело вдруг лицо мальчишки, строгая морщинка расчеркнула лоб второго. Оцепенели, так не успев отряхнуть-ся девчонки, поворачиваясь вслед за всеми к дороге.

Там, из-за поворота, показался одноногий мужчина. Он словно не шел, а раскачивал на костылях свое крепкое тело. Далеко раздается скрип.

Он идет, и все замирают, испуганно глядя ему вслед. О чем-то судачили женщины у проруби, забыли о чем.

В окнах показались встревоженные лица. Не отрываясь, смотрит на него и Варя. Словно откуда-то издалека доносится до нее разговор стоящих за ее спиной мальчишек.

— Слушай, Костя, зачем председатель сам похоронные разносит? Почтальонка-то зачем? Тяжело ведь ему.

Варя замерла от страха. Приросла взглядом к фигуре председателя, судорожно сжимая обледеневшую веревочку санок. И, кажется, дышать перестала. К их дому подходит председатель.

— Дурак ты. Потому и носит, что тяжело! Варя закрыла глаза и устало опустила на снег: мимо прошел председатель. Но вдруг снова вскочила.

— К тете Васене, — шепчут непослушные не то от холода, не от пережитого волнения губы.

— Шурку, наверное, убило! — глухо проговорил мальчишка за ее спиной.

— Да он у меня не пое-ел! Да он у меня не попи-ил! Да он у меня не поноси-ил! — причитает тетя Васена и бессильно склоняется до самой скамейки, шумно сморкаясь прямо в полу полушубка, который она еле накинула, прибежав с горем к соседям.

— Поплачь, Васена, поплачь! — бабушка прижимает ее голову к своему фартуку. — Поплачь, поплачь.

— Тетя Глаша! Тетя Глаша! — обезумела та от горя.

Расплываются перед Вариними глазами строчки сочинения. Только и успела на-

писать: «На небе вытаяли голубые проташины». Ничего не получается. Очень Шурку жалко. Неужели она больше не увидит его? И сердиться будет не на кого: не будет больше он дразнить ее невестой. Чтобы не увидели ее слез, Варя убежала в горницу. Только занавеску отдернула, а мать (и когда она только пришла?) вздрогнула, скомкала листок какой-то в руке.

— Мама, письмо? — потянулась к ней Варя.

— Письмо, письмо.

— От папы? Мама, правда, от папы?

— От папы, от папы, — как-то странно ответила та.

— Мама! Дай! Дай!

— Да старое это, отстань!

Удивленно посмотрела на мать девочка.

Только много позже, весной, поняла Варя, что это было за письмо.

Это было перед пасхой.

Бабушка половики на заборе развешивала, а они с матерью одежду просушивать выносили.

Как папин костюм достали, мама припала к нему лицом:

— Папой пахнет.

— Папой? — словно выдохнула Варя и тоже зарылась лицом в грубую материю. Потом Варя костюм на улицу понесла, а мать к окну подошла. Да так и замерла, забыв о деле. Прижалась лицом к створке, заслушалась, как скворцы на березе поют на все голоса, прикрыла ресницами глаза, чтоб не видели они, о чем заговорило, затревожилось сердце.

— Глянь-ка, Варюшка! — донеслись до нее голоса со двора. — Ишь, как распелись! Мало уж осталось дуплянок-то! Ну не деритесь, не деритесь, глупые! Вот придет хозяин-то ваш, понаделает вам домишков.

Укоризненно взглянула Варя на бабушку, будто сказала: «Эх, бабушка, зачем ты так? Я ведь не маленькая». Грустно задумались обе, глядя на веселую возню птиц.

— Здорово, бабушка! — как от удара, отшатнулась от окошка мать, услышав этот голос. К забору подошел высокий парень. Бабушка взглядела в него.

— Ну, здравствуй уж, — ответила, поджигая губы.

— К пасхе готовитесь?

— Надо маленько. А ты, дако, отбыл строк-то свой?

— Отбыл, бабушка, отбыл!

— Насовсем али как?

Варя недружелюбно рассматривала незнакомца.

— Нет, на побывку. Внучка твоя? — он весело подмигнул Вале. Она и бровью не повела.

— Сурьезная! Мобилизованный я, баушка. Вот пасху справлю и назад! Работать надо! Ввойна, баушка!

— А далеко ль сидел-то? — бабушка, разговаривая с ним, все время скупно поджигает губы.

— Отсюда не видать, баушка! В Норильске, слышали? Ночь крошечная!

— Здравствуй, Люба, — вдруг сразу посерьезнев, забыв о старухе, повернулся он навстречу вышедшей с ворохом одежды матери.

— Здравствуй, — как-то слишком обычно ответила мать.

— Дочка твоя? — и он снова попытался подмигнуть Вале, но наткнулся на ее презрительный взгляд.

— Дочка.

— Ну пока, баушка! — опять зазубокал паренек, — счастливого праздничка! Приду похристосоваться, ладно? — уже отойдя от забора, кричит он.

— Ишь, жеребец, прости господи! Варначище! Отсиделся войну-то. Наел шею! — Бабушка повернулась к невестке, перехватила ее взгляд, провожающий крепкую спину парня, печально, понимающе покачала головой.

Принаряженные по-своему, по-деревенски, шли в школу ученики.

В деревне пасху праздновали всю неделю, а это был второй ее день. И пришелся этот день на 9 мая.

Как только узнали ученики, зачем их собрали в актовом зале, вихрем понеслись по полю, забыв о сумках, об уроках — обо всем, выражая этим сумасшедшим бегом, неистовым криком одно чувство — ликование. Вбегали в дома, стучали в окна: «Победа! Победа!» И мчались дальше, увлекая за собой и взрослых. Мгновенно вскипели, взбурлили улицы, потекли к центру, к сельсовету. Ворвалась и Варя домой. Вбежала в комнату и уже хотела крикнуть единственное сейчас слово: «Победа!» Да замерла, попятилась, распахнулись недоуменно глаза, боясь поверить.

В комнате мать примеряла костюм, тот самый папин костюм, парню, тому самому парню из тюрьмы. Мать обходит его кругом, любовно одергивает, оглаживает. Вдруг повернулась, не снимая рук с его плеч. Дрогнули виновато губы. Но не ус-

пела она и рта раскрыть, умчалась дочка, хлопнув дверью. Кинулась, как в омут, в толпу, смешалась с народом. И никто не заметил ее беды, потому что непонятно было: от радости или от горя плакали в тот день люди.

— Не поеду! Не поеду с тобой! Мы папу дождемся! Папа придет! Все равно придет! — кричит доведенная до истерики Варя. Мать собирается в дорогу. Ничего не соображая, суется из угла в угол, сама не знает, что ищет воспаленными от слез глазами.

Бабушка гремит ухватами у печки, переставляя с места на место один и тот же чугунок.

— Это вы, мамаша, настроили ее против! Как же вы не понимаете? Ведь надоело мне! Все работа, работа! Все одна и одна! Жить-то когда? Жить-то когда?

— Э-эх, Любава, Любава! Все я понимаю. Красивая не была, а молодая-то тоже была! А только вот тебе мой сказ: упасть, так уж в море, да не в лужицу! Ну, какой он ей отец? Первый фулиган на деревне был.

— Доченька, — ласково поворачивается мать к Варе.

— Нет! — истошно кричит та и бежит из дома.

Надрывно рыдает мать, уткнувшись лицом в полотенце. С сердцем двигает бабушка чугуны в печи.

Присмирел, подставив солнцу молодые листочки, лес прислушался, о чем говорят у его ног ранние гости.

— Счастливая Танька!

— А мой папка тоже скоро придет!

— Девчонки, давайте песню!

Девочки всех возрастов, нарядные, с букетами весенних цветов торопятся к опушке леса, к Крутому логу: оттуда далеко видна дорога.

— Варька! Запевай!

Еще ниже опустила Варя голову.

— Ну, ты чего?

— Не надо, Ленка, у ней мать женилась. Задумались девчонки сочувственно. Молча уступили дорогу затарахтевшей сзади телеге.

— Варя. Варенька! — соскочила с нее вдруг Варина мать, кинулась к дочери. Вздрыгнула Варя, наткнулась взглядом на маминого мужа, рванулась было в сторону, да остановила ее мать, ласково положив на плечо руку.

— Доченька, что же ты со мной делаешь? Доченька моя! — Мать прижала ее голову к груди. Прорвались Варины слезы.

— Доченька, я приеду, приеду за тобой! — Но! Пошли, — вполголоса тронул подводу отчим. Потянулись за ней и девчонки, оборачиваясь назад.

— А ты что тут делаешь? — встрепелась вдруг мать, увидев букет в руках дочери и по-своему поняв это.

— Папу, папу встречаю!

Отстранились друг от друга только что такие близкие мать и дочь, будто стала между ними невидимая стена.

Давно привык к своим постоянным посетителям лес. Только вершинами покачивается, увидев их, удивляется настойчивости. А они прибегут, сядут на пригорок, как букет цветов, сгрудятся их платочки. А сегодня вдруг букет ожил, рассыпался по поляне: далеко на дороге показался человек.

Напряженно, прикрыв от солнца глаза ладошками, всматриваются туда девчонки. Человек ближе. Теперь уже видно, что это солдат. Замерли в ожидании детские фигурки, подавшись вперед. Каждая старается узнать в солдате своего отца.

Солдат все ближе.

И вдруг...

По пыльной дороге, навстречу солдату, роняя цветы, рванулась одна из них.

— Папка-а! Папка-а! — несется вместе с ней, опережая ее, ликующий крик. И обрывается. Девчонка повисла на шее солдата-отца. Он прижимает ее, подняв от земли.

Остановились, словно для того, чтобы навсегда запечатлеть мгновение чужого счастья, глаза остальных.

Промелькнуло первое послевоенное лето, пролетела особенно щедрая листопадом осень, опять зима пришла, а Варя все ждет весточки от отца. Вот и сейчас трет на терке картошку, а сама нет-нет да на часы-ходики посмотрит: время почтальонке быть.

— Ну-ка, Варюшка, пляши, — едва открыв дверь, торопится обрадовать внучку бабушка. Варя вся вспыхивает радостью, кидается к бабушке, вытирая прямо о платишко руки.

— Бабушка, дай! Дай! Ну дай скорее! — подпрыгивает она вокруг бабушкиной руки. Вырывает письмо и мрачнеет.

— Опять от мамы, — не распечатывая, кладет письмо на стол и возвращается к корыту с теркой, низко опустив голову. Вздохнула тайком бабушка.

— А ты почитай, почитай. Нехорошо!

— Все равно не поеду я к ним!

— Что же ты эдак-то? Мать ить. Нехорошо.

Варя еле сдерживает слезы, еще ниже склоняется к корыту. Еще ожесточеннее трет картофелину. Вдруг картофелина выскользнула из руки, Варя больно ранит о терку палец. Прижимает его к губам и начинает безудержно плакать.

— Ну, как же это ты так? Торопыга! Эдак и без руки остаться недолго! Будет, нето. Сама дотру, — уговаривает бабушка, а Варя плачет все горестнее, все безутешнее.

А к весне стала понимать Варя, не маленькая ведь, что все уже пришли с войны, кому прийти. И уж было смирилась: не она одна такая, да цыганка однажды наворачнулась.

Обжигалась Варя после школы горячими картофелевыми оладьями (бабушка прямо со сковороды подала), она и пришла неожиданно, без стука.

— Хозяюшка ласковая! Дай, я тебе погадаю!

Бабушка замахала руками:

— Уходи! Уходи! Прилипчивые! Не верю! Не верю я цыганкам!

— А я не цыганка! Я — сербиянка! — она и не думала уходить. Наоборот, еще ближе к столу подошла, охватила нагловатыми глазами все сразу.

— Это цыганки врут, я всю правду скажу! Дай погадаю, милая! Не пожалеешь, бриллиантовая!

Варя вдруг подбежала к бабушке, зашептала горячо что-то на ухо.

— Да чем платить-то я тебе буду?

— А ничем, милая, покормишь, ласковая! — И цыганка схватила бабушкину руку, впиалась глазами в темные трещинки на ладошке.

— А ждете вы, милая, человека из дальних краев...

Вся вперед подалась Варя.

— А выпадет вам неожиданно-негаданно счастье. Вернется тот, кого ждете. Не сегодня-завтра, попомните мое слово. Десятку положишь, строк скажу, когда придет.

— Да ить нету у меня десятков-то...

— Позолоти милая, не скупись, ласковая...

— Бабушка! — нетерпеливо шепчет Варя. Бабушка, махнув рукой, достает из сундука узелок. Отвернувшись, развязывает его.

В это время цыганка хватает оладью и, макнув в Варино блюдо со сметаной, глотает ее. Варя испуганно смотрит на цыганку и с отвращением отодвигает блюдо.

— Вот, — подает бабушка деньги.

Цыганка, вытерев рот грязной рукой, вырывает десятку, сует в карман широченой юбки и продолжает:

— А вернется он, милая, через 27 дней и еще 3 дня.

Варя сосредоточенно соображает, шевеля губами, когда это будет.

— Бабушка! Десять дней осталось! — оживленная вбегает Варя в избу.

— Больно рано. День-то еще не прошел.

— Может, и правда придет. Говорят, вон японская война еще была. Пока доберется, дорога неблизкая!

Бабушка разговаривает в огороде через прясло с соседкой тетей Васеней.

— Похоронной не было, так ждать можно, тетя Глаша, — печально поддерживает разговор тетя Васена.

А Варю будто подменили в последнее время.

Весело прыгала она по ступенькам школьного крыльца. Во дворе шумно. Перемена.

— Варька-а! — кричит малыш-первоклассник, только-только открыв школьную калитку. — К вам какой-то военный приехал!

Варя так и задохнулась от неожиданности. Рванулась к малышу, хотела что-то спросить, но только облизала пересохшие губы. Бросилась бежать, ничего не видя и не слыша.

Она бежала по лужам, по грязи, не разбирая дороги. Большие бабушкины галоши мешали. Один соскочил и улетел вперед. Варя, не останавливаясь, подхватила его. В это время другой застрял где-то в грязи. Она махнула рукой и бежала, бежала, шлепала прямо в чулках по черной жиже. Только у дверей и остановилась, перевела дух.

С трудом открыла дверь. На цыпочках, почему-то бочком, протиснулась в избу. И прижалась вдруг всей спиной к косяку, прилипнув глазами к кровати.

Там спал лицом к стене отец. Военные сапоги его стояли тут же.

На спинке кровати висела гимнастерка с погонами, широкий ремень.

— Что рано сегодня? Али случилось что? — бабушка тревожно поглядывает на внуку, не отрываясь от своей никогда не кончавшейся работы у печи.

Ошеломленная, сбита с толку, смотрит Варя на бабушку, потом на кровать.

— Да что с тобой? Уже не заболела ли?

— Бабушка! — вдруг все поняв, выбегает Варя из избы.

— Ну, будет, будет, — успокаивает Варю, прижимая ее к себе, поглаживая вздрагивающие плечи.

— Придет к нам папка, придет. Лешак носит этих уполномоченных, господа про- сти! Совсем извелась, родимая!

Все еще всхлипывая, ищет Варя на дороге галошу. Спина ее скорбна, как у старуш-

ки. Нашла. Машинально очистила щепочкой от грязи, вымыла в луже и пошла, не поднимая головы.

— Раз, два, три, четыре; раз, два, три четыре, — Варя считает оставшиеся не- зачеркнутыми клеточки в самодельном календаре.

— Бабушка, совсем мало дней осталось. Задумалась Варя. Прижалась лбом к стеклу. Не отрываясь от своих хлопот у шестка, поднесла бабушка фартук к глазам. Варя, как от боли, закрывает глаза. И видится ей:

по пыльной дороге, навстречу солдату, роняя цветы, рванулась девчонка...

— Папка-а! Папка-а! — несетя, обгоняя ее, ликующий крик. И обрывается. Варя открывает глаза. Смотрит на пустынную дорогу. А она, пройдя по улице, убегает, огибая лес, поле, вдаль, за холодную полосу горизонта.

И. Н. БУКОВСКИЙ

Не одну тысячу боевых верст прошел по дорогам Великой Отечественной войны Иван Никитич Буковский. Зенитная батарея, в которой он служил, приняла на себя первый удар фашистской нечисти под прибалтийским городом Либавой 22 июня 1941 года.

Военная судьба бросала солдата то под Москву, то под Сталинград... Закончил войну И. Н. Буковский под Будапештом. Родина высоко оценила его мужество и отвагу. Он награжден четырьмя орденами и восемнадцатью медалями.

Сейчас Иван Никитич работает на Томь-Усинской ГРЭС.

ЗАПИСКИ ПОЛКОВОГО РАЗВЕДЧИКА

Тихо течет Северный Донец, родной брат древнего Дона. По правому его берегу протянулся город Лисичанск с крутыми терриконами и высокими, молчаливыми сейчас заводскими трубами. У Лисичанска большая родословная. Здесь были заложены первые в Донбассе угольные шахты.

На левом берегу Донца лежат выжженные солнцем песчаные барханы, охваченные зеленым полукольцом соснового бора. В этом бору на рубеже Лисичанск—Насветович — Рубежное — Красный Лиман весной 1943 года заняли оборону полки 59-й Гвардейской Краснознаменной стрелковой дивизии.

Штаб 183-го Гвардейского полка этой дивизии находился в пустом, без жителей, поселке «Лесхимстрой».

Рядом с поселком, состоявшим из десятка четырехэтажных домов, среди невысоких холмов желтого сыпучего песка лежали руины недостроенных корпусов химзавода. Сюда-то, после двух дней пути, и прибыло пополнение, в числе которого был и я.

Начальник штаба полка гвардии майор Шептев после недолгой беседы, направил меня в полковую разведку, рассказав мне, как найти дом, где разместились разведчики.

В полутемном подвальном помещении сидели на нарах и чему-то смеялись бойцы. — Кто тут командир? — спросил я молодого разведчика с медалью на груди. Тот, сердито оглядев меня с ног до головы, показал на сидевшего у окна в нижней рубашке человека, пришивающего к вороту гимнастерки черными нитками белый подворотничок.

Командир разведчиков лейтенант Молчанов был худощавым, с резко выраженными скулами, русский чуб торчал ежиком. Больше двадцати трех лет дать ему было нельзя. Отложив гимнастерку, он взял у меня бумажку — направление. А пока он читал ее, я, освоившись с полумраком, разглядывал разведчиков. Я — их, они — меня.

— Во! В нашем полку пришло! — сказал лейтенант, прервав «смотрины». Закурили, стали знакомиться. А вечером с группой разведчиков я уже шагнул на передовую, к Донцу, выполнять задание командира полка: «В трехдневный срок на левом фланге, перед участком обороны наших шестой и седьмой рот взять у противника «языка». Двум группам, по пя-

ти человек в каждой, предстояло ночью пробраться к строениям, что стояли на горе в 500—600 метрах от реки на том берегу, южнее хутора Привольный. Группами руководили сержанты Кабанин и Рыков.

К тому времени линия фронта по реке Донец уже была прочно стабилизирована от устья реки Айдар до города Изюм. На малейший всплеск воды в реке или шум на нашем берегу гитлеровцы сразу открывали пулеметный и минометный огонь.

Выйдя на берег, в переднюю линию траншей нашей пехоты, где предстояло нам действовать, мы тщательно изучили местность. От строений по склону в сторону берега метров на сто тянулась траншея, заканчивающаяся огневой точкой. По ночам из нее постреливал гитлеровский пулемет. Бойцы стрелковой роты сообщили, что по утруам из развалившейся трубы среднего строения частенько виден дым, а ночью там изредка мерцает огонек.

На склоне горы рос невысокий редкий кустарник. Противоположный берег крутой, местами обрывистый. Окопов противника поблизости нет. Переправа удобная — течение медленное, а высокий берег давал возможность укрыться от глаз немецких наблюдателей. Объект был заманчивым и сулил нам удачу.

— Сколько бы там немцев ни находилось, главное, ребята, — скрытность подхода, внезапность и дружный натиск, захват «языка» и быстрый отход, пока гитлеровцы не очухаются! — сказал взявший на себя общее руководство старший сержант Кабанин.

Я был в группе Рыкова. Нам предстояло завладеть огневой точкой. Остальные

разведчики во главе с Кабаниным должны были блокировать строения.

Погода разыгралась как по заказу. Пошел дождь с небольшим ветром. Решили не терять времени и в полночь начали переправу.

Осторожно подгребая веслами, обе наши группы незамеченными достигли вражеского берега. Двух разведчиков оставили охранять лодки и наш тыл, остальные, тихо ступая по мокрой траве и глине, стали подниматься по склону, зорко всматриваясь в темноту. Двигались буквально наощупь. Подползли к брустверу вражеской огневой точки. Впереди зачернели силуэты строений. Залегли, вслушиваясь в ночь. Затем Рыков, я и Канцуров подобрались к краю окопа. Но увы! Окоп оказался пустым.

— Неужели удрали фрицы? — прошептал Рыков.

— Их, наверное, тут и не было. Это дневной окоп боевого охранения! — ответил Володя Канцуров.

— Пошли дальше! — предложил сержант.

Держа автоматы и гранаты готовыми к действию, ползли к строениям, охватывая их полукольцом. Два полуразрушенных не то сарая, не то барака стояли рядом. Когда до них осталось метров двадцать, сержант Кабанин шепотом подал команду:

— Бегом, окружай!

Я не сделал и двух шагов, как неожиданно провалился в яму, больно ударившись обо что-то. Сверху на меня свалился бежавший за мною сержант Рыков. И вдруг под нами кто-то заорал истощенным голосом и стал колотить меня ногами.

— Держи, под нами фриц! — воскликнул Рыков.

Я тоже сообразил, что мы рухнули в окоп, в котором сидел в боевом охранении

немец. Я навалился ему на ноги, чтобы не дать подняться.

Окоп тесный, невозможно развернуться, чтоб скрутить гитлеровца. Да и немец попался здоровенный — сопротивляется, не дает себя связать.

— Глуши его чем-нибудь — говорю Рыкову.

Немец продолжает орать и упорно сопротивляться, хотя Рыков несколько раз ударил его по голове. Наконец гитлеровец выдохся, ослабил сопротивление, и нам удалось его скрутить и завернуть в его же плащ-палатку. Так спеленутого и подали из окопа ожидавшим на бруствере Володе Канцурову и Шарафутдинову, которые сразу же поволокли немца вниз, к лодкам.

А около строений пачками рвали гранаты, стрекотали автоматы. Это наши ребята выкуривали из домов забаррикадовавшихся там гитлеровцев.

— Забирай пулемет и ленты, дуй вниз. Я побегу к Кабанину, — приказал мне сержант.

Я снял со станка пулемет, повесил на шею две патронные ленты и направился к берегу.

С правого берега одновременно ударили два гитлеровских пулемета. Трансирующие пули извилистыми строчками разрезали дождевую мглу ночи, прижимая разведчиков к земле. Гитлеровцы рассчитывали отрезать их от берега и дать возможность сидящим в доме немцам перейти в атаку. Но тут забарабанили пулеметы с нашего берега. Фрицы растерялись. Их минутным замешательством и воспользовалась группа Кабанина. Разведчики быстро стали отходить к берегу, прикрывая отход гранатами. Когда я спустился к месту, где мы причалили, одной

лодки уже не было. Канцуров, Шарафутдинов и еще один разведчик переправляли схваченного немца на свой берег живым и невредимым.

Кабанин и Рыков проверили, все ли возвратились и последними прыгнули в лодку. Мы навалились на весла, стараясь побыстрее перемахнуть пятидесятиметровую ширину реки, которую гитлеровцы стали обстреливать из минометов. Двоих ранило осколками. С нашего берега с захлебом били станковые и ручные пулеметы, прикрывая нас.

Поблагодарив бойцов седьмой роты за оказанную помощь и огневую поддержку, мы ушли в штаб полка, увозя с собою пленного. Хотя мы страшно устали, были грязные, мокрые и дрожали от перенапряжения и холода, все радовались удачному исходу ночного поиска.

Так с первого же дня после излечения ран я включился в тяжелую и беспокойную работу полковых разведчиков.

Весна 1943 года была в Донбассе исключительно теплая. Земля быстро покрылась зеленым ковром трав, распустились почки на деревьях. Зацвели сады. Их запах доходил даже к нам в землянку у самой передовой, где мы, четверо разведчиков, лежали на нарах, ожидая ночи и нашего лейтенанта Молчанова, который ушел договариваться с офицерами минометной и стрелковой рот насчет поддержки огнем нашего сегодняшнего ночного поиска.

Я смотрю на бревна накаた и гадаю: удастся сегодня взять «языка» или вновь потерпим неудачу, как все эти три недели подряд? Да, целых три недели нам не ве-

зет. Каждую ночь группы полковых разведчиков пытаются переправиться через Донец, но приносят с собою вместо «языка» убитых или раненых товарищей. Уже троих разведчиков похоронили, четверых отправили в госпиталь с тяжелыми ранениями. Мы все эти дни ходим злые и молчаливые. Неохота разговаривать друг с другом, переругаемся — и только.

Командование полка упорно требует: «Добыть «языка». А как ты его добудешь, когда гитлеровцы все время на чеку? Оплели чуть ли не весь свой берег колючей проволокой, понастроили минных полей и всяких других заграждений. Малейшее неосторожное движение, шорох или стук, как тут же начинают взлетать ракеты, и длинные пулеметные очереди пропахивают подозрительное место.

Решили провести поиск на самом трудном для нас участке в смысле переправы через реку и подходов к траншеям гитлеровцев. Он находился напротив устья небольшой речушки Краснянка, впадающей в Донец. В этом месте Донец был бурным, занятый гитлеровцами берег был высок, обрывист и без растительности. Просматривался и простреливался со всех сторон. — Здесь немцы не ждут нас! — сказал нам лейтенант Молчанов.

Сегодня он вел в поиск нашу группу. С ним шли я, Рыков, Канцуров и Семен — здоровенный парняга, кубанец, бывший повар одного из ресторанов города Армавира. На этот раз мы решили идти в поиск не совсем обычно. Когда стемнело, разделись в блиндаже до трусов. Провожавшие товарищи вымазали нас черной мазью, приготовленной из пережженной «автомобиль-

ной резины и солидола.

Оставшиеся здесь из группы прикрывали и обеспечивали разведчики шутили:

— Если вас немец увидит, то подумает, что черти из преисподней пришли за нами. Или руки сразу поднимет с перепугу или умрет, не сходя с места.

— Нет, пусть не поддыхает пока. Нам не дохлый — живой фриц нужен. Пусть он с перепугу лучше нас с своей траншее подпустит. Мы ему наверняка умереть бы не дали, на руках принесли бы сюда, — скаля белые зубы при свете горевшего фитиля в снарядной гильзе, проговорил Володя Канцуров. Время было уже за полночь, когда мы, выпив по стакану разведенного спирта, спустились к реке. Холодная вода так и обожгла все тело, аж дух перехватило. Преодолевая колючий холод, я плыл первым, стараясь не сделать всплеска. Следом плыли лейтенант Молчанов и остальные ребята. Все наше вооружение, — гранаты и ножи, — у каждого висели на ремне, перепоясавшем голое тело. У Семена к ремню был еще прикреплен конец телефонного кабеля от небольшого плота, который предназначался для пленного, если нам удастся его захватить или... для кого-нибудь из нас...

Переплыли незамеченными. Уже успех! Опустошили всю фляжку от «согревающего». Оставили Канцурова наблюдать за тылом и поползли, шаря по земле руками, как бы не напороться на мину. При каждой очередной вспышке осветительной ракеты, которые выпускал гитлеровец-ракетчик из своей траншеи вправо от нас, замирали.

Подползли к брустверу траншеи. Тишина. Только слышно, как изредка покашливает немец-ракетчик.

— Переберемся на ту сторону траншеи, — прошептал нам Молчанов. — Будем ждать его возвращения.

В интервалах между вспышками ракет по одному перебравшись через траншею и, разделившись по двое, устроили засаду. От холода трясемся, как в лихорадке. Гитлеровец, не дойдя до нас шагов пятнадцать, остановился. Было слышно, как щелкнула ракетница. По-видимому, немец заложил новый патрон. Тут же последовал хлопок выстрела, и взвившаяся ракета ярко осветила землю. Мы прилипли к земле ни живы ни мертвы. А немец, напевая себе что-то под нос, сунул в рот сигарету и чиркнул зажигалкой. Стал прикуривать.

Нападать на него — далеко. Успеем поднять тревогу. Это нас не устраивает. Мы боимся пошевелиться. Ждем, когда немец подойдет ближе. Так и подмывает сказать ему: «Ну подойди же, черт заморский, чего стоишь?» А он, переминаясь с ноги на ногу, покуривал и, облокотившись о стенку траншеи, мурлыкал потихоньку песенку, словно дразнил нас.

Чувствую, лежавший рядом со мною Семен от нетерпения начинает нервничать. Вот-вот сорвется и бросится на фрица. Тогда все пропало.

Гитлеровец, докурив сигарету, кинул ее за бруствер, щелкнул ракетницей. Нам слышно было, как выброшенная гильза звякнула, ударившись обо что-то твердое, и покатилась по дну траншеи. Немец постоял немного и двинулся в нашу сторону. Сеня сжал мою руку, подавая этим сигнал, что он на гитлеровца прыгает первым.

12 Как только немец подошел вплотную к нашей засаде,

Семен могучим ударом повернул его по шее и сел на него сверху. Гитлеровец завалился на дно траншеи, не издав ни одного звука. Я и Сергей Рыков прыгнули следом за Семеном и стали вязать немцу руки и ноги специально для этого приготовленной веревкой. Семен засовывал ему в рот тряпку.

Справились быстро. Подхватив гитлеровца на руки, пригибаясь, потащили к берегу. Лейтенант Молчанов с захваченным у немца автоматом отползал последним, готовый, в случае чего, прикрыть нас.

Уложив немца на плот, прикрутили его телефонными проводами к бревнам и, подталкивая плот, поплыли к своему берегу. Мы все до того замерзли, что у нас не хватило сил выбраться из воды на берег. Ребята из группы обеспечения выносили нас на своих руках. Зубы наши выбивали такую дробь, что позавидовал бы первоклассный барабанщик. Нас заворачивали в сухие шинели и по траншее уводили в теплый блиндаж, где нас ждал спирт и горячий чай. Когда мы проснулись, полковые телефонисты передали нам, что звонил командир стрелковой роты, говорил, что утром немцы кричали через реку, спрашивали, кто увел от них часового-ракетчика.

В начале мая дивизия, как обычно сообщают сводки, провела бои местного значения, захватив на правом берегу Донца небольшой плацдарм северо-западнее Лисичанска и отбив у противника хутор Привольный.

Гитлеровцы после двухнедельных контратак прекратили бой, смирившись с потерей хутора, зарылись в землю. Только изредка, лениво так бросят одну-две

мины на траншеи укрывшихся здесь наших рот и замолчат на 20—30 минут. Сюда-то я и пришел с двумя разведчиками, чтобы наблюдать, что делает противник на своем переднем крае и подобрать уязвимое место в его обороне для захвата очередного языка. Солнце стояло в зените. Обеденный час. В траншеях гитлеровцев все замерло. Мы втроем не спеша продвигались по переднему краю плацдарма к правогофланговой роте, в районе разбитого кирпичного здания бывшей школы. Временами задерживались на огневых точках, выясняли поведение гитлеровцев ночью и систему их обороны в каждом секторе наблюдения.

Вдруг в ста метрах правее от нас на очень узеньком участке с обеих сторон завязалась ружейно-пулеметная и минометная перестрелка.

— Глядите! — вскрикнул боец, указывая рукой направление, — кажется, два перебежчика ползут на нашу сторону!

Я навел бинокль. Действительно, в просвете оседавшей пыли двое ползком спустились в воронку и замерли в ней.

Но это были не перебежчики.

С ночи на нейтральной полосе каким-то образом остался лежать раненый сапер. Девушка-санинструктор, узнав о раненом, вызвалась вытащить его, заявив: «Пока у фрица обед, они не стреляют, и не обратят на меня внимания. А то до ночи он не дотерпит».

Младший лейтенант, командир взвода, запретил ей идти. Но упрямая девчонка перемахнула бруствер и поползла к саперу. Добралась незамеченная, но на обратном пути немцы их обнаружили.

— Эй! Ребята! Прикрывайте! — раздался из воронки девичий голос.

— Давай! — закричали мы все в голос, усиливая автоматный и пулеметный огонь по немецким окопам.

Девушка, таща под руку раненого сапера, переползла в ближнюю воронку. Мы с Васей Нарыжным бросились к ней на помощь. Благоразумно доставив раненого в траншею, я, сидя на корточках, глядел на худенькую девчущку-санитарку роты автоматчиков — Катюшу Черненко, которая проворно накладывала бинты на раздробленные ноги сапера, и думал: «Сколько в этом шуплом девичьем тельце скрыто выдержки и силы!»

Когда унесли раненого, Катюша, прислонившись спиной к стенке окопа, устало вздохнула, улыбнулась, попросила пить.

Сразу к ней потянулось несколько фляг.

●
Если не везет — так не везет!

Два месяца прошло в безрезультатных ночных поисках. Ни дивизионные разведчики, ни мы, полковые, не могли захватить у гитлеровцев «языка». Фашисты нервными стали, ожидая наступления нашей гвардейской армии. Но наступления на нашем участке фронта пока не предвиделось. Мы только следили по сводкам информбюро, как наши войска громили гитлеровцев под Курском и Харьковом. В одном из ночных поисков я получил добрую порцию гранатных осколков. Обнаружив группу перед самыми своими траншеями, гитлеровцы забросали нас гранатами. Пришлось уходить с боем несолоно хлебавши. Полковой врач вытащил из моих рук с полдюжины

мелких жестяных осколков. Раны быстро заживали. «Як на цуцкы», как говорил Вася Нарыжный. Я с неделю ходил с забинтованными руками, «сачковал», оказывая посильную помощь уходящим за «языком» группам разведчиков нашей полковой разведки.

В один из дней я сидел на берегу под небольшим кустом тальника, ветки которого до половины были срезаны пулями. Пристально всматривался в гладь реки, стараясь не потерять из виду две маленькие, медленно удаляющиеся темные точки. Это Лешка Трофимов, по прозвищу «Москвич», и Гриша Севастьянов вплавь перетягивают на тот берег конец сплетенного втрое телефонного кабеля, заменяющего нам трос. С помощью этого троса группа разведчиков под командой гвардии старшины Авака Петросова сможет быстро переправиться на вражеский берег на небольшой резиновой лодке. С Аваком в поиск идут Вася Нарыжный, Валентин Пушной и Степан Митрохин. Место для переправы и нападения на гитлеровскую траншею выбрал сам Авак Петросов. Окопы и траншеи немцев проходили по самой кромке берега. Но у ребят был один небольшой выгрыш — берег противника был очень высокий и подмыт водою. Образовалось мертвое пространство почти до половины реки. Вот это группа Петросова и учла.

При переправе все было рассчитано до секунды. В промежутке между падением погасшей и взлетом очередной фашистской осветительной ракеты лодка с разведчиками должна успеть проскочить по воде ту часть реки, которая просматривается и простреливается гитлеровцами.

Луна хороша для влюблен-

ных. Но мы это коварное светило считаем врагом № 2. И пока она еще крадучись не выглянула из-за какого-нибудь укрытия на небе и своим блеском не осветила водную гладь, группа спешила успеть переправиться. Но гитлеровец-ракетчик, как назло, начал бросать осветительные ракеты одну за другой. Мы все изнервничались, проклиная немца и луну, которая вот-вот должна появиться. Мог сорваться поиск. А ребята так тщательно к нему готовились, тренировались каждый день на небольшом озере в тылу нашей передовой.

Трофимов и Севастьянов уже давно голые сидят на том берегу, под самым носом у немца, продолжавшего от скуки швырять ракеты.

Наконец немец досыта, видно, наигрался. Лейтенант Молчанов по телефону подал команду нескольким разведчикам начать демонстративную переправу на другом участке, метров за 700—800 от нас, чтобы отвлечь внимание немцев от группы Петросова.

Позади меня зашуршала земля — ребята пронесли лодку. Тут же четыре тени бесшумно скользнули в нее и отчалили от берега. Лодка быстро растворилась в ночной мгле.

Ждать да догонять — нет ничего хуже. Лучше самому участвовать в проводимой операции, чем так изматывать свои нервы, ожидая исхода ночного поиска и возвращения товарищей.

От ударяющихся об воду пуль веером засверкали на воде фонтанчики. На той стороне коротко простучал гитлеровский пулемет. Очередь красных светлячков — трассирующих пуль — впиалась в небольшой бурунчик воды, образовавшийся от

хлопнувшего по воде троса. Дрожащим голубым светом на минуту взвилась осветительная ракета. Вздых облегчения вырвался из груди. На противоположной стороне я заметил под обрывом лодку и лежащих рядом с нею разведчиков.

— Все в порядке! Ребята там! — шепотом доложил Молчанову.

Он, не оборачиваясь, махнул рукой — «не мешай» и продолжал внимательно всматриваться в тот берег. Прошло с полчаса.

— Неужели еще не подобрались? Луна же, черт бы ее побрал. Обнаружат ребят фрицы, — тихо забубнил Семен.

— Погоди ты, не каркай. Стой тихо! — Зашептало на него сразу несколько голов.

Трос натянулся.

— Плывут обратно, — сказал кто-то.

— Приготовиться помочь группе выбраться на берег и забрать лодку! — подал команду лейтенант.

Но не успел он закончить, как на той стороне одновременно взвились две ракеты, осветив плывущих в лодке разведчиков. Вдоль реки понеслись пункты огневых линий. По группе ударил гитлеровский пулемет.

— Огонь! — закричал Молчанов. — Прикрыть лодку!

Все, кто был в траншее, стрелки и разведчики, открыли ураганный огонь. Немцы выпускали ракету за ракетой, длинными пулеметными очередями поливали реку. Вокруг приближавшейся лодки начали рваться мины. Но ни одна из них не задела лодку.

Мы бросились на помощь товарищам.

— Спасайте Гришку... Я не нашел его. Кажется, утонул убитый, — тяжело дыша, с дрожью в голосе проговорил Вася Нарыжный, на чет-

вереньках выкарабкиваясь из воды на берег.

Трое из нас бросились в воду. Нырять, разыскивали в воде Севастьянова. Обшарили все дно реки у берега и берег. Может, где прибило течением раненого. Но тишина. Не нашли Севастьянова. Сутки не уходил с передовой старшина Петросов, разыскивая труп товарища. Гришка был его другом. Но река не отдала его. Где-то захоронила Севастьянова на своем дне.

— Степа, расскажи, как взяли фрица! — идя позади группы, попросил Володя Канцуров шагавшего рядом Митрохина. Я пристроился к ним, приготовившись слушать рассказ Степана.

— ...Когда немец дал пулеметную очередь и выпустил ракету, мы замерли под обрывом, ожидая, когда она погаснет, проклятая. Прошло минут пять, немец больше не стреляет. Старшина толкает Вальку Пушного: — «Давай вперед!» Валька пошел, мы за ним. У самого бруствера Авак, Нарыжный и я обогнали Вальку и подползли к траншее. Слышим, чуть левее, негромкий говор двух человек, сидящих в окопе. Один из них встал, нагнулся и стал что-то делать, не прекращая разговора. Мы втроем так и прыгнули на них. Я навалился на сидящего немца и подмял под себя, закрыв ему рот рукой. Второй немец успел сбросить с себя кого-то из ребят, отскочить в сторону. Но на него сверху свалился Пушной и ударом ножа прикончил его. Там мы его и бросили в траншее. А этого связали и приволокли, — закончив рассказ, Степка быстрым и ловким движением руки выдернул из моих губ сигарку, жадно затянулся.

Пленный — маленький, шуплый фриц шел впереди,

энергично жестикулируя и что-то лопоча по-своему. Наверное, радовался, что остался жив, не попал под нож, как его напарник.

Вот уж и август месяц взял «к ноге», а наш участок фронта еще сидит в обороне. Но мы чуяли — назревают важные события, раз командование так упорно торопит нас, разведчиков, с захватом нового «языка».

— Хлопцы, чуе мое сердце, будем и мы скоро наступать. Ось дывитэся, наши уже освободылы Харьков, Белгород и продвигаются вперед, — на ходу разглядывая дивизионную газету, сказал Вася Нарыжный.

— Открыл новость! Тоже стратег выискался!

Кто же этого не знает! Конечно, будем наступать. На «передке» бойцы в батальонах только и ведут об этом разговор. Всем надоело сидеть в обороне. «Великому сидению» подходил конец. «Великим сидением» мы называли длительную оборону на Донце — всю весну и лето 1943 года.

Мы шли на передовую к правому флангу полка, в район станции Красный Лиман. Группу в ночной поиск сегодня ночью веду я. Иду молчком. Собственно, я никогда не отличался словоохотливостью. Стараюсь ни о чем не думать.

— Старшой! Начальство идет! — отходя первым на обочину дороги, сказал Лешка-«москвич».

«Виллис», скрипнув тормозами, остановился рядом с нами. Сидевший рядом с водителем генерал подозвал нас к себе. Я сразу узнал в нем нашего командующего 3-й Гвардейской армией Героя Советского Союза гвардии генерал-лейтенанта Лелюшенко, хотя до этого мне его ни разу не приходилось

видеть в лицо. Из генералов армии только он один наголо брил голову.

Командарм спросил, кто мы, куда направляемся.

— Группа разведчиков 183-го Г. С. П. идет на выполнение задания, — доложил я.

Потом он спросил, в каком районе мы собираемся произвести поиск. Выслушав ответ, сказал:

— Вы, ребята, постарайтесь. Хоть дрянненького фрица, да притащите. «Язык» — во как нужен! — И провел ребром ладони поперек горла.

— Постараемся, товарищ генерал! — вразнобой ответили мы.

Пожелав удачи, командарм уехал.

— Да, ребята, без фрица нам завтра труба, — проговорил Нарыжный, почесав за ухом.

Переправу через Донец и налет на гитлеровские окопы мы выбрали на изгибе русла реки, правее взорванного железнодорожного моста, по которому проходила ветка железной дороги из Красного Лимана через Донец на станцию Яма. Средства к переброске нашей группы через реку были все заранее подготовлены разведчиками обеспечения, которые под командой лейтенанта Молчанова вышли в этот район за сутки вперед. — Пора! — сказал стоящий рядом со мною в траншее Молчанов.

По одному ребята быстро выбирались из траншей и тихо усаживались в лодку. В темноте, пожав чью-то протянутую руку, я сел последним. Течение подхватило нас. Работая веслами, направляли лодку к вражескому берегу. Но метрах в десяти от него на быстром течении перегруженную лодку захлестнуло водой и перевернуло. Вся группа оказалась в воде. Добрались

вплавь, лодку тоже спасли. На наше счастье, за это злополучное время гитлеровцы не выпустили ни одной ракеты. Вероятно, были уверены, что сюда не сунемся. На этом изгибе реки вода очень бурливая и шумливая.

Семен со Степаном остались у лодки приводить ее в порядок. Они первыми переправились сюда, таща за собою трос. Обмундирование их было в нашей лодке. Когда лодку перевернуло, никто из нас не заметил, как оно уплыло по реке. Вот они и остались в чем мать родила. А куда их голых возмешь.

— Хлопцы! Вы хоть обмажьтесь в грязюку, а то ваши зады сразу нас немцам выдадут. Сыльно блещат при луне, — выливая воду из своих сапог, чтоб не чавкала, сказал Нарыжный.

— Когда будем возвращаться, ты, Сеня, стань к немцам спиной, мы ориентир держать будем, не заблудимся, — со смехом посоветовал Лешка-«москвич».

Шутка у нас всегда была в ходу, и остро словы не выводились. Направляющим пошел Пушной, опытный сапер. За ним остальные неглубоким овражком попластунски подползли к проволочному заграждению. Внимательно осмотрелись вокруг. Тишина!

— Давай, режь! — прошептал я лежащему рядом Валентину Пушному.

Когда нижние ряды проволочки между кольями были разрезаны, в образовавшийся проход за мною пролезли Нарыжный, Максим Гафуров и Лешка-«москвич», оставив Пушного для охраны.

Ползли по траве медленно и чутко, подбираясь к белевшему впереди брустверу. Полежали, послушали — ничего не слышно, тихо. За-

глянули в траншею — никого нет, пустая. Только по ее кромке тянется телефонный провод, прикрепленный небольшим колышком.

— Режь провод. Устроим здесь засаду, — предложил Максим.

Я с Максимом перебрался на другую сторону траншей, Василий с Лешкой остались ждать на этой стороне.

Прошло двадцать минут, тридцать, а потом и час, как нам показало. Никого нет! Не идет фриз ремонтировать свою связь.

— Есть ли вообще кто живой в этой траншее? — с нетерпением проговорил Максим.

Я сам уже стал сомневаться, не ложная ли эта траншея? Мы спокойно уселись, спустив ноги в траншею, завели совещание. Решили: я и Максим пойдем по дну траншей вправо, осмотрим ее, а Василий с Лешкой останутся охранять наш тыл. Пошли. Идем, держа автоматы наизготовку. Прошли метров сто. Ни души! Вернулись назад и пошли влево. Если, думаю, и здесь никого не окажется, полезем на гору дальше. Не удрали же совсем фрицы отсюда! Я иду впереди, Максим за мной. Пройдя метров 50—60, на площадке, вырытой сбоку траншей, я при лунном свете увидел термос и несколько котелков. Шагнул вперед — влево гитлеровский окоп. Прислушался, — тихо. Осторожно выглянул из-за угла — ничего не видно, темно.

Вдруг в глубине окопа вспыхнул слабый огонек зажигалки или спички, и слышался говор двух человек. Я еще раз выглянул из-за угла траншей. Но фрицев не видно было, только мог различить мешки с песком, которыми был обложен изнутри окоп.

Я подал знак Максиму. Он

подошел ко мне, спросил: — Что там такое?

У меня сердце похолодело: услышат же немцы. И действительно. Из-за угла окопа сначала показалась голова немца, потом и весь он. Когда он приблизился ко мне, я упер ему в живот дуло автомата и сказал: — «Хенде хох». Гитлеровец в мгновение ока метнулся в окоп, и моя автоматная очередь прошла мимо него. Тогда я выхватил гранату, бросил ее в окоп, и следом за взрывом вместе с Максимом кинулся туда же. В окопе темно от дыма и пыли, ничего не видать.

— Есть, помоги выбросить на бруствер, — натужно проговорил Максим.

Подбежавший сюда Пушной подхватил у Максима немца.

— Фриц мертвый! — с досадой сказал Валентин.

— Где-то еще один есть! — шаря по окопу, крикнул я Максиму. А у самого в голове: «Неужели обоих гранатой уложило?»

Рука нащупала сапог и ногу прижавшегося в углу гитлеровца. С силой дернул на себя фрицеву ногу. Гитлеровец застонал.

— Живой!

Быстро вытащили его, приглушенного взрывом гранаты, подхватили под руки и бегом потащили к проходу в заграждении. На ходу подал команду остальным ребятам отходить к реке.

Прибежавший последним Лешка-«москвич» сказал, что Пушной все еще чего-то копается у заграждения. — Пленного на тот берег, меня не ждите, — крикнул я ребятам, а сам побежал к проходу разыскивать Валентина. Фрицы молчали по фронту добрых полкилометра. Пушной возился у заграждения. Я окликнул его.

— Сейчас иду! — отозвался

16

Пушной и через минуту под-

бежал ко мне: — Я того, другого фашиста, приволок в проход и заминировал его там. Устроим им сюрприз из «лимонок». Не буду же нести гранаты обратно. А документы забрал.

Мы вплавь перебрались через реку к поджидавшим нас Молчанову и остальным разведчикам группы обеспечения.

В землянке мы с любопытством разглядывали «языка» — здорового немца с двумя железными крестами и медалью за зиму 1941-42 годов под Москвой. Тогда, под Москвой, фриц уцелел, а здесь, на Донце, попался.

Вот уже и Днепр. Позади остался освобожденный Донбасс с разбросанными по степи двугорбыми терриконами затопленных и разрушенных шахт знаменитой «Всесоюзной кочегарки». 14 октября освободили город металлургов, энергетиков и машиностроителей — Запорожье.

Мы перед Каховским плацдармом гитлеровцев. Уже глубокая осень. Моросит мелкий и назойливый дождь. Сегодня утром старшина Вася Суворов, командир экипажа бронетранспортера, среди бела дня на глазах ошеломленных гитлеровцев выкрал с передовой «языка».

Воспользовавшись дождем, когда гитлеровские солдаты, сидя в своих окопах, укрылись палатками, Вася Суворов на полном ходу вывел бронетранспортер из лесной посадки и повел по ничейной полосе прямо на фашистские окопы. На полном ходу он развернул бронетранспортер у окопа, в котором сидел фриц. Два разведчика подхватили фрица — и тот в одно мгновение очутился внутри бронетранспортера. Гитлеровцы

очухались лишь тогда, когда бронетранспортер старшины Суворова скрылся у них из виду, не понеся никаких потерь.

Гитлеровцы разозлились, стали частым минометным огнем обстреливать все посадки в тылу нашей передовой. А старшина Суворов с экипажем своих разведчиков тем временем преспокойно спал в соседней хате, не подозревая, что он первым в нашем механизированном корпусе генерала Свиридова награжден только что учрежденным правительством орденом Славы III степени.

В октябре 1944 гвардейский мехкорпус выдвинулся в район венгерского города Кишкунфеледьхаза, ожидая приказа для броска на Будапешт. В ночь на 29 октября, не доходя до города Кечкемет, наша мехбригада, идя в голове корпуса, первой вошла в образовавшийся прорыв.

Рота разведки шла колонной впереди бригады, имея в головном дозоре две машины — бронебик БА-64 и бронетранспортер. Первым командовал помощник взвода гвардии старшина Вася Суворов, коренастый парень с веснушками на круглом симпатичном лице. Другим — Чиканов, тоже старшина и тоже Василий, но только с сутулыми плечами и быстро семенящей некрасивой походкой.

Ночь была темная. Небо заволокли низкие черные тучи. По отшлифованной каменной брусчатке кечкеметского шоссе наши машины шли, тихо урча моторами. Вдруг впереди, где изредка мерцали красные огоньки стоп-сигналов машин головного дозора, раздалась выстрелы и взрывы гранат. Вспыхнул факел огня.

Видя, что глазок стоп-сиг-

нала головной машины лейтенанта Виктора Суханова, нашего командира взвода, идущего направляющим впереди меня, стал заметно отдаляться, я подал команду своему водителю Диме Ярмашу — «Не отставать!» Дима поднажал. Я посмотрел на остальных четверых разведчиков экипажа — пулеметчиков Патрикеева и Васю Люлина, автоматчиков Колю Кучумова и Алексева. Ребята застыли, готовые в любую секунду открыть огонь по врагу.

Не успели мы подскочить к головному дозору, вспыхнувший было бой между ним и засадой гитлеровцев уже закончился. Гитлеровцы, обстреляв фаустпатронами и пулеметным огнем машины дозора, подожгли шедший первым броневик Васи Суворова, быстро снялись и убежали, не приняв боя.

Прошитый пулеметной очередью, на бровке кювета лежал мертвый старшина Суворов с разряженным пистолетом в одной руке и гранатой в другой.

Молодого парня из Саратова гвардии старшину Васю Суворова мы со всеми воинскими боевыми почестями похоронили в фруктовом саду на небольшом хуторе с ветряным двигателем в пяти километрах юго-восточнее города Кечкемет.

Осень полностью вступила в свои права, но погода еще держалась сухая и теплая. На виноградных плантациях не везде был собран виноград. На ветках яблонь висели поздние, большие и вкусные краснобокие яблоки. Гусеницы наших машин, плавно переваливаясь на бугорках и кочках, постукивая металлом траков, несли нас вперед. Наш взвод разведки под командованием лейтенанта Виктора Суханова шел на выполнение боевой

задачи. Мы должны были «установить» фланг опорного пункта гитлеровцев, укрепившихся перед городом Кечкемет, и разведать путь обхода его.

Уже рассвело, прямо перед нами в чаще деревьев показались несколько домов небольшого хутора и рядом с ними шоссе, идущее с Кечкемета на Лайошмиже. Оседлав шоссе до подхода передового батальона, наша разведгруппа расположилась за строениями так, чтобы нам были видны обе стороны шоссе. Стали ждать. У самого шоссе за забором с двумя разведчиками и бронбойным ружьем пристроился командир бронетранспортера старшина Чуркин. Пока я и лейтенант разговаривали с крестьянином этого хутора, пытаюсь мимикой и жестами установить название хутора, чтоб точно сориентировать наше местонахождение, подбежавший командир третьего бронетранспортера старшина Павел Постников доложил: — Со стороны Кечкемета по шоссе на большой скорости приближается машина.

Мы опомненью бросились к месту, где засел Чуркин.

— Бей по мотору! — только и успел крикнуть Суханов Чуркину, как тот уже выстрелил.

Делая крутые зигзаги, машина влетела в кювет и остановилась почти рядом с нами. За ее рулем с белым, как мел, лицом сидел гитлеровец в чине майора, рядом с ним женщина, от испуга потерявшая сознание.

— Машину в кусты, — распорядился Суханов, — майора в дом, — допросим, а ты, Буковский, приведи женщину в чувство.

Приказ есть приказ. Беру женщину на руки, несу к дому. Ребята смеются: — Побольше бы таких «языков» было.

Я уложил женщину на расстеленные около дома кукурузные снопы, расстегнул пуговицы на кофте, чтобы дать больше притока воздуха. Но тут она открыла глаза, одной рукой прикрыла грудь, а другой вlepила мне оплеуху. Собравшиеся вокруг разведчики заржали, как лошади.

— Ну тебя к черту, чтоб я тебя отжавивал! — плюнул я со злости и ушел к Суханову, сопровождаемый веселым смехом ребят.

Передав захваченного вражеского майора с женой командиру подошедшего передового батальона бригады, наши разведчики с капитаном Пичушкиным, помощником начальника разведки бригады, двинулись вперед.

За день прошли километров пятьдесят и поздно ночью остановились в хуторе из трех домов.

В доме, где горел свет и куда мы зашли, предвзвительно постучавшись, за столом перед графином с вином и рюмками сидели трое мужчин. Увидев нас, они застыли на своих местах.

Капитан Пичушкин подошел к столу, развернул карту и, заглядывая в разговорник, стал спрашивать о названии хутора.

Из-за стола поднялся седой старик и, мешая русские и словацкие слова, проговорил:

— Господа русские! Говорите по-своему, я понимаю русский язык.

На все вопросы старик отвечал обстоятельно, изредка переводя сказанное на венгерский своим двум собеседникам.

Старик по профессии оказался врачом, жил на этом хуторе. В империалистическую войну побывал в плену в России. Там и познакомился с русским языком.

Когда капитан закончил за-

давать вопросы, старик сказал:

— Мы сейчас слушали Будапештское радио. Оно передавало, что вы, русские, находитесь в Румынии и никакого успеха прорвать оборону немецких и венгерских войск не имеете. А вы, оказывается, уже здесь...

— Врет, как видите, фашистское радио. Сегодня здесь, а скоро будем в Будапеште. Вот так и переведите своим друзьям! — улыбаясь, сказал капитан Пичушкин. Простившись, мы вышли. Надо было идти вперед.

Неделю подряд осенний холодный дождь полоскал землю. После трехдневного отдыха и перегруппировки подразделений наш мехкорпус снова устремился на Будапешт. Большие опорные пункты фашистских войск мы обходили с флангов, приоритет их уничтожения бригада корпуса уступала шедшим следом стрелковым дивизиям 46-й армии.

Наш взвод бронетранспортеров двигался по проселку между насыпью и лесопосадкой вдоль железной дороги, идущей из города Кишкёрёш на Будапешт. Шедший в головном дозоре старшина Чуркин, подойдя на своем бронетранспортере к будке путевого обходчика, подал нам сигнал: «Противник слева!».

По другую сторону заросшей речушки, протекающей метрах в пятистах параллельно железной дороге, двигалась большая колонна танков и машин противника, держа направление на Будапешт.

Пока наш радист вызывал штаб бригады, мы, замаскировав машины в лесопосадке, вели наблюдение за отходившим противником.

От гитлеровской колонны отделилась легковая машина и

по грунтовой дороге направилась к небольшому мостику, переброшенному через речку. У моста машина остановилась. Из нее вышел гитлеровец и стал осматривать мост, по-видимому, определяя, пройдут по нему тяжелые машины или нет. Потом он закурил и не спеша вернулся к машине.

Мы ожидали, что гитловцы направятся по дороге к нам, и приготовились к встрече, чтобы схватить их тепленькими. Но водитель стал разворачивать машину. Видя, что такая ценная добыча может от нас ускользнуть, лейтенант Суханов приказал командиру броневика сержанту Левченко дать пулеметную очередь по машине.

— Хоть документы захватим, — сказал лейтенант.

Одновременно простучали две очереди с броневика и бронетранспортера Чуркина. Нам было хорошо видно, как водитель гитлеровской машины упал на сиденье. Машина остановилась. Другой гитлеровец выпрыгнул из нее — бросился в камыши и скрылся в нем. Так и удрал, стервец.

Старшина Чуркин с несколькими разведчиками побежал к машине и пригнал ее к нам своим ходом вместе с раненым водителем. Машина оказалась амфибией, а ее водитель офицером-сапером. К нам в руки попала сумка удравшего офицера и в ней ценная топографическая карта.

Пройдя километров 15—20 вперед, наша разведгруппа остановилась в небольшом хуторе. В машинах кончилось горючее. Только мы замаскировали свои машины, устраивая круговую оборону, как разведчик-наблюдатель доложил Суханову:

— Гитлеровский бронетранспортер подходит к хутору. Мы устроили засаду. Засели

в укрытиях, кто где смог. Чуркин с двумя хлопцами забрался на чердак сарая, рядом с дорогой, по которой катил бронетранспортер. И только он поравнялся с сараем, как на сидевших в бронетранспортере гитловцев обрушился автоматный огонь. Так еще один трофей оказался в наших руках.

На землю спускались ранние вечерние сумерки, когда наша разведгруппа вместе с танковым взводом под командованием старшего лейтенанта Свицкого достигла населенного пункта километрах в двадцати от южной окраины столицы Венгрии — Будапешта.

От пленных мы уже знали, что впереди, охватывая Будапешт полукольцом, тянется выстроенный гитловцами и салашистами первый оборонительный рубеж укреплений так называемой линии «Маргарита».

Второго ноября 1944 года все соединения нашего гвардейского мехкорпуса сделали первую попытку прорвать эту оборону и с ходу ворваться в Будапешт. Но попытка не удалась.

Гитлеровское командование, бросая в контратаки большое количество своих танков и пехоты, остановило продвижение корпуса. Завязались упорные бои. Плотность вражеской обороны была высокой. Два дня батальоны бригады при поддержке танков и самоходок пробивали первую оборонительную линию гитловцев. Роты 2-го мотострелкового батальона штурмовали окраину небольшого пригородного пункта с четырьмя высокими металлическими мачтами радиостанций. Но их с фланга контратаковало большое подразделение гитлеровских автоматчиков, поддерживаемое танками и самоходками. Нависла угроза окружения батальона.

Начальник штаба бригады гвардии подполковник Хохлов собрал разведчиков, автоматчиков, связистов и повел в атаку на контратакующих гитлеровцев.

Молодой разведчик из экипажа старшины Постникова мордвин Коля Паркин остановил несколько отходивших бойцов мотострелковой роты и повел их за собою навстречу фашистской самоходке и бежавшим за ней автоматчикам. В паре с неизвестным бойцом Паркин противотанковой гранатой подбил самоходку. Потом вел бой с фашистскими автоматчиками, пока их контратака не захлебнулась и те не отошли на свою линию обороны. Положение было выровнено, угроза охвата батальона ликвидирована.

В этом бою мой экипаж недосчитался нашего весельчака из династии потомственных тульских оружейни-

ков Васи Лялина. С поля боя товарищи вынесли тяжело раненого гвардии старшину Павла Постникова и нескольких разведчиков.

Битва за взятие Будапешта началась.

Во второй половине декабря наш гвардейский Николаевский корпус, переправившись через Дунай, сосредоточился в районе города Барачка. Уже сутки, как соединения нашей 46-й армии на шестикилометровом фронте — от города Барачка до озера Веленце — вели ожесточенные наступательные бои по прорыву гитлеровских укреплений, чтоб выйти в направлении города Бичке и замкнуть кольцо окружения фашистских войск в Будапеште.

Несмотря на низкую облачность и плотный туман, самолеты нашей штурмовой

авиации беспрерывно обрабатывали позиции фашистов, помогая пехоте пробивать трехъярусные укрепления «Маргариты».

Рано утром 21 декабря батальоны бригады, отражая контратаки гитлеровцев, дружно навалились на вторую оборонительную линию фашистов и прорвали ее. Вся наша рота разведки вошла в образовавшуюся брешь, но не доходя до окраины какого-то, еще не занятого нами, населенного пункта, нас и приданную нам танковую роту атаковали несколько фашистских танков и пехота.

В этом бою мне не пришлось участвовать. В самом начале его я получил девятое и последнее по счету ранение в Великой Отечественной войне.

г. Междуреченск.

Знакомьтесь: КТОМ

Авторы этих стихов — члены Кемеровского творческого объединения молодежи. Людмила Заикина — ученица 10-го класса, Семен Печеник — студент мединститута, Василий Завьялов — сотрудник газеты города Березовского, Леонид Гержидович — преподаватель физкультуры, Евгений Харламов — инженер, Александр Ибрагимов — студент пединститута. Все они разнятся по профессии да и по возрасту тоже. Но у каждого из них есть общая любовь — поэзия. Большинство авторов этой подборки в альманахе публикуются впервые.

Василий ЗАВЬЯЛОВ

ПЕРВАЯ УЛЫБКА

К солнцу вытянув ручки кривые,
Человек улыбнулся впервые.
Никому,
Ничему улыбнулся.
Просто так.
От того, что проснулся.
От того,
Что почувствовал в жилах
Жизни пульс, что природа вложила,
Первый луч,
Первый миг бытия,
Первый жалкий зародышек мысли
И еще самому не открытое «я».
Человечек и слабый, и тленный
Ничему улыбнулся —
Вселенной.
Той, что чудом его создала.
Той, что щедро его приняла.
Той, что что-то в грядущем
Готовит ему.
Может, славу и свет,
Может, горе и тьму.
Может быть...
Только это потом.
Это дальше.
А пока откровенно,
Лучисто,
Без фальши
Улыбнулось дитя, не поняв, отчего.
Всем и вся, кто заметил улыбку его.

АПРЕЛЬ

Зима, как склочная старуха,
Еще скрипит назло врагу.
Олени тащатся по брюхо
В зернистом матовом снегу.
Петляет хитро зимник узкий.
Трещит, ломаясь, жесткий наст.
Каюр ругается по-русски
И без конца ворчит на нас.
Дымит махоркой, смотрит в карту,
Сощутив острые глаза.
И вновь шагает перед нартой
В своих лохматых торбасах.
Тушует вечер гуще тени,
Копылья нарт цепляют пни,
Бессильно падают олени
И рвут упряжные ремни.
Перепрыгаем, помогаем...
И вновь среди ватной тишины
Идем, как будто убегаем
От наступающей весны.
А вслед за нами, как погоня,
Через улусы и тайгу,
Бредет апрель и тоже тонет
В глубоком северном снегу.

Александр ИБРАГИМОВ

КОНТРАБАС

В небе солнце, солнце, солнце,
Словно желтый папуас!
Мой котенок Контрабас
Носом тычется в оконце!
Он смешной и неуклюжий
На моих больших плечах,

И глаза, как две лягушки,
Скачут в солнечных лучах.
На весенних крышах плещи,
И капель, капель, капель!
У котенка в сердце плещет
Замаякавший апрель.
Он, как я — на подоконник,
Он, как я, сидит в окне,
Сердце скачет, словно конник,
По сосуечной весне!
Первый шум весенней почты:
Письма, листья, адреса...
И скворцов в конвертах-почках
Присылает нам весна.
Мы с котенком у оконца
Оба ждем весну сейчас...
Ловит цепкой лапой солнце
Мой котенок Контрабас!

Семен ПЕЧЕНИК

ИСПОВЕДЬ ПЕТРА ПЕРВОГО

«О, боже, дай такую силу,
Дай мне неистовую длань.
Бояре роют мне могилу —
Где подлости боярской грань?!

О, боже, дай такую силу...
Кровь, выступая на губах,
Сочится на мою порфиру,
Ручей горячий на перстах...

Господь! Как я, в Россию веря,
Ее безжалостно карал.
Ужели я подобен зверю?
Я сына, сына растерзал!»

Как щупальцы, персты худые,
И судорогой сводит рот:
«О, скольких я мужей, Россия,
Твоих возвел на эшафот!

Да укрепи мою ты волю,
Я ведаю, что я творю:
России нужен выход к морю —
Дорогу я к нему торю.

Ладони снасти задубили...
Зело холены короли —
Они ведь сами не крепили
Свои флоты и корабли!..»

Сверкают царственные зубы,
И грозно сжаты кулаки.
И полосую белой губы,
И синевой ярят белки.

Царь молится!

Царь молится!
Дрожит святой синод,
Царь новой мыслью молнится!
Царь исповедь дает!

Леонид ГЕРЖИДОВИЧ

КОРОСТЕЛЬ

Коростель, товарищ мой давнишний,
Вновь всю ночь не спится нам в тайге,
Что в затихших травах говоришь ты
На своем скрипучем языке?
Знаю, ты влюблен в березы эти,
В звон кедровый, в росные лога.
К нам в Сибирь по розовым рассветам
Через всю Европу прошагал.
Коростель мой, серенькая птица,
Знаю, красотой ты неказист:
Хвост торчком, как сломанная спица,
Длинноног и хрипло-голосист.
Только песнь твоя, как у поэта,
До конца по-своему своя.
С этой песней я встречаю лето,
С нею будто вновь рождаюсь я.
Лишь услышу где-то за горою
Голос твой —
И бросит сердце в дрожь.
Не меня ль вечернею порою
На ночь за околицу зовешь?
Ой, дергач, крикун ты нелюдимый,
Сколько тайн в душе я приберег!
Как и ты, без Родины любимой
Я прожить и года бы не мог.
И могу сказать тебе, как другу,
Ради этих женственных берез:
Не Европу — шар земной по кругу
Обошел я, если б привелось.
Только я вот в трепете горячем
Навсегда сумею ли, смогу
За проселок так вот, по-ребячьи,
Убегать в вечернюю тайгу?
Чтобы в росных травах перелесся
Слушать птиц, дыханье затая,
Чтоб в моей душе рождалась песня
До конца по-своему своя.

ШИШКАРЬ

Вконец прозябнув,
Утром рано,
Оставив у костра ночлег,
Сажу под кедром-великаном,
Как первобытный человек.
Тайгой изодранный, небритый,
В прожженной куртке на боку,
Я пригоршнями сыплю в сито
Шершавых шишек шелуху.
А это сито — не смешно ли?
Сосед-проныра, дед Сазон
С музея прямо в местной школе
Стажил в ореховый сезон.
И сито предков снова в спешке
В руках танцует, как челнок,
И громко падают орешки
На берестину возле ног.
О, это вечное шишкарство!
Из века в век, из века в век
Сполна отпущены мытарства
В тайге добытчику орех.
Сажу оборванный, небритый,
В смоле измазанный до пят,
А предо мной валеж да сито —
Музейно-древний агрегат.

Людмила ЗАКИНА

Открываю глаза... Это не было сном,
Желтый лист на мое опустился окно,
Как дитя неизвестной далекой

планеты,

Он кружился по комнате, залитой

светом.

Весь просвеченный солнцем ушедшего

лета,

Он был чист и прозрачен, как строчка

поэта.

Я шепчу эту строчку теперь наизусть,
На губах моих стынет осенняя грусть.

Евгений ХАРЛАМОВ

А В Г У С Т

И вот он, август!

П. Васильев.

И вот он, август! Рынков пестрота:
Как глобусы, тяжелые арбузы
И кисти виноградные, как бусы,
Все лучшие заполнили места.
И это — праздник! Это неспроста.
Он одарил нас урожаем щедро:
В его дыханье есть дыханье ветра,
В его ночах — озябшая звезда.
И все понятней трепетность листа,
И легкая сквозная паутина,
И тонкая нарядная рябина...
В Сибири август — красок чистота.

С Н Е Г

Я с грустью вглядываюсь в снег:
Осунувшийся, постаревший,
Снег — заболевший человек.
И как? —
Смертельно заболевший.
Врачом склоняется над ним
Ночной мороз, весенний, робкий.
Спаси! Но нет, неисцелим
Снег умирающий и толкий...
Снег невозможно уберечь,
Нельзя ему помочь, как другу —
И, может завтра, на заре
Освободит он землю плугу.

Ч У Ж А К И

РАССКАЗ

1 Старик сидел на приступочке, курил сигарету. У старика было широкое смугловатое лицо с негустой бородкой, оттопыренные — ладошками — уши; и только уголки глаз были словно оттянуты, выдавая в нем азиата. Шапка со свалывшейся шерстью лежала на коленях. В черных стриженных волосах густо рассыпалась седина.

Было приятно сидеть так, ощущать лицом, руками ласкающее тепло мартовского ослепительного солнца, слышать шорохи и всхлипы крадущейся под наледью воды. За ключом, в высоком рассветленном березняке, занятые семейной суматохой, пронзительно вскаркивали вороны, первыми откладывающие яйца.

Старику нездоровилось; тяжелая, густая боль в левом боку время от времени подкатывала к сердцу, сбивала дыхание.

В тени широких лыж, воткнутых в снег, лежала заледенелая тушка копалухи. Птицу давно следовало разделать, но ему сегодня было не до этого: очень уж саднил, не давал вздохнуть, согнуться бок, да и есть не хотелось.

Над березняком с пронзительным гвалтом взлетело воронье; меж тонких, сливавшихся со снегом стволов зарыбила фигура всадника: кто-то ехал сюда, к избушке, — иных троп в березняке не было.

Старик загасил о снег сигарету, спрятал окурок в карман; из-за пазухи вынул трубку с длинным кривым мундштуком и тремя бронзовыми бубенцами, помял пальцем табак, сунул трубку в рот.

Ехал начальник метеорологической станции Карышев. Сама станция была километрах в шести вверх по ключу; когда старику случалось подниматься на соседний голец, он видел вдаль, на склоне распадка, два рубленых домика и поблескивающие на солнце металлические мачты антенн.

Маленькая мышиного цвета лохматая ло-

шадь шла через ключ, осторожно пробуя копытом наледь. Потом цепко полезла на взгорок; шагах в двадцати от дома она стала и ни с места; ноздри ее тревожно раздулись.

Карышев пихнул ее валенками, но лошадь вдруг поднялась на дыбы, прыгнула в снег. С Карышева слетела, покати-лась шапка. Он ухватился за гриву и багровея от натуги, рванул поводья; лошадь выбралась на тропу и, всхрапывая, попятилась.

Старик сидел неподвижно, попыхивая дымком; в его сощуренном взгляде была пронзительность.

Карышев, ругаясь, слез с лошади, привязал поводья за торчащий кустик, зло пнул ее под брюхо.

— Здорово, дед! — сказал он подходя, отряхивая шапку. — Слушай, почему это на тебя кобыла не идет?

Старик отпустил зубами трубку, бубенцы слабо звякнули, он усмехнулся:

— Об этом надо спросить ее всадника.

— Ну, ты это брось; я на ней уже второй год езжу; слава богу, к седлу привык. Мистикой занимаешься?

Карышев, в черном простроченном полущубке, с палочками вместо пуговиц, сел рядом на ступеньку, из пачки зубами вынул папиросу, громко дунул.

— Позволь огоньку.

Взял у деда трубку, пососал, морщась, прикурил и, возвращая, сплюнул:

— Музейная вещь.

С минуту оба сидели молча, курили. Карышев с интересом рассматривал дедово жилье: куча капканов, сваленных под стеной, вытаявшая из-под снега лодка-долбленка, пчелиные колодки, составленные штабелями, под навесом — деревянный станок для разделки кедровых шишек, и на вешалах — длинных шестах из угла в угол — пучки трав и смерзшиеся заячьи шкурки.

— Я, собственно, к тебе по делу, — сказал Карышев. — В поселке слышал, что ты с охоты вернулся, за Черной речкой промышлял.

Старик кивнул головой: скрывать не было смысла, лыжный след — вон он, его определит любой поселковый мальчишка.

— Ну вот, а мы радиogramму с центральной приняли. Категорическая такая радиogramма, понимаешь, неотложная. Где-то на Черной речке ихний метеозонд упал. Ты случаем его там не приметил?

— Кого это? — старик скосил на Карышева узкие глаза, прищурился.

— Метеозонд, говорю, с центральной прохлопали, посеяли, то есть. Ну, шар такой, а к нему ящичек подвешен; алюминиевый ящичек, а в нем приборы.

— Нет, — сказал старик, подумав. — Не видел.

— Да ты припомни, может, заметил где. Шар такой огромный, розового цвета, его далеко на снегу видать. Ты же охотник, стреляешь, поди, как бог.

— Куда там! Ружьишком я редко балуюсь, по зайцу разве, да вон копалуха когда подвернется. А так все капканами да ловушками.

— Вот, скажу тебе, хреновина на мою голову, — огорчился Карышев. — А я так надеялся. Придется самим идти на Черную. Умотаешься, как собака, это как пить, а еще найдешь ли. А ну как за Саргаю уволочло?

— За Саргаю утянуло — значит все, — сказал старик и постучал трубкой о приступочку. — Там до самой Хакасии не за что уцепиться, голь, ветра, все в спину да в спину...

Пряча за пазуху трубку, он сделал неосторожное движение. Боль, нарастая и пульсируя, разлилась по пояснице. Он сморщился, слабо охнул, задышал ртом.

— Ты, чего, дед? — спросил Карышев с удивлением. — Хвораешь вроде?

— Застудился я, как с охоты шел, — сказал старик, прижимая одну руку к боку, а другой нахлобучивая шапку. — В ливину остушился на Теплом ключе... Подсобика, совсем перехватило.

Карышев поднял деда, повел в избушку. Там он посадил его на лежанку, сказал укоризненно:

— Эх, дед. Я еще хотел тебя с собой позвать, как-никак ты тайгу знаешь, помог бы...

Тот только вяло махнул рукой, лег на спину, трудно дыша, моргая.

— Да ты всерьез расклеился! — Карышев наклонился над ним, заглядывая ему в

лицо. — Придется за медициной ехать. Если, конечно, ты мою лошаденку не до смерти напугал... Или ты как — не признаешь медицины?

Старик отвернулся, лицо его заблестело испариной.

— Ладно, ладно, — торопливо проговорил Карышев, — не буду задевать твоих религиозных чувств. — У двери повернулся, обежал взглядом избенку — низкий потолок с темными кругами от лампы, мокрые подоконники, закопченные котелки на печи, приставленные к стенам доски с распяленными шкурками, — оглядел и покачал головой: — А и берлога у тебя, дед, прямо хоть в кино показывай. И пахнет черт знает чем, даже вроде бы сигаретам — травы, что ли, у тебя такие?.. Ну ладно, жди, не загибайся.

2 К вечеру на санях приехала фельдшерица — решительная крепкощечная девчонка в дошке и лыжных брюках с нашитыми стрелками, громко и сердито поздоровалась от порога, шаркнула о пол баульчиком.

— Ну, что у вас? — сказала она, проходя и на ходу набрасывая халат. Старик хотел подняться, но фельдшерица сказала:

— Лежите, лежите! — Расстегнула ему пояс с большим охотничьим ножом в кожаном футляре, сняла шубейку; несколько застиранных рубашек, одетых одна на другую, она закатала повыше, оголив грудь и живот.

— Что это? — спросила она удивленно, держа в руках тяжелый вязкий мешочек. — Что это вы на себе прячете?

Старик часто заморгал, заморщился, отводя глаза от строгого, тревожащего взгляда фельдшерицы.

— Грелку делал, — сказал он, — песок горячий прикладывал, стреляло немноготу.

Фельдшерица брезгливо бросила мешочек, быстрыми уверенными движениями ощупала большую ссадину на боку, уже занявшую кровоподтеком, сердито фыркнула:

— Какая же тут простуда, обыкновенная травма, где это вас угораздило? Ударились, что ли? — Она раскрыла баульчик, стала вынимать из него инструменты. — Единственного я до сих пор не понимаю, — говорила она, роясь в баульчике, — чего это вас от людей тянет — на выселки там всякие, займки, сторожки, к черту на кулички! Понять не могу этого стремления!

Вы же не только себе хуже делаете. Я бы, к примеру, в поселке пятерых больных приняла, а вас тут одного приходится. Ведь и снабжаться вам труднее, и ребяташки от учебы отстают.

— Один я живу, — сказал тихим голосом старик.

— Тем более, надо в поселок перебираться: не молодые уже, вдруг что случится, кто поможет?

— Кому я там нужен, в поселке? — пробормотал старик.

— Как кому? Вы же охотник, на кооперацию работаете. Почему не живете, как все? Скамейка у вас, глядите, — и та колченогая, а почему? Лесу не хватило? Или вот это самое на чем вы спите, как это... нары что ли? Из горбылей сделаны! Повернитесь, пожалуйста, на бок... А любовь вашу к природе я знаю, повидала. Сколько езжу по этим выселкам, хоть бы под одним окошком березка росла или там рябинка. Ничего нету, голо все, пустыня! На двести метров кругом все вырублено.

Она вынула бинт, с треском разорвала упаковку.

— Разное про вас люди несут: и нелюдим-то вы, и скуп, и даже наговорами вроде занимаетесь. Я, конечно, ни в какие наговоры не верю, но ведь правда, что когда вы мимо поселка идете, все собаки прямо-таки с ума сходят, сама видела! — Дурные у них собаки, распущенные, вот и сходят, — сказал старик.

— Ну, хорошо, собаки — это ерунда, меня они первое время тоже чуть на кусочки не растащили, спасибо одному человеку, выручил. А вот скажите, почему это вас Шаманом зовут?

— Кто зовет, того и спросите, мне все это ни к чему; вышел и я из годов, чтобы силой своей пользоваться.

— Это какой же такой силой?

Старик часто заморгал, брови его задержались, он скосил глаза.

— Нет, вы погодите, — вдруг заволновалась фельдшерица; ее округлые в запястьях руки замерли на полпути. — Это какой же такой силой? Сверхъестественной, что ли?

— Бок что-то палит, — сказал старик, поглаживая поверх бинта. — Будто огню подложили.

— Ничего, пройдет. Разве вот туго запеленала?

— Ох, туго, девка; да и то хорошо, что туго, не выскочит.

— Странный вы, — сказала фельдшерица. — Что не выскочит?

— Не выскочит, не выскочит, — забормотал старик, пронзительным взглядом упершись в лицо девушки.

— Ну вот что, — сказала та решительно. — Прошу вас прекратить; я пришла лечить, а не выслушивать всякое... Завтра я вас навещу. Без надобности не подниматься. До свидания.

Собрав медикаменты и подхватив свой баул, она вышла. Старик сразу обмяк, прикрыл глаза ладонью, пробормотал еще что-то, отвернулся к стене.

3 Неделию назад он уходил в тайгу, на Черную речку: там стояли его ловушки, и было самое время их обновить.

Днем солнце уже припекало, стволы деревьев, жадно впитывавшие тепло, стояли в глубоких воронках. Черемуховые лыжи, подбитые шкурой с ног молодого лося, шли с хрупом по тугому отсыревшему насту.

Тайга оттаивала, оживала, стояла в глухаринных густых набродах, в тоненьком любовном посвисте рябка, гулком перестуке о сухую стволину брачно настроенного дятла. Торчащие вершинки акации и шиповника пестрели подпущью линяющей лисы.

Ночами прихватывало; вокруг луны дымились кольца, предвещая ветер. Он раскладывал костерок, кипятил крутой чай. а потом, нарубив хвойных лап, ложился и, поглубже нахлобучив шапку, засыпал до утра. За ночь костер утаивал в снег, и, когда старик вставал, из снежного колодца вился холодный припадающий дымок.

Днем он заметил бурундучка; тот сидел на оттаявшей колодине, тощий и грустный, мерцал остренькими бусинками глаз. «Значит, и медведь вот-вот поднимется, — привычно отметил старик про себя. — Надо быть настороже».

Его капканы и ловушки стояли по безымянным ключам Черной речки, в глубоких изгибистых логах, ходить по которым ему становилось все труднее. Из одного капкана он поднял смерзшееся в смертельных конвульсиях тельце колонка, в другом оказалась перебитая пополам и уже раздерганная лисой сорока. Несколько ловушек присыпало снежным окатом. Остальные были пусты, нетронуты.

Все это для него не было неожиданностью: человек распугивал зверя. Стрекот вертолетов, начавших летать над здешними местами года четыре назад,

взрывы на изыскательских шурфах, тракторная гарь, которую зверь чует за десятки километров, — все это страшило зверя, оттесняло прочь, в глухие недоступные отроги Саргаи.

В ночь задул, засипел в кронах ветер. Снегопада не было; ветер, тугой и стремительный, тешился тем, что срывал с подтаявших днем заструг, с гигантских снеговых пузырей на пнях ледяные чешуйки, змейками гонял по насту, заравнивал заячью бестолковую многоследницу.

С рассветом он решил возвращаться.

Низко над крутыми перевалами ветер гнал облака. Кедр парусил широкими кронами, стряхивая остатки кухты — залежавшегося в хвое снега. Старик съехал вниз и шел понизу, где был затишек и где наст лежал ровнее, спокойнее. Это намного удлиняло путь, но спешить ему было некуда; охота не удалась, а провизии у него было достаточно, можно было походить с ружьем по молодому кедрачу, где любят пастись тяжелые на крыло глухари и тетерева.

Он увидал вдруг, как по беспокойной колышущейся зелени тайги проплыло стремительно и ровно розовое пятно. Пятно тут же исчезло, точно растворилось, а через минуту возникло вновь круто летящим вниз по лугу тугим шаром. Подхваченный воздушным током шар заколыхался, заплесал на месте, поплыл по-над склоном, едва не задевая стрелчатые верхушки елей. Под шаром, на невидимых стропах, болталась маятником тяжелая корзина.

Старик повернул лыжи и длинным скользящим шагом, каким он прежде выхаживал многодневный звериный след, пошел вдогонку.

Он настиг шар через полтора часа безостановочного изнурительного бега. Алюминиевая корзина, прочертив по снегу глубокую борозду, вклинилась в развилку сломанной осины. Розовый шар бился о ветви, то поднимаясь, то припадая.

Старик, тяжело дыша, сбросил заплечный мешок, ружье, полез под осину. Взяв в горсть тонкие скользящие шнуры, он ударил по ним ножом — корзина мягко ткнулась в снег.

Облегченный от груза огромный шелестящий шар дрогнул под ветром, колыхнулся, потянул вверх. Но такой добычи старик упустить не мог. Он крепче перехватил стропы. От рывка с него свалились лыжи, он заболтал ногами, неожиданно почувствовав под собой пустоту. Его кру-

тануло, он увидел землю, косо уходящую от него, сломанную осину, рядом свой мешок и ружье, ощутил неведомый ему холодок полета — и изо всех сил взмахнул над головой ножом.

Шар взвигнул, что-то гулко и протяжно ухнуло; падая, старик едва успел отбросить нож. Он ударился всем телом, а когда стал выбираться из снега и из-под накрывшего его скользкого шелка, острой болью отдавало в левом боку.

Он собрал шелк, перетянул его стропами и спрятал в мешок. Потом поднял корзину, она была тяжела. Он разыскал нож, ковырнул лезвием крышку. Множество блестящих приборов, цветные проводки, катушки — все это заворожило его. Тогда он засунул в мешок также и корзину, и, чувствуя непрестанную боль в боку, сгибаясь под грузом, медленно побрел назад...

...Фельдшерица приезжала каждый день, ближе к вечеру, меняла перевязку с холодными, щекоцущими успокаивающими мазями.

Когда она уходила, старик, кряхтя и отдуваясь, влезал по лесенке на чердак, из дальнего угла выволакивал свой охотничий мешок.

Он присаживался на балку и подолгу сидел, пропуская в ладонях сухие шелковые струи. Такого богатства он еще никогда не имел. Он думал о том, что хорошо бы сходить в соседнюю геологическую партию. Там живет знакомый ему радист (встретились в тайге, на охоте), занимается ремонтом приемников. Ему можно было выгодно продать корзину с приборами. А с остальным... с остальным пока можно подождать — он бы, конечно, небольшой лоскут — на платок или там на что еще, — подарил фельдшерице, она девка ничего, путевая, хотя и шумит много. Но ведь она знает Карышева!

Старик сидел, вздыхал, потом прятал все снова в мешок, спускался в избушку. Распалывал печь, ставил на огонь чугунок с водой, ложился на нары и закуривал сигарету...

4 Лет сорок назад или больше двадцативосьмилетний Арсентий появился в этих местах вместе с женой, молодой узкоглазой шорочкой, тайком увезенной им с золотого прииска Воскресенка, где она была уже обвенчана с другим. В поводу они вели лошадь, нагруженную охотничьей и рыбацкой снастью, одеждой и плотницким инструментом.

Маленький таежный поселок встретил их молчаливо, настороженно. Однако это не смутило пришельцев. На краю поселка они построили шалаш и тут же принялись рубить дом. Весь день они оба топали топорами, лошадей таскали из тайги бревна, сушили на горячих прибрежных камнях мох, а потом, уставшие и пропотевшие, спускались к речке купаться. Ключевая горная вода обжигала их разгоряченные тела. Они выползали на песчаную коску, за реденьким ивняком, оба нагие, черноголовые, ложились рядком, дрожа смуглыми чешуйчатыми от капель телами. Поселковые бабы, украдкой наблюдая за ними, возмущенно плевались, а мужики хмуро кричали, отводили глаза. Арсентий привел в порядок свои капканы и ловушки, ушел в тайгу. Через несколько дней все они оказались порушенными: у ловушек сбиты сторожки, а капканы спущены. Он переменял приманку, терпеливо расставлял все вновь. На этот раз ловушки были порублены, а капканы разбиты. Сохранились только те, которые он тщательно замаскировал.

Вечером он взял жену за руку, и они пошли в поселок.

Мужики — человек восемь — сидели на завалинке большого крепкого пятистенника, грызли кедровые орехи, лениво переговариваясь. Посредине сидел хозяин дома Игнат, крутоплечий с растрепанной головой мужик, в просторной косоворотке и широких стоптанных сапогах-броднях. Туесок с орехами он держал между колен. Пришельцы остановились, поздоровались. Мужики промолчали, слышалось лишь сосредоточенное пощелкивание. Только шестнадцатилетний сын Игната, безбровый парень с круглым лицом и оттопыренными под кепкой ушами, смотревший на молодую женщину с нескрываемым восхищением, не выдержал молчания:

— Здоров были, чего там!

— Ну вот что, мужички, — сказал Арсентий решительно, — давайте говорить, как на духу: чем это мы вам не потрафили? На какую такую вашу мозоль наступили? Жить мы тут думаем всерьез, дом, как видите, рубим, вас на новоселье пригласим по осени; почему вы не хотите принять нас в свое общество?

В окнах пятистенка замаячили женские лица. Мужики продолжали молчать, опустив головы, сплевывая шелуху на спины копошащихся под ногами кур.

— Может быть, я капкан ставлю не там, где надо, дорогу кому переступаю? Так вы скажите! Зачем же снасть губить, у

меня кузни нету, чтобы ее налаживать. Игнат пошуровал в туеске рукой, вынул горсть орехов и, пересыпая из ладони в ладонь, отсеивая сор, проговорил неторопливо:

— Не капканы ты ставишь не там, где надо, а дом, паря.

— Ну, это вы бросьте, мужики, места эти мне во как приглянулись, а в тайге нам с вами тесно не будет; я могу и уступить, буду, ежели хотите, под Саргаей промышлять; молодой еще, выдюжу.

— Под Саргаей? — протянул сосед Игната, ухмыляясь щербатым ртом и подталкивая локтями рядом сидящих. — Туда ить с ночевыми добираться надо.

— Так и что? И буду добираться с ночевыми, не ваша забота.

— А жену молодую на ночь не поостерегешься одну оставлять?

Скулы Арсентия омыла бледность, он глянул на щербатого узкими глазами, приобнял за плечи жену, ответил сдержанно:

— Ничего, как-нибудь... А на всякий случай скажу: она у меня стреляет не хуже каждого из вас, понял?

Из окна, над головой Игната, высунулась старуха в сбитой на затылок черной шали, визгливо крикнула:

— Стыда у ей нету, у бессовестной! Раздежкой раздеться, голяком, щеголять, тьфу, прости господи, страм!

— А ты, бабка, не подглядывай, — сказал Арсентий, принужденно улыбувшись. — За подгляд детшек наказывают!.. У нее, может, всего одна рубашонка и есть, жалко ведь каждый день в воде да песке полоскать, она и бережет.

— Да и ты сам не чище! — не сдавалась старуха. — Уматывайте, откуль заявились, христарадники, голь перекатная!

Так и ушли пришельцы ни с чем, унося в душе обиду, удивляясь непонятной злобе человеческой.

Осенью они справили скромное новоселье. Арсентий был удачлив в охоте, неумоим, иногда ему даже случалось принести соболя. В его многодневные отлучки под Саргаей жена не показывалась вечерами из избы, а ложась спать, ставила возле кровати заряженное ружье.

Однако зима прошла спокойно, хозяйство их окрепло: уже к весне Арсентий мог одеть жену так, что той не стыдно было пройти по поселку.

Но в разгар лета, в самую его ягодную и сенокосную пору, к их дому подкралась беда.

Молодой жене наступило время рожать.

Боли начались однажды под вечер. Арсентий сбегал за повитухой, приготовил что требовалось — теплую воду, белье, полотенце, — сам вышел на крыльцо, сел, стал ждать.

Он просидел так до глубокой ночи, высмаливая одну самокрутку за другой, а потом, вконец обеспокоенный, вернулся в избу. Жена с обтянувшимся влажным лицом лежала на высокой постели, длинно постанывая; повитуха, пожилая суетливая женщина в распушенной кофте с закатанными рукавами, поманила Арсентия за печь, сказала шепотом:

— Чего-то неладно у ей, не получается; к фельшеру бы ее надо, ишь, как распирает бабу.

— К фельшеру! — сказал Арсентий. — До фельшера вон сколько, сорок верст. У меня, как на беду, лошадь ноги решилась. А ты чего же, неспособна, или как?

— Я и говорю — неладно у ей, наук моих не хватает, к фельшеру в Раскатику надо бы, помрет баба, ежели что, истинная правда.

Арсентий постоял возле жены, поправил и без того ровно лежащее одеяло, вышел во двор. Уже брезжил рассвет. Он заглянул под навес: лошадь вяло повернула голову, дунула ему на руки. Она стояла на трех ногах, подогнув переднюю, глядя на хозяина виноватым слезящимся глазом. Арсентий пошagal в поселок.

Игнатов пятистенок стоял с распахнутыми уже ставнями, хозяйка была в завозне, гремела подойниками, покрикивала на телка, мешавшего доить. Он спросил, поднялся ли хозяин; женщина, оглянувшись на гостя, оторопело закивала: «Должно бы, должно бы», она впервые видела на своем дворе Арсентия.

Игнат сидел на низкой скамейке в расстегнутой на всю грудь нижней рубаше, с ковшиком в руках, в котором плавали ягоды брусники.

— Игнат, — сказал Арсентий с порога, — дай коня на день, жену в Раскатику свозить, рожает она у меня, да чего-то неладно.

Игнат отхлебнул из ковша, смахнул с бороды капли, спросил хмуро:

— А свой-то пошто?

— Свой-то он обезноженный стоит; пася третьего дня за ключом да на гадюку, видать, наступил: все плечо раздуло, не знаю, что и будет.

— Ничего не будет. Дён десять постоит да оклемается, дело обычное.

— Это верно, да ведь сейчас надо, плохо жене, не померла бы.

— Семка! — крикнул Игнат и, подув в ковшик, стал тягуче пить, дрожа горлом. В дверях показалось круглое заспанное лицо паренька.

— Ну, чего вам?

— Ты это... чересседельник вчера починил?

— Ну! Счас починю, успеется, небось.

— А на покос ехать собирались?

— Так и что? Долго мне, что ли?

— Цыть! — пригрозил Игнат, оборачиваясь и расплескивая на колени брусничную воду. — А ну, марш чинить! Я те покажу успеется!

Он отставил ковш, поскреб обеими руками голову, полез на печь, раскорячившись. Оттуда полетел на пол один сапог, через минуту второй. Следом спустился Игнат, подобрал сапоги, стал с сопением обуваться.

Арсентий спросил неуверенно:

— Значит, дашь коня-то? Тогда я за своей сбруей сбегую.

Игнат поднял голову, словно он уже забыл о госте и сейчас тот некстати напомнил о себе, сказал удивленно:

— Дак слышал же — на покос собираемся.

— Ежели хочешь, — сказал Арсентий, — я после на твоём покосе день отработаю, а то и два. Ты не дашь, другие и подавно: тебя побоятся... Дай ты мне коня, Игнат, ведь не для бездельцы какой прошу, а человек помирает.

Игнат продолжал обуваться, сосредоточенно завязывая у щиколотки и под коленом ремешки.

— Тятя, а то и вправду бы дали, — просунул голос Семка, — завтра и поедем...

— Цыть! — крикнул Игнат. — Ты еще тут? Вот я броднем!

Спустя час в оконных переплетах, в проемах ворот замелькали лица — то злобно-торжествующие, то испуганно-удивленные: по поселку шел Арсентий, неся на руках жену. Завязанная через плечо шаль туго врезалась в загорелую напрягающую шею.

Тяжелым размеренным шагом он миновал дворы, огороды, выходя на скрывающийся в тайге затравянный проселок. Босоногая девчонка, поднимавшаяся от речки с полным решето промывтой ягоды и оказавшаяся на его пути, испуганно отступила в сторону. На запрокинутом лице женщины вздрагивали потемневшие искусанные губы. Девчонка долго смотрела им вслед, не замечая падавшей ягоды, потом вдруг поняла что-то, ахнула и, зажав ладонью рот, точно удерживая крик, опустилась на землю.

Солнце, плывшее над туманной, рассеивающейся волной, жгло непокрытую голову Арсентия, плечи под чернеющей медленно рубашкой. Возле ручья он бережно опускал стонущую жену, вытирал ей виски и рот влажной тряпичей, шептал какие-то слова и опять шел — ровно, ту-по, размеренно, — глядя на качающуюся перед глазами дорогу.

Где-то на тридцатой версте, далеко за полдень, сзади послышался скачущий топот копыт. Поравнявшись с ними, с седла свалился Семка; по его безбровому лбу струился пот. Подергивая повод уздечки и глядя мимо глаз Арсентия, он сказал: — На-ко вот, садись. А то уж это думал — не настигну..

— Как же ты, Сема? — спросил Арсентий дрогнувшим голосом. — Ведь прибьет тебя отец, как узнает.

— А, — махнул рукой паренек, утирая с подбородка пот и морщась, — может, и не прибьет... Я это утром-то нарочно дома точилку забыл, а после говорю: вернуться бы надо. А сам на вершню да сяду...

Они отыскивали по обочине высокий пенек; Арсентий, держа жену одной рукой, как ребенка, сел в седло, тронул поводья.

В Раскатихе, обширном поселке золотодобытчиков, у крыльца фельдшерского пункта, ему помогли слезть с коня (сам уже не смог), разомкнули обрявшие руки, развязали на вспухшей шее узел шали, унесли роженицу в помещение.

Арсентий сел, попытался было свернуть самокрутку, но только просыпал табак: пальцы не держали бумаги.

На крыльцо вышла женщина в распахнутом свисающем халате. Вытирая о полотенце обожженные йодом руки, она проговорила:

— Поздно, поздно!.. Ах, поздно.. Где вы раньше-то были?

Арсентий трудно поднял всклокоченную голову, глянул дико.

— Нет, нет, — испуганно добавила фельдшерица. — Роженица будет жить, а вот младенца вызволить не удалось: помер... А то бы мальчик был...

Жена отлежалась; через две недели она уже поднялась на ноги — причиной тому была молодость да азиатская извечная живучесть, — стала помогать Арсентию по хозяйству. Только с этих пор в выражении ее смуглого красивого лица появилась какая-то напряженность.

А ночами она подолгу лежала с открытыми глазами, а потом вдруг припадала

к мужнину плечу и, дрожа от подступивших рыданий, иступленно, обжигающе шептала:

— Отомсти им... слышь — отомсти. Разве это люди? Это нелюди! Жить мне тяжело рядом с ими. Неужто не отомстишь, сбеешь. А?

А когда однажды, возвращаясь с таежной елани, с косами на плечах, они увидели идущего по их тропе Игната, жена так сдавила руку Арсентия — тот только крикнул, оторопело покосился: что это удумала баба?

Игнат, почуяв неладное, сошел в высокую траву, стал сосредоточенно ломать ветви рябинника с тугими свисающими гроздьями, будто за этим и шел.

Поравнявшись с ним, глядя на его заросшую бычавшую шею, жена жарко выдохнула:

— У, ирод проклятый, душегубец!..

Точно подхлестнутый, Игнат обернулся, ноздри его вздулись, под усами блеснула полоска зубов:

— Иди, иди, не сдохла ишо?

— Сдохни сперва ты, иуда!

— Мне скидышей не носить, а боле причины нету, проваливай мимо!

Арсентий почувствовал, как внезапная ненависть туманит ему голову. Он рывком сбросил с плеча косу, перехватил ее и шагнул в траву, с хрустом ломая упругую высокую дудку.

Игнат запятылся, прикрываясь, как щитом, охапкой веток. Потом швырнул ее под ноги Арсентию, присел и, хрипя и подвывая, ломанулся через поляну в густой перепутанный хмелем черемушник.

Лошадь Арсентия, пасясь в тайге, набрела на самострел, поставленный охотниками на лося. Следы явственно говорили, что кто-то из поселковых умышленно нагнал лошадь на тропу, где был поставлен самострел.

Спустя несколько дней в четырех дворах поселка, включая двор Игната, безо всяких видимых причин, без болезни, сдохли сразу все коровы.

Арсентий, узнав об этой новости, не придал ей особого значения. Только стал он после этого замечать, как при нечаянных встречах с ним поселковые, особенно женщины, бросали взгляды, в которых можно было прочесть не только злобу, но и испуг.

Уже по осени, когда жена сказала Арсентию, что ей надо бы сходить в тайгу дня на два, поискать лечебной травы — что-то женские болезни стали беспокоить — Арсентий предложил сходить вдвоем, так

безопаснее. «Что ты, — возразила жена, — а дом как же? На кержаков бросать?воротимся, а тут головешки одни. Нет уж, я сама схожу, небось, тайга для меня не чужая».

Не было ее четверо суток, а когда вернулась, осунувшаяся, с побитыми до крови ногами, в исхлестанной понизу юбке, то сразу же слегла.

Вскоре она выздоровела, но, должно быть, не совсем: ходила вялая, неулыбчивая, красота ее женская стала блекнуть, а волосы, еще недавно ливнем лившиеся с плеч, посекались. Арсентий ходил с ней в Раскатику, показывал фельдшерам, однако те ничего не смогли обнаружить.

В конце осени, когда на притихшую тайгу высыпал первый устойчивый снежок, а под окнами на рябине завозилась, затенкала веселая синица-лазоревка, жена умерла.

Накануне она сказала Арсентию:

— Не на счастье, видать, ты увез меня из-под венца. Но я тебя не виню, ты жалел меня, больше мне ничего не надо. Нам не повезло на людей — за что? Я не знаю и ты не знаешь; ты был добрый, а я последнее время ожесточилась, отяжелело у меня все внутри, не могла я; и вот сейчас хочу открыться перед тобой, Арсентьюшка: ведь скотину-то ту кержацкую я извела.

Арсентий окаменело молчал. Большие, глубокие глаза жены смотрели на него строго и прощающе.

— Дроби я им всем по горсти в пойло сыпанула...

— Не надо было этого, — тяжело выдавил Арсентий, — убить же могли да и скотина тут ни при чем.

— И еще тебе хочу признаться, — не слушая продолжала она. — Обманула я тебя, Арсентьюшка, добрый ты мой, не за каким я лекарством ходила в тайгу, а ходила я собирать кулон-траву, которая копей убивает. Я ведь аж за самой Саргаей, на лугах была. А на обратной дороге свернула к Игнатову стогу... Свернула к стогу и в сено-то, в сено-то всю эту травку позапихивала.

— Это какой же стог-то, по Сухому ключу или как?

— Нет, — сказала она, и губы ее тронула темная загадочная усмешка. — Я в далекий, который под Кедровой гривой. Они перво-наперво дальний станут вывозить, по мелкоснежку... А ты, Арсентьюшка, уезжай отсюда, уезжай; к людям уезжай. Без меня тебе к людям можно. — Она смолкла, прикрыла глаза. — А если

останешься... возле меня останешься... то вот тебе мой последний совет. Все здешнее в поселке которые, народ злой, испуганный, темный. А может, потому и злой, что темный... Возьми ты их на страх, Арсентьюшка, спрячь свою доброту, пускай они боятся тебя... Вот как завалишь медведя, жиром его свежим смажь на себе одежду-то, всегда смазывай, когда через поселок идти. Кони от тебя будут на дыбки вставать, всадников скидывать, собака самая отчаянная в подворотню улезет. Верное средство — тебе говорю. Бояться тебя станут поселковые, страх иметь будут, иначе не прожить тебе, Арсентьюшка, изведут, как есть изведут, загравят...

Арсентий сидел в оцепенении и уже не мог понять, то ли по здоровой памяти шепчет ему жена эти слова, то ли заговариваться начинает...

Первое, что сделал Арсентий, похоронив жену, — наладил лыжи, кинул за спину ружье и ушел из дому. Отойдя далеко за поселок, он кружным путем вышел под самую Кедровую гриву. Игнатово сено, о котором говорила жена, он нашел сразу: крепкое высокое остожье оберегало его от лесов и маралов.

Арсентий поджег стог и, не оглядываясь на столб огня, с шипом зализавший макушку, затрушенную снегом, перевалил гриву, исчез, растворился в тайге.

Возвратившись через месяц в поселок, он не нашел своего двора. На месте его было грязно-черное расплывшееся пятно гари. обугленный квадрат нижних разваленных венцов да витал неистребимый запах пожара. От росшей под окнами рябины остался тонкий, заострившийся пенек со вздутой, пупырчатой корою.

В дальнем углу огорода стояла заравненная уже снегом крохотная банька по-черному. Арсентий выбросил из нее каменку, полук, сложил печурку, выведя колено трубы через единственное окошко и стал зимовать в баньке.

Лишившись дальнего сена под Кедровой гривой, Игнат стал пользоваться ближним — с Сухого ключа. Однажды ночью он был разбужен тяжким глухим стуком в завозне, лошадиным ржанием. Войдя с лампой в завозню, он увидел обеих своих лошадей с мордами в кровавой пене и бившихся в предсмертной агонии.

Арсентий, узнав об этом, был потрясен. Он вспомнил покойницу, ее странную, загадочную усмешку на холодеющих губах и понял, что, должно быть, она была по своему права в последние минуты, сказав

ему заведомую неправду.

Весной Арсентий ушел и срубил себе одинокую избушку вдалеке от поселка... Пролетели годы, не стало в поселке уже давно Игната, рассыпалась в прах кержацкая злобная община, родились новые люди, поселок разросся, в нем долго одно время базировалась партия и ушла, оставив после себя школу, магазин, амбулаторию, а молва о старике-отшельнике, по прозвищу Шаман, к которому нельзя ни подъехать на лошади, ни подойти с собакой и поэтому лучше его оставлять в покое, молва жила, и где тут кончалась правда и начиналась выдумка — трудно было разобраться.

5 Ночь старик не спал, ворочался на жесткой лежанке, часто вставал, закуривал от лампы, подолгу не отрывался взглядом от пляшущего язычка пламени. А под утро, когда еще лунные призрачные тени дрожали под каждым предметом, он оделся, вышел на крыльцо. Небо на востоке стекленело, уходило в глубину; макушки пихтарника на нем рисовались четко, как приклеенные. Ключ монотонно позванивал, снежно-белые ледяные закраины, из-под которых на ночь приморозком выгнало воду, провисли и

время от времени обрушивались с коротким тугим шелестом.

Старик влез на чердак, выволок мешок, с кряхтением и потугами вскинул его на плечи; по каменно хрустящему насту, по оголившейся мертвой траве пошел через березняк и дальше, вверх по ключу.

В домиках метеостанции еще спали, окна были темны, а все службы во дворе тихи и пустынные; лишь высоко над головой, меж ажурными мачтами, уже высветленными зарей, едва слышно зудели невидимые провода.

Старик остановился, снял со спины мешок и минуту постоял, дыша, чувствуя, как дрожат от долгого подъема ноги, удивляясь тому, что несколько дней болезни отняли у него столько сил. Развязал мешок, вытряхнул на тропу скрученный крест-накрест сверток, рядом поставил тяжелую коробку с поблескивающей пластинкой: «Нашедшего просим сообщить или доставить по адресу...» Потом свернул мешок, высвободил одну лямку, перекинул через плечо и, нагнувшись, еще раз, по-хозяйски, потрогал мягкий сверток.

Вниз он шел легко, без тропы; матовый отсвет неба на востоке, проливаясь сквозь деревья, падал под ноги длинными узкими столбами, и трава, и хвойная подстилка, и валежник на пути серебрились молодой изморозью.

ПЕСЕНКА ОБ ОДИНОКОМ ФОНАРЕ

Гаснет ранняя заря
В облачной толпе.
За окном — два фонаря
На одном столбе.

Их качает общий ритм,
Кружит общий пляс.
Но один фонарь горит,
А другой погас.

Я накинута старый плащ,
Из дому уйдя,
Я услышу тонкий плач
Ветра и дождя.

По лицу скользнут кусты —
Пальцы мокрых рук.
Я шагну из темноты
На фонарный круг.

С фонарем поговорю
Я про дождь и тьму,
Потому что фонарю
Скучно одному.

Пусть в другую ночь к огню
Рвутся мотыльки, —
Я ему не изменю
В час его тоски.

Просто кто-то должен быть
Рядом, свет любя.
Просто стоит ли светить
Только для себя?

Как дождинка в решето,
Я скачусь во тьму,
Если не шагнет никто
К свету моему..

Игорь ИСИПЕВ

Все из памяти сотру я,
Все наброски разорву,
Упаду я на сырую,
На жестокую траву.

Бедный лютик, тонкий лютик
Покачнется у виска...
— Буду жить, — скажу, — как люди,
До свиданья, грусть-тоска!

Подобру и поздорову
Буду жить. Без драк и драм.
Заведу себе корову,
Чтоб мычала по утрам.

То в рыбалке, то в беседе
Лето скатится легко.
Будут смиренные соседи
Пить парное молоко.

Будут спорить о погоде, —
На носу, мол, холода, —
И о том, что в огороде
Помидоры хоть куда.

...В небе след от самолета,
Солнце брызжет горячо.
Тут я вздрогну, будто кто-то
Властно тронул за плечо.

И в сплошном сиянье резком,
Не нарушив тишины,
Проплывет над перелеском
Звук оборванной струны.

И пойду я вдаль — ну что же! —
Как по лезвию ножа,
Весь — до самой тайной дрожи —
Не себе принадлежа.

Далеко, в захолустье,
В голубую погоду
Пилят белые гуси
Родниковую воду,
Пилят,
Крыльями хлопали,
Улетали в зенит.
А березонька во поле
Одиноко стоит.
Не гармошку,
Не гусли,
Не иное добро —

Уронили мне гуси
На прощанье перо.
Не лукавые струны,
Золотые лады —
Подарили мне струи
Родниковой воды.
Плыл туман по долине,
Заволакивал даль.
А еще подарили
Тишину и печаль.
Словно блудного сына
От родного огня,

Непонятная сила
Уносила меня.
Приходилось мне жарко
От утрат и побед.
Но дорожке подарка
Не бывало и нет.
И вернусь я,
Вернусь я
В край мой солнечный,
Где
Плещут крыльями гуси
В родниковой воде.

РАТНОЙ ТРОПОЙ

Сквозь глухую чапыгу
И тощий осинник
Мимо Нижнего
Грозной волной
Прокатились полки
Самодержца России
На казанскую землю
Войной.

Шли в посконных рубахах
Мужичье и холопы
Молчаливой, сутулой,
Суровой толпой.
И звериные хитрые
Узкие тропы
Становились единою
Ратной тропой.

По ночам на дыбы
Поднимались кострища,
Ухал филин
В болотной острожной дали.
Занималась заря,
И за тыщью тыща
Вновь шагала по бrenному
Лону земли.

С тех времен
Миновали седые столетья,
Много троп и дорожек
Быльем поросло.
Но осталась тропа,
Глубока и заметна,
По которой державное
Войско прошло.

Я, далекий потомок
Мужичьего рода,
До конца понимаю,
Что вовсе не зря
В трудный час
Под тяжелой стопой народа
На века прогибается
Даже земля.

3 Огни Кузбасса

Валентин МАХАЛОВ

НА КЕРЖЕНЦЕ

Над Керженцем молний косое письмо.
Над Керженцем ухают громы.
Здесь воздух настоен на запахе смол,
На горьком дурмане черемух.
Старинных преданий неподнятый клад
Хранят его мрачные воды.
Здесь ели в монашеских рясах стоят,
Как древние стражи природы.
Суровые тайны доверены им
Седой богомольною Русью.
О них мы с рекою всю ночь говорим
С почтительной сдержанной грустью.
На жарком костре полыхают дрова,
Задумчиво булькает чайник.
По-прежнему Керженец скуп на слова,
По-прежнему щедр на молчанье.
Во мне он не сразу признал своего,
Хоть, старый обычай приемля,
Я встретил с глубоким поклоном его, —
До боли мне близкую землю.
Здесь в каждой деревне я пил из ковша
Хмельную медовую брагу.
И сразу моя наполнялась душа
Веселой былинной отвагой.
Я слушал исконную русскую речь,
Мне в сердце она западала.
Здесь люди веками умеют беречь
Ее золотое начало.
Я рос на неласковой этой земле,
Где жали пшеницу серпами.
Я с этих далеких мальчишеских лет
Храню о ней добрую память.
А если меня кержаком назовут,
Я брови не сдвину сурово.
Когда-нибудь правильно люди поймут
И это дремучее слово.

Склоняя гордые знамена
У обелисков и могил,
Мы называем поименно
Тех, кто бессмертье заслужил.
А им от этого не легче,
И не разбудит их салют.
Они лежат, сомкнувши плечи,
В тяжелом гибельном строю.
А мы от имени Отчизны
Клянемся помнить их сейчас.
Они не слышат нас, о жизни
Задумавшись в последний раз.
Но лишь заплещутся крылато
Знамен тяжелые шелка,
У Неизвестного солдата
Теплеет бронза на щеках.

РОМАШКИ

Июль. Воздух в лесу так настоен на запахах трав, что не дышишь, а пьешь его, терпкий, пьянящий. Бездонная голубизна неба и солнце — огонь.

На полянах между березами — море ромашек. Больших, на длинных стеблях, с белоснежными лепестками и ярко-желтыми серединками.

Босоногая загорелая девочка в розовом платье и светловолосый мальчик бегали по поляне, вскрикивая от радости, выбирали лучшие ромашки. Мигот набрали букеты и подарили их друг другу. Засмеялись, хотели взяться за руки, а они заняты. Тогда они сложили цветы в одну охапку, удерживая их, переплели руки и закружились на тропинке.

Звонко смеялась девочка, блестя счастливыми глазами, откинув назад голову с разлетевшимся одуванчиком волос. Не отрывая от нее изумленного взгляда, креп-

Короткие рассказы

Вера ВОЛОДИНА

ко держа ее руки, кружился мальчик.

Двадцать пять лет на двоих! А вокруг ромашки, ромашки, ромашки... Если бы взять все с собой...

Они закружились, устали и уже не знали, что делать с охапкой цветов. Выбрали из них самые-самые красивые. Пошли по тропке. Она немного понесла букет и отдала ему. Ромашки завяли. Позади остались чудесные поляны. Уже была просто пыльная дорога, и просто жара, и просто усталость. Он выбросил поникшие цветы в пыль.

Огромные, доверчивые, белые ромашки...

ОБЪЯВЛЕНИЕ

В Наташкиной квартире, кроме папы с мамой, жила еще семья: дядя Валя и тетя Саша. Когда они переехали сюда год назад и начали знакомиться, Наташка удивилась:

— А почему вас наоборот зовут?

Все засмеялись и как-то сразу стали друзьями.

Дядя Валя был огромный, неповоротливый и умел делать всякие интересные игрушки. Тетя Саша совсем маленькая рядом с ним и некрасивая, но такая выдумщица, такая веселая и добрая, что Наташка даже насовсем перешла бы жить к ним, оставив маму и папу, которые вечно ругают за что-нибудь. Работала тетя Саша на почте. Письма, газеты разносила и все жалела,

что нужно опускать их в ящик, а некому улыбнуться и сказать;

«Здравствуйте! Весточку вам принесла!» Летом она стала меньше играть с Наташкой. Шила маленькие платочки, шапочки, простынки. Отделывала их кружевами. Наташка любопытничала:

— Вы мне куклу на день рождения подарите?

— Нет. Мы скоро купим маленького мальчика. Тогда тебе будет с кем играть.

— Такого маленького, что все это на него наденется?

— Он вырастет быстро.

Каждый вечер Наташка встречала дядю Валу вопросом:

— Не купили мальчика?

Он поднимал ее к потолку, кружил и, смеясь, говорил:

— Зимой куплю. Потерпи.

А осенью он откуда-то упал на своей стройке и разбился насмерть. Наташку увезли на две недели к маминим знакомым, чтобы она ничего не знала. Да она

все равно узнала, потому что мамина знакомая говорила про это своему мужу: «Все сразу свалилось на бедную женщину... И ребенка, и мужа лишилась. Как она выдержит только? Ей бы сейчас хоть немного радости... Да где ее возьмешь, радость-то?»

Ребенка лишилась — это, наверное, что ее, Наташку, увезли... И по возвращении Наташка первым делом проскользнула в комнату тети Саши. Но та, увидев ее, не засмеялась, как всегда, а почему-то закрыла лицо руками и заплакала. Мама увела растерянную девочку, сказала, что к тете Саше ходить нельзя: у нее горе.

Наташка целый день сидела тихонько и думала. Потом попросила Лидочку — девочку из соседнего подъезда, которая учи-

лась во втором классе, — написать объявление. Взяв пузырек с клеем, побежала к той доске, где папа смотрел один раз, кому нужно рабочих. Намазала бумажку и, встав на цыпочки, прилепила ее на чистое место.

Дома мама долго отчитывала ее за то, что уходит куда-то без спросу и что пальтишко все оказалось закапано клеем. Наташка упрямо, по-взрослому, поглядела на нее и промолчала.

А в это время люди, которые останавливались возле доски с объявлениями, читали странные, пугающие своей откровенной наивностью слова: «Нужно хоть немного радости». Они были написаны неумелой детской рукой на маленьком листочке в клеточку.

Таисия ШАТСКАЯ

К Р А Н

— Снег от холода посинел? — спросил Саша.

— Нет. От ночи, — сказал папа.

— А где ночь?

Папа посмотрел на небо, потом на длинную дорогу и сказал:

— Как раз сейчас уходит ночь.

Саша тоже посмотрел на небо. Там спала толстая черная туча. Она вздохнула. Черное одеяло соскользнуло с нее, растянулось на полнеба, стало похоже на паровоз с трубой и дымом.

— Я знаю, — сказал Саша, — это туча прогнала ночь.

— Нет, — сказал папа. — Разве может прогнать ночь такая ленивая туча?

И взял Сашу за руку: «Пойдем скорее».

Теперь Саша видел только длинную дорогу да фонари над нею. Фонари подмигивали, как лампочки на елке. И Саша начал играть с ними: то закрывает глаз рукавичкой, то выглядывает из-за нее.

Вдруг он заметил, что под фонарями снег белый.

— Фонари прогнали ночь? — спросил он папу.

— Нет, — засмеялся папа.

Потом они стояли и смотрели, как работает кран. Они каждое утро стоят и смотрят, как работает кран.

Вот и сейчас поплыла по небу лампочка на стреле. И вдруг погасла.

— Почему? — спросил Саша.

— Солнце всходит, — сказал папа, — и гонит ночь. Каждое утро оно вместе с нами выходит на работу.

— Оно работает, как кран, — сказал Саша.

ДРОЗД

— Дети, кто повторит за мной слово «дрозд?»

Воспитательница сказала это слово так, что «р» покатилося, как шарик, и, стукнувшись о твердое «д», остановилось.

Саша сразу поднял руку. Саше нравилось быть учеником. По утрам ему хотелось идти в школу, не в детский сад. Но, что поделаешь, если он еще не дорос до брата. Брат ходил в первый класс, хотя был выше его, ну, совсем чуть-чуть.

— Дрост, — сказал Саша отчетливо. И сразу понял, что в слове что-то потерялось.

— Дросдд, — твердо добавил он.

И удивился. Что-то упрямо убегало из слова, пряталось.

Тогда он сказал:

— А я видел дрозда.

И даже не заметил, как слово прозвучало правильно. Так ему хотелось рассказать о дрозде.

Он хорошо помнил, что тот дрозд, которого они видели с братом на реке, был хитрый. Потому что норовил утащить червяка из их банки. Он перелетал с куста на куст и прыгал по берегу совсем, как воробей.

— Вот и хорошо, Расскажи нам о дрозде, Саша, — сказала воспитательница.

— Дро-о... — начал Саша и умолк. Он испугался, что «р» опять покатится не так, как надо, и что-то убежит из слова. И тогда не будет ни речки, ни банки с червями, ни хитрого дрозда.

— Я видел дрозда, — сказал он. И добавил: — на реке.

МЫШКА

В азбуке для дошкольников под каждой буквой — картинка, под каждой картинкой — слово, разбитое черточками на слоги. «Ма-ма, ра-ма», — выговаривает Саша. Перед ним открывается сложный мир, войти в который совсем нелегко. Саша крутит головой, рассматривает картинки, придумывает, о чем бы спросить маму. И

снова читает: «ра-ма, ма-ма». «А теперь слово труднее», — говорит мама. И показывает на буквы под новой картинкой. Саша смотрит на картинку: толстая перевязанная веревочками колбаса и тонкие сосиски висят на крюке, а под ними сидит малюсенькая мышка. ««Сар-дель-ки» — четко произносит Саша. Видя, что мама сердится, исправляет ошибку: «Кал-ба-са». «Где ты вычитал «кал-ба-су»? — удивляется мама.

Короткое слово под картинкой разбито на два слога: «Мыш-ка».

В октябре прошлого года делегация Союза советских писателей в составе грузинского поэта Нодара Гурешидзе, ленинградского прозаика Игоря Ефимова и автора этих строк выехала в Белград. Мы ехали по приглашению Союза писателей Югославии для участия в международном симпозиуме, проходившем под девизом: «Поэзия как коммуникация, поэзия как средство связи». Такие симпозиумы проводятся в Югославии ежегодно и носят название «октябрьских». В работе симпозиума принимали участие писатели девятнадцати стран. Важность его не только в том, что здесь решались теоретические вопросы поэзии, но, в первую очередь, в том, что он еще раз подтвердил, что встречи, споры, контакты совершенно необходимы для служителей муз и красоты. Югославия—страна контрастов. Здесь на небольших пространствах, кое-где даже на расстоянии одного-двух часов езды переплетаются альпийские вершины с ледниками и оливковые рощи, лимонные и апельсиновые сады; чудной красоты горные озера и пустынные пески; вековые сосны в горах и цветущие в ноябре розы в долинах рек. Здесь в одном городке можно встретить римский водопровод, византийскую гробницу и турецкую крепость, православную церковь и мусульманский минарет; шумный, по-восточному красочный базар и современную гостиницу в современном высотном здании. Поражает количество памятников с древнейших времен до наших дней. Память о погибших, бережное отношение к реликвиям у югославов сильно развито. Они знают цену свободе, знают, что этому надо учить молодежь. В поездке по стране первым городом на нашем пути был Крагуевац. Когда в 1941 году в Югославии вспыхнуло народное восстание, его жители стали в первые ряды борцов. Перепуганные широким народным движением, немцы решили сломить дух сопротивления, запугать народ репрессиями. Карательные отряды оцепили тридцатитысячный город и арестовали все мужское население от пятнадцати до шестидесяти лет. В ясный солнечный день 21 октября 1941 года на зеленом поле за городом было расстреляно семь тысяч мужчин, подростков, детей, стариков. Были расстреляны и триста учеников гимназии вместе со своими учителями, со своим директором. Сейчас на месте расстрела огромный мемориальный парк, в нем тридцать три братские могилы. И каждый год 21 октября сюда съезжаются сотни тысяч людей со всех концов страны. Скорбное поле народной трагедии остается навсегда в сердце того, кто побывал на нем, как остаются в сердце добрые душевные встречи с замечательным югославским народом — сербами, хорватами, черногорцами, македонцами, как остаются в душе наполненные большим чувством и мыслями стихи югославских поэтов.

А. СОВОЛЕВ

Владимир ЧЕРНЕЗ

(Босния и Герцеговина)

Родина — жаркое солнце за тающей облачной гривой,
Ветер, бросающий зерна над вспаханной вешней нивой;
Родина — ясная, теплая звездочка в проблеске хмурого неба,
Мать, отдающая войску последнюю корочку хлеба;
Родина — чистый родник и ликующий смех водопада,
Дуб вековой и цветок за оградой росистого сада;
Родина — чудо волшебницы, стелющей рифмы коврами,
Роща с полянкой, дорога, кружение стрижей над полями;
Зреют тугие колосья, в объятиях ее отдыхая,
Радостно шепчут, что жизнь на земле без конца и без края;
Родина — в домике отчем, на фабрике, в поезде встречном,
Жить и светить ей, любимой, в душе человеческой вечно!

Перевод Мих. НЕБОГАТОВА

Ацо ШОПОВ

(Македония)

Скачут черные всадники,
храпят их белые кони.
Воины или святые на старинной иконе.
Черный арап гонит их в ночь,
бич его свился в дугу.
Девушка в белом — травинка на падающем берегу.
Берег сейчас обрушится,
девушка на краю.
Красное солнце медленно падает по копыто.
Ветер — ты конь и всадник! Порывы твои резки.
Вода! Мы с тобой ровесники,
двух миров двойники.
Ты вытекаешь из фрески,
в струях твоих бирюза.
Гроздьями лихорадки светят мои глаза.
Гнется травинкой девушка
на падающем берегу.
Падает солнце за кромку, тени лежат на лугу.
Где отыскать мне слово
в бродяжьей моей судьбе,
Чтоб золотой монетой звенело оно в тебе.
Уходит вода во фреску
в неясных блесках огней.
Слово и пламя с берега движутся вслед за ней...

Перевод И. КИСЕЛЕВА

Лойзе КРАКАР

(Словения)

Дух спелой ржи густеет янтарею,
и полдень до краев наполнен тишиною,
и в обмороке деревца от зноя,
и воздух щедро солнцем накален.

И в эту спелость, может быть, сейчас
вдруг искра упадет — лишь капля грозных молний, —
и черный дым, и черное безмолвье
останутся богам от мира и от нас...

Перевод Евг. БУРАВЛЕВА

Радоня ВЕШОВИЧ

(Черногория)

От оружия и голода отяжелев,
я карабкаюсь в гору едва.
Мы, сменяясь, несем пулемет на себе,
тащим раненых мы на себе.
(О, когда б за дела мы боролись порой
так, как бьемся порой за чины!..)
Лисий хвост рыжих буков ласкает в пути
ароматом пожухлой листвы.
И лопаты ветров нас бросают с листвою
вверх и вверх — к шапкам снежных вершин.
Плачут стаи в пути обессилевших птиц,
мерзнут звезды в тумане ночном,
и гнездится бессонница в черных ветвях,
и бела от метели постель.
Мерзнет смазка, как иней, на черных стволах,
мерзнут пальцы, к металлу пристыв,
а колени скрипят,
и, как зубы, стучат
слов обрывки и склоны горы.

Сколько гор неприступных на нас поднялось,
сколько долгих бессонных ночей,
сколько дней без воды, сколько лун без еды
пострашней чужеземной орды.
Слишком долго бригада бредет по горам,
пробираясь по поясу в снегу.
Хоть бы крыша загоня овечьего вдруг!
Но и этого нет на пути.
И сосульки, как будто с соломенных крыш,

нависают с бровей и усов.
Сон был дальше, чем звезды, от нас в эту ночь
и дорожке свободы самой.

Замерзая, шепчу я себе на ходу,
чтоб ни голод, ни сон не свалил
до одной из вершин и еще до одной, —
цепи гор бесконечно шепчу:

— ...еще тебя, гора ежина...
еще тебя, горы горбина...
и ты, волчий хребет, не уйдешь,
зря звона железа и смерти ждешь, —
еще тебя под ноги брошу,
как ветер бросает снежную порошу...

Потому что бригада пробиться должна,
ради Завтра сегодня должна —
хоть сквозь сталь ледяную отчаянным лбом,
хоть пешком через море должна...

Перевод Евг. БУРАВЛЕВА

Изет САРАЙЛИЧ

(Босния и Герцеговина)

Незнакомка.
Так, по крайней мере, называли бы ее символисты.
А она, на самом деле лишь одна из тысяч парижских проституток.
И кому придет в голову повести ее
— Таковую! —
На какой-нибудь скетч?
Ей просто скажут сальное слово,
Кто станет читать ей
В какой-нибудь дешевой комнатухе
«Маленького принца»?
И ей иногда хочется плакать!
Вот он, прыщавый кондитер из Линца,
Подходит к ней. Вот сейчас...
Сейчас разыграется знакомый парижский спектакль,
Где кондитер из Линца, словно герцог из Эрла...
Но ведь, в конце концов, кем была мадам Помпадур,
Если не самой обыкновенной современной стриптиз-девицей,
Только вместо кондитера был... маркиз имярек.
Консул из Осло. Комендант Бордо.
И Людовик XV, возвращаясь от государственных дел,
Возвращался, по существу, из...борделя.

Перевод А. РОМАНЕНКО

Из дальних странствий возвратясь...

Гарий НЕМЧЕНКО

ПО КАНАДЕ

Уже в первый день нас стали спрашивать, понравились ли нам Канада и нравятся ли автомобили — вернее, не сами автомобили, так как они почти сплошь американского производства, а тот факт, что автомобиль в Канаде и стоит довольно дешево, и есть чуть ли не в каждой семье, — и как мы оцениваем прогресс, достигнутый народом Канады, и мы отвечали, что да, нравятся и страна, и автомобили, что да, оцениваем высоко.

В самом деле, к Канаде как нельзя больше подходят слова о том, что автомобиль не роскошь, а средство передвижения. За рулем можно увидеть и совсем пожилого человека, и юную девушку, и совсем мальчишку, а о характере канадца можно судить, пожалуй, не только по одежде и манерам, но и по внешнему виду его автомобиля.

В больших городах мы видели шикарные «понтяки», забрызганные, казалось, еще прошлогодней грязью, видели машины без фар, с помятыми, если не больше, боками или проржавевшими багажниками — очень тонкая обшивка плюс отсутствие гаражей. Однажды нам встретился великолепный автомобиль, у которого с одного бока здорово была разбита и не открывалась дверца — ее заклинило после небольшой аварии, и хозяин так и ездил уже больше полугода. В другой раз мы не без удивления глядели на великолепный «шевроле», у которого совсем не было крыла.

На недоуменные вопросы ребят из нашей группы гиды неизменно отвечали:

— У нас очень мало полицейских, вы заметили? И они не так строги к владельцам автомобилей.

Полиция в Канаде, кажется, и в самом деле немногочисленна — мы видели всего трех-четырех, так сказать, пеших полицейских, среди них двух женщин-регулиру-

щиц, да две-три специальные машины, да полицейский вертолет, который медленно плыл над автострадой, ведущей к Ниагаре. Полицейских мало, и канадцы гордятся этим обстоятельством, как и вообще очень гордятся тем, что у них в городах куда спокойнее и тише, чем у их соседей на юге — Соединенных Штатах.

Но в этом, пожалуй, только половина разгадки. Кое-кто из гидов шуточно говорил, что психика это одно, а другое дело — еще и то, что все равно ведь любому из владельцев такой вот искаженной машины скоро придется покупать новую — так зачем беречь эту?..

Вторая часть этого «автомобильного» парадокса — довольно приличные еще машины, рядами стоящие на кладбище автомобилей...

Сюда, в этот кабачок под Оттавой, мы ехали вместе с тем самым парнем, который учится на курсах русского языка. Вот примерно наш с ним разговор:

— Ты женат?

— Да, конечно.

— А ты?

— Женат тоже...

— Ты имеешь детей?

— Двое... Мальчишки. А ты?

— У меня нет детей.

— Ты отстал...

— Да, но у меня нет возможности иметь ребенка... Очень скоро мне нужно покупать новый автомобиль.

Нетрудно, вероятно, догадаться, что двое мальчишек — это у меня. А новый автомобиль надо покупать ему.

А парень жаловался на жизнь, и одет он был довольно скромно, и, занимаясь в университете, прирабатывал.

Странная, вроде бы, штука.

В Канаде, имеющей громадную территорию и совсем небольшое (всего 20 миллионов)

сравнительно с территорией население, очень заботятся о детях. Семьи, в которых 5—7 ребятишек—совсем не исключение. Это всячески поощряется государством.

И заботу государства о ребятишках можно видеть, так сказать, невооруженным глазом.

В Чикотиме, одном из самых пролетарских, а потому и самых бедных небольших городков мы впервые увидели на улицах одиннадцати-, двенадцатилетних мальчишек с белыми портупеями. Мальчишки смело останавливали поток машин, давая возможность перейти дорогу ребятишкам помладше со школьными сумками в руках. Гид объяснил:

— Это дежурные по городу. Они следят за тем, чтобы транспорт уступал дорогу детям, спешащим в школу...

Очень трогательный обычай.

Потом по дороге в Квебек наш автобус шел вслед за громадным пассажирским фургоном, окрашенным в ярко-желтый цвет. Это был специальный автобус, собиравший детишек по всей трассе и доставлявший в школу. Когда он остановился, наконец, около школы, водитель нашего автобуса тоже затормозил, и мы увидели, как и позади нас, и впереди начинают расти два ряда машин. И они терпеливо ждали, пока ребятишки не вышли из автобуса и не спеша не перешли на другую сторону, пока желтый фургон не тронулся с места. Это—железное правило канадских дорог, соблюдаемое здесь неукоснительно.

Так почему же мой знакомый не имеет детей, если государство заинтересовано в этом?..

Потому, вероятно, что кто-то другой заинтересован в том, чтобы, прежде всего, у этого парня с вечерних курсов был автомобиль. Потому что этот другой—автомобильные монополии—сильнее государства. И уж, будьте спокойны, они сумеют всучить вам автомобиль, даже если вы будете этому противиться.

Одно дело, что здесь не развит общественный транспорт, но другое—этот автоажитаж.

Кто вы без автомобиля? Вы не человек вообще в этой стране «равных» возможностей, где не имеют своей машины только бездельник, пропойца и т. д. Кто вы—без модного автомобиля? Вы—скупец, скряга. У вас нет денег? Не может быть!

Десятки, сотни, тысячи машин глядят на вас с рекламных щитов, несутся с газетных и журнальных страниц, прыгают с экранов телевизора.

Мисс! Неужели ваш муж не сможет ку-

пить для вас этот «бьюнк»? Эта марка—как раз то, что вам нужно. Сынок! Пусть твой папа обратит внимание на эту модель. Она тебе нравится? Господа! Вот «понтяк», который должен иметь настоящий мужчина.

А настоящим мужчиной быть трудно. Даже в рассрочку.

Приглядываешься, и невольно приходит мысль о том, что этот прогресс—прогресс в голом, в чисто каком-то техническом, что ли, виде—прогресс без того, что должно бы ему сопутствовать—без человечности, без доброты; что этот прогресс не объединяет людей, а наоборот, разъединяет их, а это канадское благополучие устраивает, пожалуй, людей расчетливых, сухих, слишком рациональных и не очень сердечных.

В Канаде очень остро стоит национальный вопрос, и это тоже можно увидеть, не обладая большой наблюдательностью.

Население страны пестро, как, может быть, нигде,—англичане, которых большинство, потом французы, немцы и итальянцы—последовенная эмиграция, украинцы, евреи, русские, выходцы из Скандинавии и из стран Восточной Европы. Есть китайцы и японцы. Около 200 тысяч индейцев и около десятка тысяч эскимосов.

В Канаде два государственных языка—английский и французский. И попробуйте-ка одним английским обойтись в провинции Квебек во Французской Канаде... Мы приехали в небольшой городок Робервиль, расположенный на берегу живописного даже поздней осенью озера святого Джона. В маленьком уютном отеле встретили нас очень приветливо. В ресторане, куда мы спустились поужинать, на каждом из наших столиков стояло по красной гвоздике; молоденькие официантки в неизменных здесь, Квебеке, мини-юбках—беленький передничек кажется длинее такой юбки—улыбались дружески-кокетливо и чуть-чуть загадочно. Потом поговорили о чем-то, и одна из них подошла к нашему столику, показала на гвоздику. Потом жестами попросила посмотреть на те столики, где сидели обычные посетители ресторана.

Красные гвоздики, оказалось, стояли только на наших столиках. На остальных были желтые...

А вечером к нам пришли репортеры из местной газеты, с радио.

Мы уже знали, что в Квебеке газеты выходят на французском языке, что то же самое по радио, что здесь—специальные программы на французском языке для телевидения, но наши переводчики лучше знали английский.

Потому Лида Кудрявцева спросила у одного из репортеров: «Не говорите ли по-английски?».

Ответ всех нас несколько удивил:

— Мы счастливы, что не говорим на этом языке, мадам.

Начали изъясняться на французском.

Наши ребята поднесли репортерам по рюмке столичной. И только тогда победила французская учтивость.

— Хорошо, перейдем на этот английский... О, только из уважения к мадам!

Позже, когда мы были в Оттаве, кто-то из наших ребят обратился к англичанину: говорите ли вы по-французски? Ответ был предельно краток.

— Никогда!

И потому в Торонто мы в полной мере оценили шутку, брошенную кем-то в клубе ТОУКа — товарищеского объединения украинских канадцев:

— Та вже пора всем тут на нашей мови розмовляти, и все друг другу уразуміють... Если вы спросите у человека, кто он, то француз назовет национальность, гордо ударив себя в грудь и почти обязательно напомнит вам о Наполеоне; на Елизавету вторую будет нажимать англичанин; студент в университете скажет, что он норвежец и жестами начнет объяснять: море, фьорды; человек за стойкой в полупустом баре расправит плечи и ткнет себя большим пальцем — поляк!..

Что это? Тоска по тем местам, в которых живут родные тебе люди, в которых одинаково говорят и, может быть, одинаково думают и, может быть, люди счастливее, хотя и беднее?..

Это было в Торонто, в клубе ТОУКа.

Ко мне подошел низенький, но очень плотный, с большим животом и толстыми руками пожилой человек, совсем почти облысевший, длинноносый, с щеками, побитыми красными прожилками.

Я не запомнил в точности шутки, с которой он начал разговор, но смысл ее был примерно такой: ты глядишь на меня, и думаешь, отчего я такой толстый? Оттого, что у меня слабое сердце. Отчего у меня, ты спросишь, такое слабое сердце? Оттого, что мне часто приходится убегать, а когда я убегаю, то я сильно плачу...

Говорил он это весело, стоял, дружески как-то упершись в меня громадным своим животом, глядел вроде бы простодушно.

— Нет, а если прямо — ты меня знаешь?

Я ответил, что, конечно, к сожалению, нет.

— Я Миша, из Одессы, — сказал он. —

Спроси любого, и он тебе скажет: Миша всех фашистов в Торонто держит вот здесь!

Кулак, который он показал — был кулак будь здоров.

Это становилось интересным.

А он сказал:

— Послушай сюда. В прошлом году приехали в Торонто ваши русские товарищи. Я их веду к себе домой, а около дома к нам цепляются эти фашисты... Ваши русские товарищи спрашивают, что мы будем делать?

Я им говорю: вы будете иметь посмотреть Мишу на настоящей работе. А Миша имеет бить четыре фашиста. И вот я их бью, а у них из ушей кровь, из носа кровь, ваши русские товарищи волнуются, потому что им бить нельзя, а у Миши много работы... Тогда подходит к нам полицейман и говорит: Миша, что ты делаешь?.. Я говорю: не имеешь глаз? Миша бьет четыре фашиста! Тогда он говорит: а почему ты их бьешь? Я могу забрать тебя вместе с собой. А я ему говорю: полицейман! Если я сам пришел к фашистам домой, и бил уже там, то ты, пожалуйста, забери меня. А теперь я их бью около своего хоум, и ты не имеешь права делать для меня плохо. Ты лучше, полицейман, уходи, потому что пять — это для такого пожилого старика, как Миша, это уже совсем трудно...

Пусть меня извинят, но я думал, что продолжают шуточки.

Я тихонько отошел к единственному здесь из канадцев моему знакомому, журналисту из «Життя и Слова» Трофиму Городу.

— Послушай, Трофим, — повел глазами на Мишу. — Что это за человек?

— Миша? — Трофим улыбнулся. — О, это завзятый наш большевик... Он уже старый, но такой боевой, что молодой позавидует. — А насчет фашистов — правда?

— Конечно, правда. У нас какое-нибудь мероприятие проходит, а нам мешают. Эти, из реакционных организаций... Националисты, например. А если за порядок отвечает Миша, все будет хорошо. Тогда у всех на душе спокойно...

— Рассказывал сейчас, как в прошлом году фашистов бил.

Эту мою фразу Трофим Город как будто пропустил мимо ушей. Качнув головой, сказал:

— С теорией у него не совсем хорошо... Никак не заставим. Я, говорит, практик. Иногда знаем, что к нам должны прийти националисты из молодых. Это народ не совсем, как бы сказать... не совсем такой...

— Не совсем пропащий?

— Да, примерно так... У нас связи с Ук-

раинной, у них — только на словах. Мы фильмы выписываем, книги, газеты. Вот они к нам и идут, потому что хочется знать правду. Тогда Мише говорят: сегодня не трогай, пожалуйста, никого. Будут молодые. Раздашь им пачку нашей литературы... Идет вечер, потом слышим — шум. Бежим. Литература на полу, а Миша опять бьет... Нельзя, кричим. А он: а зачем они привели с собой этого старого жлоба? Его уже исправит только могила...

Я посмотрел на Мишу. Он стоял около наших ребят, упершись в одного из них громадным своим животом. Долетел обрывок одесского его говорка. —...не имеешь глаз? Миша бьет четыре фашиста!

Ткнувшись шляпой в баранку легкового автомобиля, плакал человек. Плечи его под добротным пальто вздрагивали, он слегка приподнимал голову и, как мальчишка, размазывал слезы по лицу и снова плакал, не скрываясь.

Это был очень хороший человек, он великолепно улыбался, когда был весел, но сейчас мы ничем не могли ему помочь...

Мы стояли на пустынной уже в этот ночной час, освещенной призрачным светом неона улице Торонто, стояли, переминаясь, около его автомобиля, и у нас тоже комок подкатывал к горлу.

— Николай Петрович, не надо... Ну, Коля, слышишь...

Он покорно мотнул головой, стал вылезать из машины. Зацепился шляпой, приподнимаясь, и она сбилась на затылок. Стоял, не поправляя ее, забыв о респектабельности, широко расставив ноги в модных башмаках и положив руки нашим ребятам на плечи.

— Ничего, хлопцы, это ничего, — сказал чуть виновато. — Вы сами не знаете, какую зарядку мне оставили. Спасибо, хлопцы...

Мы молчали. Наши слова оказались бы сейчас неуместными, потому что дело тут, если разобраться, было в общем не в нас, и в общем не потому заплакал прощавшийся с нами русский канадец Николай Петрович Кунашко, что были мы такие славные парни, с которыми жаль расставаться...

Он снова сейчас, — может быть, надолго — прощался с Россией, и это она виделась ему в нас, и виделась бы в других русских ребятах, окажись они на нашем месте и будь они людьми хуже нас или лучше, но сейчас, правда, очень хотелось быть хорошим человеком, и это опять стукнуло в

сердце чувство обостренной, какой-то сыновней ответственности за свою страну — вот в таком положении, вот здесь, в Торонто...

Это чувство в новой какой-то его полноте впервые я испытал, когда мы несколько дней назад входили в помещение русского клуба в Торонто.

Пожилые люди, одетые в общем как все канадцы, и лица — на улице прошел бы мимо, и не подумал бы наверное, что земляки, но вот они здесь вместе, и ты видишь, что лица эти — русские, что есть на них какая-то неизгладимая печать Родины, и вдруг среди модных костюмов и платьев великолепно сшитых — старенький черный жакет и длинная черная юбка со складками, и платок — красные цветы по черному полю, — узлом подвязанный под подбородком.

Две одинаково одетые, очень пожилые женщины, уже старушки, с лицами, изрезанными морщинами, теми самыми, о которых говорят — печеное яблоко, седенькие уже, с набрякшими от работы руками, очень похожие, наверное, сестры...

И вдруг усач с коротенькой трубкой в зубах, и на нем домашняя кацавейка, и сильные его мощные усы опущены вниз по-запорожски, и совсем светлые, как будто выцветшие от времени, добрые глаза — вот к этому бы уже и на улице здесь подошел и, не сомневаясь, окликнул бы: «Батя!..» И вдруг вылезавшая вся из нейлона такая нашенская тетка, дебая, с туго уложенной венцом косицей...

Когда мы стали входить, никто из них не приглашал нас громогласно, не разводил руками широко, но все они стояли у входа притихшие, стояли дальше, и все смотрели на нас во все глаза, смотрели по-доброму, и слегка — с достоинством — кланялись, и улыбались с уважительной лаской, и говорили негромкое, говорили кто что: сынки, проходите... здравствуйте... рады вам... товарищи... дети...

...Никогда, наверное, не забуду, как забрали нас в гости.

Ко мне еще в середине вечера подсел симпатичный человек лет сорока двух. Улыбнулся открыто, протягивая руку.

— Откуда?

— Сибиряк.

— Поедешь ко мне в гости, сибиряк! Бери своих друзей, а я — своих, — он сказал так, как будто дело это было давно решенное.

Теперь мы впятером стояли около Николая Петровича Кунашко и его жены Нины. Кое-кто из других канадцев тоже уже ус-

пел пригласить двух-трех человек и неотступно следил за своей группой, оберегая ее от посягательств остальных. А эти остальные...

Они суетливо ходили, расстроенные, они взывали к совести тех, кто уже обзавелся несколькими гостями, обращались к нам, наконец, а мы не знали, что делать: ведь надо, наверное, все-таки пойти к тому, кто пригласил тебя первым.

Рядом с нами эта женщина с русой косицей что-то говорила сердито мужчине, который придерживал за плечи наших двоих, говорила быстро, и я только понял, что мужчину, к которому она обращается, зовут Билия.

А она, подбоченясь, уже отчитывала по-русски:

— Как не стыдно, Василий? Ты взял двух таких симпатичных ребят, а нам ни одного. Разве хорошо, Василь?

Кто-то уже вырвал из нашей компании одного из ребят. Его окружили и повели. Николай Петрович бросился было за ним, но потом сказал:

— Все, хлопцы, надо идти. Иначе вас всех у меня украдут.

Мы спустились вниз и расселись по машинам.

Трудно забыть и вечер, проведенный нами в уютном коттедже Кунашко в пригороде Торонто. Нина и женщины, приехавшие с нами, хлопотали пока на кухне, а хозяин усадил нас в гостиной.

На экране телевизора, стоявшего у входа, молодой человек в широкополой шляпе за третью, примерно, минуту приканчивал уже пятого. И мы, так и не привыкшие к бесконечным этим телевизионным убийствам, иногда искоса поглядывали на экран: остановится на пятом или нет?

Николай Петрович глянул, махнул рукой. — Ковбой... Подарок из штатов.

Приехавший с нами низенький полный человек, с лица которого не сходила добродушная улыбка, сказал, с трудом подбирая слова:

— Смотреть эти фильмы один месяц, голова будет... — посмотрел на хозяина, что-то сказал по-английски.

— Молоток! — рассмеялся Николай. — Он говорит, гвозди потом можно бить такой головой.

Телевизор выключили.

Наступила минута тишины, и Кунашко придвинулся к нам, спросил так значительно, как будто это было самое главное, что он должен сегодня спросить:

— Так, земляки... Теперь рассказывайте: спутник новый будет скоро?

Кто-то из нас пожал плечами, сказал, как о деле обычном:

— Наверное, скоро.

— Что такое «наверное»? — удивился хозяин. — Надо, чтобы было точно. Готовятся ваши хлопцы?

— Конечно, готовятся.

Полный улыбнулся снова.

— Мы все очень ждем новый спутник... Всегда.

К хозяину подошла жена, что-то шепнула на ухо, он встал, приглашая нас за собой. Мы спустились на нижний этаж в длинную просторную комнату. На стене висела классная доска. Николай Петрович преподает математику в школе. В одном конце комнаты — камин. В противоположной — высокий и узкий стол из пластика, превращенный сейчас в стойку домашнего бара.

Выпили за Россию, за русских канадцев, за нас, за то, чтобы дружили наши страны — за все, за что нельзя было выпить там, в клубе.

Опять пошли разговоры.

— Земляк! — сказал один из канадских гостей Кунашко. — Мы вас спросили о новом спутнике... Здесь это важно, понимаешь? — постучал пальцем по груди. — Каждый успех России у меня — тут! Ты постарайся понять. Ты живешь там. У тебя есть сосед. Допустим, вы с ним ссоритесь. Но это родной тебе человек. Вы с ним, может быть, вместе работаете. Гордитесь одним и тем же. У вас одна цель. Это только у вас, понимаешь?

Я кивнул.

— А теперь здесь. Я живу в другом конце города. У меня тоже коттедж. Направо от меня сосед — немец. Из Западной Германии. О, мы знаем, кто этот немец! А налево — англичанин. У него большой нос, понимаешь? Всегда вверх! «Славяне — о, что за народ! Что они умеют!» Я выхожу утром из дома. Я вижу соседа. О чем говорить? Хеллоу — налево, хеллоу — направо. Все. А ты знаешь, как я выхожу, когда спутник?

Он из правой взял стакан в левую руку. Выпрямился и расправил плечи. Поднял вверх подбородок и одной ладонью махнул над головой.

Сейчас он был похож на премьера могущественной державы, сходящего по трапу на землю чужой страны.

— Хеллоу, — сказал премьер громко и чутко снисходительно.

И взял стакан в правую.

— Теперь ты понимаешь, почему мы ждем спутник?

Потом:

— Земляк, по хоккею в этом году возьмем первое место?

— В этом? Вряд ли...

— Что ты говоришь? Как ты можешь?

— А что делать? Чехи на нас зуб имеют. Шведы. А канадцы?

— Канадцев вы побьете.

— Все равно трудно.

— Нельзя так говорить, земляк. Должны победить. Я в прошлом году три доллара отдал, когда мы били американцев...

— Почему три доллара?

— Я брился у парикмахера, когда стали передавать репортаж. Четвертая шайба! Пятая!.. Я кричу: сейчас будет шестая!.. Есть шестая!.. Он говорит: мистер может порезаться о мою бритву. Нельзя так вертеться. Я говорю: стоп! Сейчас будет седьмая! Парикмахер: что значит — стоп? Мистер забывает, что я на работе. Тогда я отдаю три доллара: можно дослушать спокойно? И я слушал. Ух, как мы их тогда побили!

— Канадцы?

— Почему канадцы? Мы — россияне!

Уже потом, когда наши проигрывали кубок Алана, я думал: если бы им побывать перед одной из игр в русском клубе! Тогда в Виннипеге они бы легли костями.

Теперь, дома, слушая рассказ о русских канадцах, меня часто спрашивают:

— А почему они не едут в Россию?

Многие едут. Многие хотят поехать, но их держат родители, которые всю жизнь зарабатывали себе пенсию. У многих — другие обстоятельства.

В тот день, когда мы приехали в Торонто, к одному из наших ребят, молодому председателю колхоза с Украины, в холле гостиницы радостно бросился человек. Мы подумали: знакомый в Торонто. Откуда? В том селе, откуда председатель, есть женщина, сына которой, совсем тогда мальчишку, угнали немцы. Несколько лет назад он объявился в Канаде.

Мать много писала ему: приезжай. Он не ехал. Потом она сообщила ему, что в Торонто едет их председатель колхоза. Пусть он с ним поговорит.

Сколько они просидели в номере, где жил Вася Даниленко, сколько обо всем переговорили!

— Не знаю, ребята, что ему и сказать, — жаловался нам Даниленко. — Жена у него французенка. И дети. Она его в Штаты тянет. А он ее — на Украину. Вот пока и живут тут, в Торонто. Ни тебе, мол, ни мне. Он говорит: детей люблю, понимаешь?.. Не могу бросить. Мать не может без меня. А я без них — смогу?

Мы заходили в комнату к Васе, пытались давать советы его новому другу, пытались его утешить...

А что посоветуешь? Как утешить?

...В доме у Николая Кунашко мы пробыли до поздней ночи. На завтра мы уехали в Гамильтон и Виндзор, а когда снова вернулись в Торонто, в номере у нас зазвонил телефон.

— Добрый день. Это Кунашко. Сегодня мои друзья ждут вас.

И снова мы в доме, где друзья хозяина — наши друзья. Снова внимательные глаза и дружеские улыбки, снова расспросы, снова тосты за Россию:

— Давайте, ребята! У наших соседей на юге — линия — вниз!.. Нам хорошо видно, здесь рядом. У вас линия — вверх, особенно теперь. Держите ее, земляки!

Потом песни и по просьбе хозяина — «Степан Разин», за ним — «Ермак» и про ямщика...

Смеется, покачивая головой, Нина Кунашко — давно так громко не пел ее муж, давно не пели все мужчины — пусть поют.

— Ничего, Нина, это не хор, — успокаивает Николай Петрович. — Это не хор. Понимаешь, — это просто поют земляки. Сейчас ты знаешь что споем?.. Я спою. Для ребят. Вот...

Выходил на тропу партизан удалой!..

Когда заканчивает петь, кто-то из нас спрашивает:

— Что за песня, Коля?

— Как, вы не знаете? Это хор Пятницкого. Пели во время войны. Это замечательная песня. Я ее всегда помню. И мои дети будут ее помнить — слово сдвоянина.

И вдруг все затихают, и задумчивыми становятся глаза. Это наш Борис Шелопин, бывший ленинградец, рассказывает о блокаде.

...Поздно ночью Николай Петрович привез нас к отелю.

Мы вышли вместе с Ниной. Стояли около отеля, говоря друг другу последние хорошие слова.

Николая не было рядом. Я заглянул в автомобиль.

Там, ткнувшись шляпой в баранку, плакал человек.

Плечи его вздрагивали, он слегка приподнимал голову и, как мальчишка, размазывал слезы по лицу и снова плакал, не скрываясь...

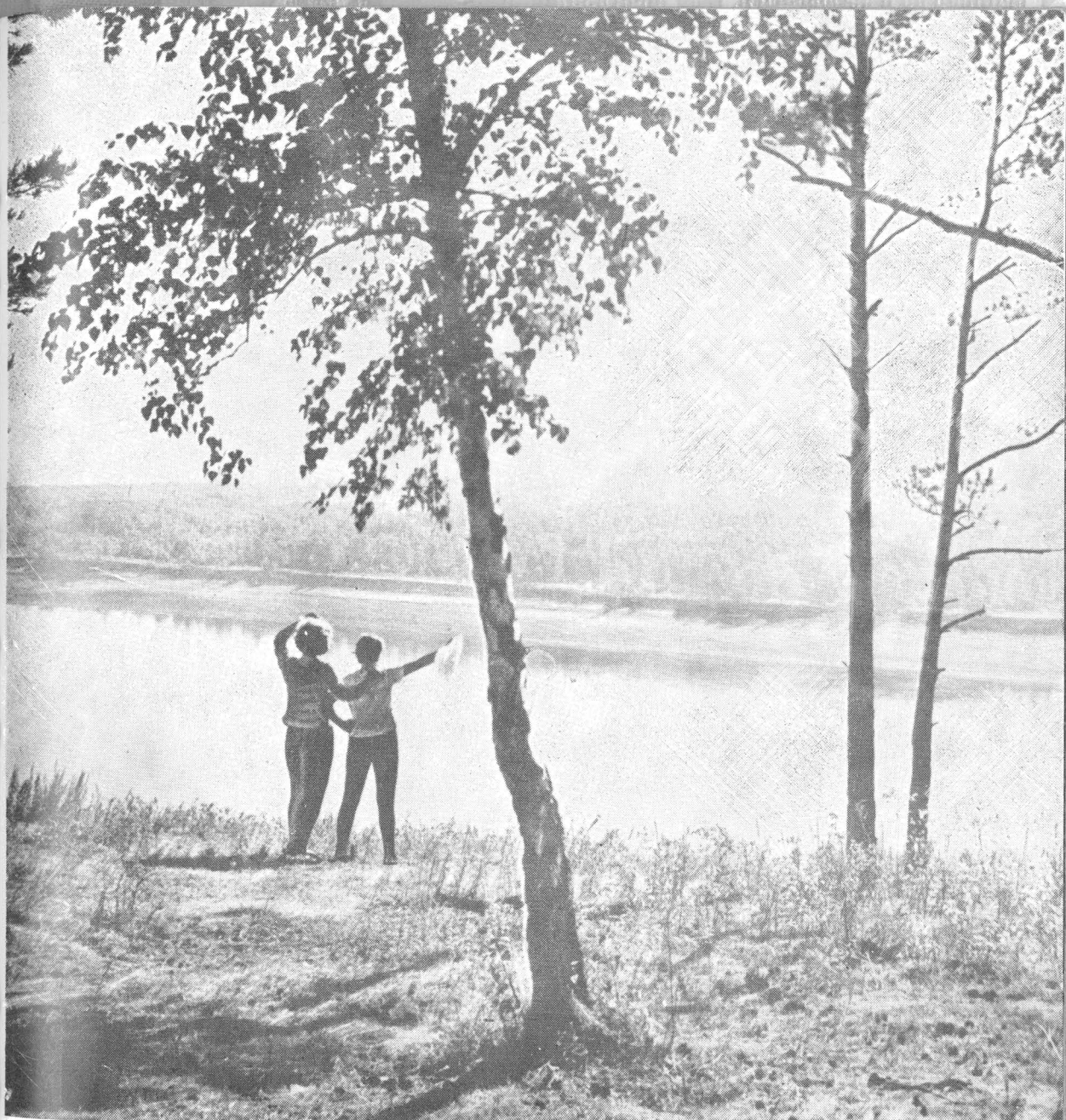
Плакал русский человек.

г. Новокузнецк.

Степан ТОРБОВ

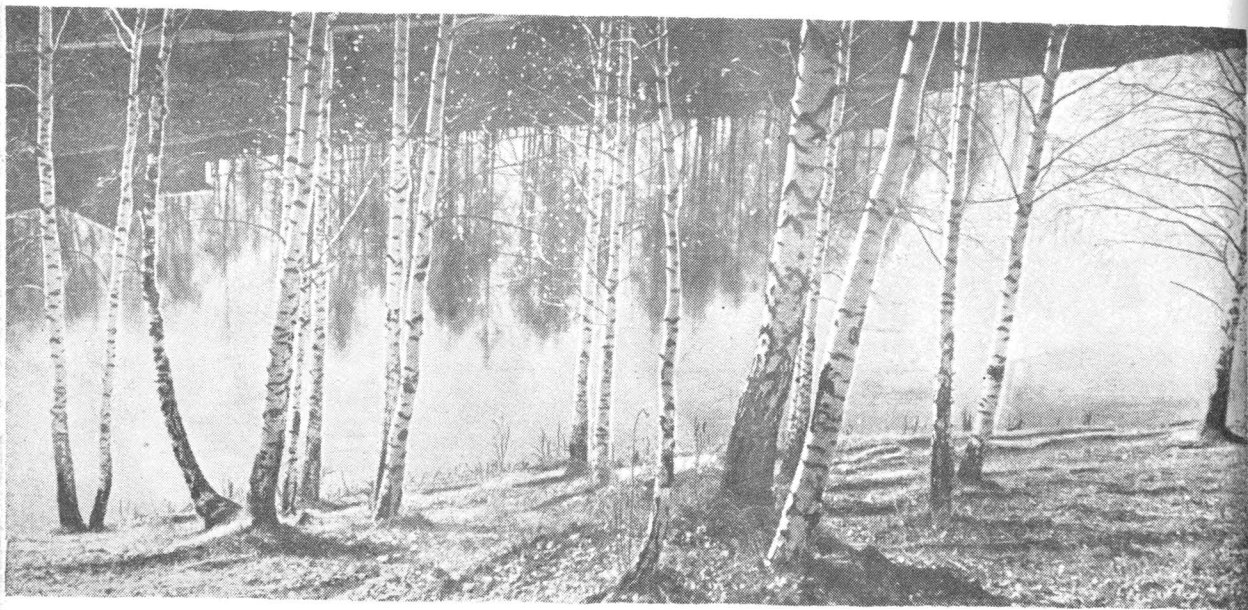
С давних лет с природою мы дружим,
С той поры, как с радостью знаком,
Полюбил я по июльским лужам
После ливня бегать босиком.
В день метельный, в синий полдень мая,
Что всегда, всегда неповторим,
Мы, без слов друг друга понимая,
По душам о многом говорим.
Если мне печально или горько,
Нахожу поддержку у нее:
Лишь в окно заглянет утром зорька —
И светлей мое житье-бытье.
Если ж ей невесело от хмури,
От осенних обложных дождей,
Я пишу о солнечной лазури,
Посвятив написанное ей...
А вчера я ехал снежным полем,
Из окна автобуса смотря,
Как над белым мартовским раздольем
Занялась вечерняя заря.
И меня впервые перемена
В отношениях наших обожгла:
Как-то очень гордо и надменно
Та заря холодная цвела.
Показалось: с облачных карнизов,
Полыхая красками, она
Посылала мне какой-то вызов,
Злой самовлюбленности полна.
Дескать, что ты во вселенской шири
Значишь по сравнению со мной?
Ты всегда песчинка в этом мире,
Где сиять мне вечной красотой.
Погляди, как этот мир чудесен,
И таким вот будет он всегда.
От твоих же мимолетных песен
Даже не останется следа...
Очень странно друга отчужденье.
Ну, а может, все, как встарь, у нас?
Может, кто-то был не в настроенье —
Я или природа — в этот час?..

Да, всякая бывает зависть.
Должно быть, как несчастен тот,
Кто, на добро чужое зарясь,
Вздыхает ночи напролет...
К чинам, машинам и сервантам
Я равнодушен с давних дней.
Но с тайной завистью к талантам —
Не утаю, знаком я с ней.
Она кому-то жить мешает,
Лишняя радости в труде,

НА ТОМИ. Фото
В. Фомченко

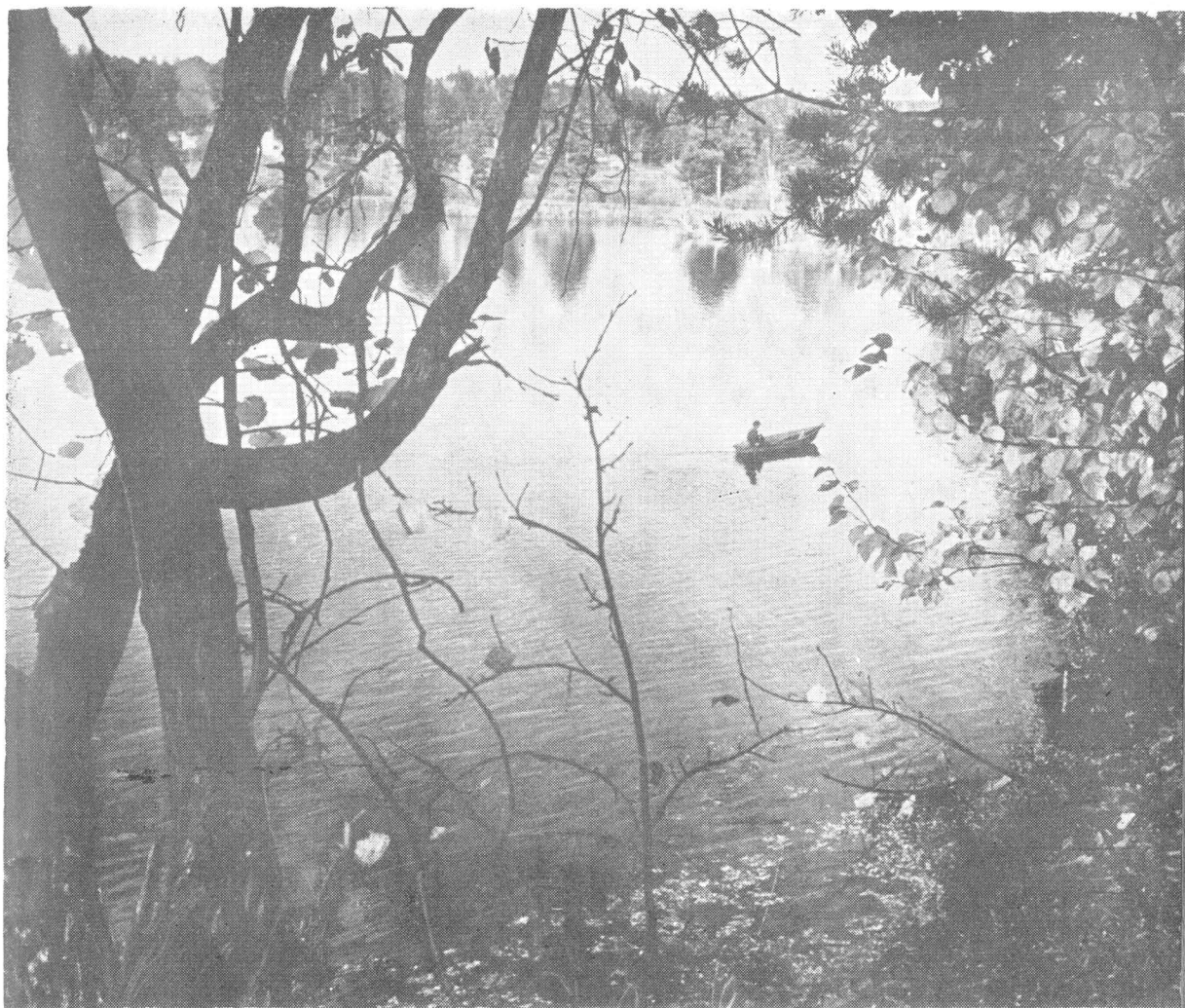
Уголки родного края

ОТГОВЕРИЛА РОЩА
ЗОЛОТАЯ... Фото
Ю. Дьяконова г. Проко-
пьевск

УТРО. Фото В. Грizzly-
тина г. Прокопьевск

САЛАЙРСКИЙ ПРУД.
Фото В. Фомченко

Лаборантка с буровой скважины № 48 Светлана Печенкина решила угостить друзей свежей ухой

А мне уверенность внушает,
 Что и моей гореть звезде!
 Лишь только зависть шевельнулась
 Цветком весенним на лугу,
 Глядишь, душа уже проснулась:
 А вдруг и сам я так смогу?
 И рифмы строятся попарно,
 И груз труда смелей несешь,
 Чтоб тоже вышло не бездарно,
 Не так хоть здорово, но все ж...
 В успех недаром верить смею:
 До той поры он мне родня,
 Пока завидовать умею
 Тем, кто талантливей меня.

ВЕЧЕР В ПОСЕЛКЕ

Зимний вечер приходит в поселок,
 В задремавшую рядом тайгу
 Синевой у серебряных елок
 На серебрано-белом снегу.
 А когда над лесным частоколом
 Загустеет закатная медь,
 Все вокруг, что открыто и голо,
 Начинает слегка розоветь.
 Розоваты под снежною ватой
 Лапы елок у низких ворот,
 И дымок над трубой розоватый,
 И в наносных холмах огород...
 Вот в избе за сугробами где-то,
 Где безмолвье и белая мгла,
 Золотистая капелька света
 Так приветно к себе позвала,
 Вот за нею другую и третью
 Холодеющий вечер зажег...
 А мороз обжигает, как плетью,
 И скрипит под санями снежок.
 Даже красное в небе светило,
 Тусклый блеск разбросав по лесам,
 На морозе как будто застыло,
 Поглядишь — и не больно глазам.
 ...Все надолго оставлю с собою:
 Запах свежести, шорох саней,
 Медь заката над синей тайгой,
 Золотистые капли огней.

ДЕД МОРОЗ

Кто-то к дому подходил
И нигде не наследил,
Но забавные картины
Появились на окне:
Пьют медведи чай с малиной,
Зайцы едут на коне.
Кто же он, что ночь не спал
И на стеклах рисовал?

Разгадал загадку Славик,
Чьи волшебные труды:
«Это дед Мороз оставил
Отпечатки бороды».

ЛЮБИТЕЛИ-ТЕЛЕЗРИТЕЛИ

Три синицы прилетели,
На антенне рядом сели.

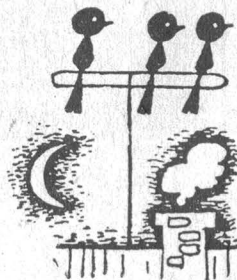
Ждут, надеясь на удачу,
Ждут который час подряд,
Что на телепередачу
Их, быть может, пригласят.

Прочитайте вашим детям

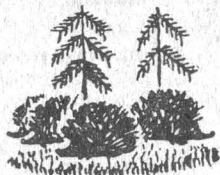

ЛЮБОПЫТНЫЕ

Кот мурлычет.
В комнате темно.
Нина с Машей
Спят давным-давно.
Только куклы
Ночью ни на час
Не смыкают
Любопытных глаз.
На кровати
Рядышком лежат.
Нечем им заняться
Без ребят.
И при свете
Голубом луны
Детские подсматривают
Сны.

ПЕРЕПОЛОХ В ЛЕСУ

Трах-тарарах!
Трах-тарарах!
Замерли звери
От страха в норах.
Хнычут волчата:
«Охотник идет.
Нору разроет
И нас заберет».
Четверо маленьких
Братьев-ежат
Жмутся друг к другу
Под елкой, дрожат.
Плачут лисята:
«Горны трубят —
Значит, теперь
Поджидай октябрат.
Мигом разыщут
И сложат в мешок,
А в школе посадят
В живой уголок».
Друг мой Артемка
В ту пору с сестрой
Грузди искал
На поляне лесной.
Трах-тарарах!
Подумал Артем:
«Небо опять
Ремонтирует гром».

РАДУГА

Разноцветным
Коромыслом
В небе радуга
Повисла.

Вот бы мне
По ней взобраться,
Чтобы с солнцем
Повстречаться!

Новый год!
Новый год!
А у елки —
старый кот:
глаза —
будто лампочки,
как из снега —
лапочки.
Видно, хочет старый кот,
чтоб ему под Новый год
добрый дедушка Мороз
мышку
в варежке принес!

Ух, какой колючий еж
Возле печки греется!
Бритву я ему принес.
Может, он
Побрееется?

Почему, отчего
все так любят
букву О?
Круг надутый —
буква О.
Колесо —
буква О.
Из нее —
кольцо, сачки,
даже
папины очки!

Говорит мне часто мама
(говорят так, видно, всем):
Если буду кушать мало —
Я не вырасту совсем.

Я-то кушаю.
Немного.
Только это все —
не в счет.
Почему же наша кошка
много ест, а не растет?

А. МАЗЮКОВ

БИЛЕТ № 33633

28 апреля 1923 года президиум Кемеровского райкома профсоюза горнорабочих принял постановление: «считать тов. Ленина почетным членом президиума райкома ВСГ (Всероссийского Союза) профсоюза (Горнорабочих) и послать ему членскую книжку, а членский взнос обратить в пользу детских яслей».

После того, как членская книжка на имя В. И. Ленина была заполнена, ее отправили в Москву в ЦК профсоюза горнорабочих со следующей запиской:

«Уважаемые товарищи! Протокольным постановлением заседания президиума Кемеровского райкома ВСГ от 28 апреля 1923 года № 16 дорогой наш вождь Владимир Ильич торжественно избран почетным членом президиума райкома ВСГ.

Препровождаем при сем выписку из протокола и членскую книжку Союза горнорабочих за № 33633, просим вручить таковую дорогому нашему вождю Владимиру Ильичу с пожеланием скорейшего выздоровления и возвращения к управлению рулем мировой пролетарской революции. Председатель райкома А. Бутолин».

Профбилет был вручен В. И. Ленину, который отнесся к этому факту с большим вниманием. После смерти Ильича проф-

билет вместе с другими личными документами передан в Центральный партархив в Москве.

Старательно заполнены все графы билета:

Фамилия — *Ульянов-Ленин*,
Имя, отчество — *Владимир Ильич*.

Год рождения — *1870, 22 апреля*.

Грамотность — *грамотный*.
Название предприятия — *Кемеровский рудник*.
Цех, отдел — *горный*.
Должность — *горняк 9-го разряда*.

Но кто же такой А. Бутолин, чья подпись стоит на ленинском профсоюзном билете?

Андрей Андреевич Бутолин, член партии с 1905 года, возглавлял Кемеровский райком профсоюза горнорабочих (теперь работников угольной промышленности). Вскоре после возвращения с XIII Всесоюзного партсъезда, делегатом которого был А. А. Бутолин, Сибкрайком ВКП (б) отозвал его и направил в Восточную Сибирь. Еще в 1930 году А. А. Бутолин по состоянию здоровья ушел на пенсию и выбыл куда-то в европейскую часть страны. Кажется, цепочка оборвалась... Как-то автору этих строк довелось встретиться с горным инженером К. П. Вороновым, старым жителем Кемерова, членом КПСС с 1920 года. О многом гово-

рили мы с Константином Пименовичем. В разговоре он заметил: «Недавно я получил письмо от своего старого знакомого Бутолина. Он живет в Ростове-на-Дону». Оказалось, от того самого, которого мы и разыскивали. Списались с Андреем Андреевичем. Он прислал нам свои воспоминания. В них содержится очень много интересного о событиях в досоветском Щегловске, Кемеровском руднике, о людях тех дней. До знакомства с Бутолиным не знали мы, что он — один из организаторов профсоюза горнорабочих Западной Сибири. Много раз бывал по делам профсоюзов в Анжеро-Судженске, Кольчугине, у шахтеров Алтайских копей (ныне район города Березовского) и в других местах Кузбасса. Когда в результате белочешского мятежа Советская власть в Кузбассе пала, А. Бутолин появляется в районе Кольчугинского рудника и здесь организует небольшой красновардейский отряд. Судьба еще раз привела Андрея Андреевича в Кузбасс. Это было в начале Великой Отечественной войны. К тому времени ему было за шестьдесят. Коммунисты колхоза «Прогресс» Ленинск-Кузнецкого района избрали его своим секретарем. Вскоре после освобождения Ростова Бутолин уехал обратно и живет там поныне. Сейчас ему 83 года.

ТАК БОРОЛИСЬ КОММУНИСТЫ

В Томской губернской газете «Знамя революции» 31 марта 1921 г. была опубликована небольшая заметка «Как умирают коммунисты». Приведем ее полностью.

«В конце января через нашу деревню Змеинку прошла банда полковника Олиферова. В руки белогвардейцев попал учитель Ушаков Василий Венедиктович, 19 лет.

Ушаков проявил редкий героизм. Их, коммунистов (вместе с Ушаковым попал бывший партизан Алексей Винокуров), зверски истязали, поставили к стенке, кололи штыком. На берегу прикончили. У Ушакова 12 ран, изрублена голова, шея...

Похоронены тут же в деревне, из простого камня мы высекли памятник: «Герои Вас. Венед. Ушаков, 19 лет и Алексей Павлович Винокуров, 44 лет. Замучены за идею коммунизма 25 марта 1921 г. Герои! Ваш пример будет всегда памятен в сердцах лучших борцов за свободу».

Кратка газетная заметка. Кто такой учитель Ушаков? За что его так истязали? Об этом поведали нам другие документы.

Стояла морозная зима 1921 года. В далекой таежной деревне Змеинке все шло своим чередом. Днем люди работали, вечером приходили в Народный дом послушать беседу, посмотреть спектакль самодеятельных артистов. По воскресеньям ездили в гости в соседние деревни. Тогда часто проводились собрания граждан. На них обсуждались вопросы быта и села. Тон всему задавали комсомольцы и коммунисты. Змеинская ком-

ячейка насчитывала в своих рядах более 15 человек. Ее возглавлял учитель Василий Ушаков.

...Василий Венедиктович Ушаков родился в 1902 году в семье прискателя. Это была простая, дружная русская семья, где сызмальства прививается любовь к людям, нетерпимость к несправедливости. Три года учился Василий в Змеинской начальной школе. Был очень способным, смысленным учеником, затем он успешно закончил пять классов Борисовской школы и вместе с семьей уехал в тайгу. Здесь на реке Шалтырь в 10—12 километрах от рудника Центральный, отец Василия построил себе дом, и они прожили тут весь тревожный период разгула колчаковщины.

Семья Ушаковых была близка к партизанам. Помогала им чем могла, сообщала партизанам нужные сведения. Один из активных участников партизанского движения Н. В. Буинцев в своих воспоминаниях сообщает, что партизанские разведчики часто бывали на заимке Ушаковых. Оставляли здесь на излечение раненых партизан, запасались продуктами.

Когда в конце декабря 1919 года Советская власть в Кузбассе была восстановлена, Василий Ушаков вступил в партию. Его направили на курсы учителей. После окончания курсов Василий вернулся в родную деревню. Вскоре его избрали председателем комячейки.

Скромный, выдержанный, он с большим желанием приступил к учительской работе.

Его, крепко сложенного, выше среднего роста, чернявого, часто видели в избах своих учеников.

29 февраля 1920 года он был делегатом первой уездной партийной конференции. Молодой коммунист выступил на конференции. Он рассказал о делах и думах своих односельчан. Просил выделить политическую литературу, помочь организовать избучитальню. В партийном архиве хранится протокол общего собрания коммунистов и им сочувствующих в дер. Змеинка от 13 апреля 1920 года, подписанный Василием Ушаковым.

Но вот по деревне поползли тревожные слухи. В соседних селах начала гулять белая банда во главе с бывшим колчаковским полковником Олиферовым.

Олиферовская банда, сколоченная из остатков колчаковских войск, осевших в северных районах Томской губернии, пробиралась за границу, в Монголию. Путь банды лежал через Мариинскую тайгу. Сначала они двигались на санях, лыжах и лошадях по реке Чулыму. Затем, перейдя железную дорогу, двинулись по глухим таежным трактам на юг. Томский губком и губисполком немедленно поставили в известность о банде руководителей Мариинского, Кузнецкого и Щегловского уездов. Губернские органы дали указание: принять меры к ликвидации банды, не дать ей уйти.

Бандиты жестоко расправлялись с работниками местных органов Советской власти, грабили население и учреждения. Особенно свирепо

расправлялись олиферовцы с коммунистами и комсомольцами. В селе Колеул Маринского уезда бандиты напали на коммуны, многих коммунистов расстреляли. От руки бандитов погибли председатель коммуны Н. М. Овсевич, комсомольцы Чердынцев и Примус, учительница Владимирова; 34 человека порубили и расстреляли олиферовцы в селе Мало-Песчанке. В боях с олиферовцами погибли много коммунистов Тисуля и рудников Маринской тайги.

Один из отрядов Олиферова двигался в сторону Змеинки. Встреваясь известием о приближающейся банде, коммунисты Змеинки и соседней деревни Ивановки снарядили разведку. Разузнать о движении банды были посланы Василий Ушаков и бывший партизан Виноку-

ров Алексей.

Около поселка Баклановского разведчики неожиданно натолкнулись на отряд бандитов и были ими обстреляны. В этом бою Василий Ушаков был ранен в ногу. Пуля повредила кость выше колена. Разведчики с трудом добрались обратно до Змеинки, предупредили о движении банды. Василию тщательно промыли рану, сделали перевязку. Когда банда ворвалась в Змеинку, кулаки выдали Ушакова. Озверевшие бандиты начали избивать больного. Но ни слова не сказал Василий. Измученного, его вывели за амбар к реке и продолжали истязать. Лежавшего, проткнули штыком, рубили саблями. После всего этого, полуживого поставили к стенке.

Собрав последние силы, гордо подняв голову, 19-лет-

ний большевик запел «Интернационал». Выстрел из винтовки заставил его замолчать навсегда.

Брат героя — Николай Васильевич, тоже член партии, проживающий ныне в Кемеровской области на руднике Старый Бериккуль, вспоминает:

— После расстрела я нашел брата неузнаваемым, окровавленным. Похоронили мы его в своей же деревне, по коммунистически. Дали залп из ружей и пели «Вы жертвою пали...» Вместе с ним похоронили Алексея Винокурова.

Отец героя Венедикт Макарович в начале 1920 г. вступил в партию, принимал участие в ликвидации банды Олиферова. Умер он в годы войны, в 1944 году. Мать Василия Ушакова — Анна Константиновна умерла в 1958 году.

Р. ЛОБАНОВА

СМЕРТЬ ДОЛЖНА ПОДОЖДАТЬ

Все напечатанное и изданное за восемнадцать лет он собрал в один большой картонный короб и написал: «Завещаю жене, а особенно сыну моему, хранить мой труд, а после передать в литературный музей».

Не на прогулку собирался — на войну. Шел добровольно, не выказывая страха, но и не шеголяя дешевой бравадой. Жестко, трезво сознавал, что на войне совсем не исключено это «ПОСЛЕ» и был готовым ко всему.

Георгий Антонович Доронин родился в 1904 году в деревне Новой Загвоздинской во-

лости Тобольского уезда (ныне Тюменская область). Отец его — рядовой матрос, во время осады Порт-Артура японцами был тяжело контужен, попал в плен и на родину вернулся лишь перед первой мировой войной совсем инвалидом. Так и не оправившись, он умер в 1922 году.

Георгию Доронину было всего 16 лет, когда односельчане, после разгрома колчаковщины, навсегда утвердив Советскую власть, избрали его секретарем волисполкома. С этого времени и начинается его сознательная общественная жизнь.

«Была такая газета, — вспоминал Доронин, — «Известия Тобольского уездного исполнительного комитета», туда я послал письмо о том, что местный поп не дает дьяконский дом под библиотеку, организованную союзом молодежи.

Письмо напечатали. И очень удивились в уездном комитете РКСМ, узнав из газеты, что в ста пятидесяти верстах от районного центра, в деревеньке, о существовании которой они «даже не подозревали, объявился Союз молодежи. И комсомольская ячейка и избачиталья были делом рук Ге-

оргия Доронина. Первый избач на селе и первый вожак деревенской молодежи в свою очередь удивился, что существуют, оказывается, «уездные и всякие иные комитеты комсомола» — от этого удивления родилась радость, сознание своей правоты, надежды на крепкую поддержку в борьбе с местными богатеями.

Отныне селькорство стало призванием деревенского паренька. В 1924 году по путевке комсомола его направляют на работу в окружную газету «Северянин», и с этого времени у него новая профессия — журналист.

У Георгия еще горели натруженные плугом ладони, когда в печати появились первые его стихи. «Стихи были плохие», — признавал сам Доронин.

Осенью 1925 года Тобольский окружком партии посылает Доронина в Москву, в институт журналистики. Однако туда он не попал — не хватило партийного стажа. По рекомендации одного из работников отдела печати ЦК партии Доронин едет в Ново-Николаевск (Новосибирск) на работу в краевую газету «Сельская правда». В Новосибирске он попадает в более активную и требовательную литературную среду. С головой уйдя в редакционную работу, он в то же время становится одним из деятельных участников молодежных литературных сходов. Под рубрикой «Литературный Новосибирск» печатаются в те годы сообщения о жизни литературных объединений, о поэтических вечерах. Все чаще мелькает в них имя Доронина, поощрительные и критические отзывы о его литературных опытах. Он пишет все больше, но и тумачков получает немало. Его упрекают за «тяжелый, растяну-

г. Томск, октябрь 1940 г.

тый ритм», за «слабую отшлифовку» и «недостаточную музыкальность» стихов, положительно отзываясь об их идейной направленности. Через два года стихи Доронина попадают в сборник «Подпаса дулейка», изданный в Москве Всероссийским обществом крестьянских писателей. В том же (1927) году его принимают в члены этого союза и приглашают на первый Всероссийский съезд крестьянских писателей, где он встречается с Горьким.

Доронин избирается уполномоченным Союза крестьянских писателей по Сибири, проводит большую работу по выявлению литературных талантов среди молодежи, организует литературные кружки.

На съезде сибирских писателей в январе 1930 года группа крестьянских писателей выделилась в самостоятельную организацию. В Новосибирске был создан секретариат краевого отделения Всероссийского общества крестьянских писателей, в состав которого вошли

Ф. Пермитин, Г. Доронин, М. Никитин и другие.

Доронин ни на один день не оставляет работы в газете, сочетая журналистику с литературной деятельностью. Быть может, отсюда откровенная публицистичность, злободневность, агитационная направленность его стихов. Они отражают всю сложность общественной жизни двадцатых-тридцатых годов, остроту классово-борьбы в деревне. Ведь и первый колхоз, и первый трактор, и женщина-председатель Совета, и радио — все было сибирской деревне в новинку, все надо было внедрять, за все драться.

«О чем писать? — задает себе вопрос Доронин, — «О луне? О травке? О солнышке?». И тут же отвечает: «Литература — это не забава, не развлечение, а один из участников нашей борьбы за новую, коммунистическую идеологию». Верный этому убеждению, он избирает в своем творчестве ведущую тему — тему социалистического переустройства деревни.

Время было вихревое. В ту пору газеты выдавали своим деревенским корреспондентам охранные грамоты на случай кулацкой пули. Но пули иной раз свистели.

Шла весна
С весельем и теплом.
Только в ночь ненастную
Раздался выстрел,
Разбудил дремавшее село... —

писал Доронин в одном из стихотворений.

Суховатый, замкнутый, не очень податливый на дружбу, — таким я помню Доронина в те годы. Но как же он преобразался, возвратившись с редакционного задания из деревни! Он вваливался в редакцию в сапогах, облепленных грязью и

Селькор Г. Доронин в с Чаны, 1931 г.

глиной, в треухе, сдвинутом на затылок, отощавший, обросший кустистой щетиной, какой-то яростно-веселый, распираемый впечатлениями. В светлых глазах его, обычно притушенных и сумрачных, вспыхивали задорные искры, и отсвет их удивительно красил весь его суровый облик аскета-подвижника. Да он и на самом деле был подвижником газеты, одержимым любовью к ней и литературе.

Тогдашний редактор «Сельской правды» Ф. А. Лобанов-Бельский не переставал восторгаться работоспособностью Доронина, его готовностью «по-солдатски», в любое время года, в любую минуту подхватиться и, невзирая на пургу, мороз или весеннее половодье, в простой крестьянской телеге, а то и пешком отмахать десятки верст за материалом в газету. Вернувшись, он вынимал из-за пазухи распухший блокнот и так и сыпал стихами, фельетонами, корреспонденциями, частушками. А частушки несли в себе такой заряд социальной взрывчатки, что новая деревня моментально брала их на вооружение:

Против силоса орет
Враг колхоза классовый.
Мы заткнем кулацкий рот
Силосною массою...

В те времена обыкновенная силосная траншея проходила иной раз по самому переднему краю классовой борьбы.

Доронин остро подмечал политическую суть явлений, в массе житейских фактов он умел разглядеть и воплотить в художественных образах наиболее типическое для своего времени. Однажды наткнулся он в сельсовете на документ: «Протокол: за оскорбление при исполнении служебных обязанностей и за попытку срыва заседания сельсовета препровождается в раймилицию крестьянин! Черныяров Егор. Председатель сельсовета Фекла Черныярова».

Жена-председательша, «препроводившая» своего мужа в милицию за неуважение власти! Доронин на основе этого случая строит небольшую стихотворную повесть «Тяжелый день» и поворачивает к читателю «бытовой», казалось бы, случай такими гражданственными гранями, что через драму

личных отношений каждый видит ломку отношений общественных. С глубоким сочувствием показывает он, как нелегко далось крестьянке — вчерашней рабыне — такое решение. Заливаясь слезами, собирает Фекла своего мужа на отсидку в милиции. Но то — жена, а Фекла-председатель непреклонна в своем оскорбленном достоинстве. И в этом — зерно конфликта.

Доронин много печатается в краевых газетах, в крестьянских журналах, издающихся в Москве, в журналах «Сибирские огни» и «Красная сибирячка».

«Необычайно хороша своим простым и крепким языком поэма Г. Доронина «Земля подшефная», — отмечает критик «Красноярского рабочего» в январе 1928 года. — Деревня в ней показана не по-лубочному, без прикрас. В то же время автор дает много сочных бытовых сценок, полных живого юмора... Доронин широко использовал в своей поэме гибкую форму частушки и народно-балаганного «раешника». И со стороны художественной эта поэма — большое достижение молодого поэта, который сам вышел из крестьянской массы».

Напечатанная отрывками в газетах, затем полностью в «Сибирских огнях», поэма вскоре была выпущена Сибирским союзом писателей отдельным изданием десяти тысячным тиражом.

Признание читателей получила и поэма «Сто миллионов», которую партийная печать называла «подлинно художественной агиткой».

В 1931 году Государственное издательство художественной литературы выпускает «Антологию крестьянской литературы», в которой находит отражение и творчество Георгия Доронина.

И в стихах и в прозе Георгий Доронин оставался партийным публицистом. С 1927 по 1940 год Новосибирский Союз писателей, партийное и государственное издательство выпускают его книжки одна за другой. Это поэмы, исторические очерки, очерки об экономическом и культурном преобразовании сибирской деревни. Из рассказов крестьян села Покровки Ирбейского района Канского округа Доронин создает интересную книжку «Правда о нашей деревне». В книге «10 лет борьбы рабочих и крестьян Сибири» он обобщил замечательные факты из истории женского движения. Самоотверженность первых красных делегатов, трагическая судьба многих из них, павших от руки колчаковских карателей и кулаков, волнует и по сей день. В сборнике очерков «Степь в огне» Доронин запечатлел события из истории партизанской войны против Колчака.

Зоркий глаз журналиста, образное мышление литератора, страстная убежденность коммуниста помогали Доронину постоянно чувствовать биение пульса своего времени. В то же время он пристально интересуется далеким прошлым Сибири, старается соприкоснуться историей с проблемами современности. Он тщательно собирает материалы для большой поэмы «Из Сибири каторжной строи социалистическую». Изучает «Историю государства Российского» Карамзина, делает выписки из сборника Ф. Кона о Нерчинской каторге, находит в томских архивах малоисследованные рукописи семнадцатого века о «ясашных людях». Вспоминает и свою родословную, которая, по рассказам деда, ведет начало от беглых поселенцев.

Борьба за новую социалистическую Сибирь — понятие для Доронина не умо- зрительное, — это живая строка его личной биографии, и он вправе написать:

Столов ревкомовских утробы,
Очистив от секретных дел,
Винтовку враз на плечи
вздев,
Мы шли навстречу хищным
гадам
Коммунистическим отрядом.

С чувством искренней гордости он повествует о том, как очередной новый завод Сибири,

Подняв над степью корпуса,
Снимает хрупкие леса...

Только что воздвигнутые домны Кузнецка напоминают ему гиганта, который долгие годы был в пеленках лозунгов и постановлений и вот, наконец-то, расправил могучие плечи — «Детище наших упорных трудов, гордость отсталых таежных краев!» Родная сибирская сторона, преобразованию которой он отдавал тепло своих рук и сердца, вызывает в нем гордость и сыновнюю любовь:

Мы сейчас —
В разбеге беспредельном,
Взятых нами,
С бою взятых дней.
Мы живем,
Живем в такой метельной
В белоснежной
Яркой стороне,

Где мороз приходит
Вслед метелям,
В страшной силе,
В градусе таком,
Что куском
Барзасских сапропелей
Нефть застыла
В глубине веков...

Должно быть, многое из того, что написано Георгием Дорониным в те годы, пока-

жется сейчас и несколько наивным, и несовершенным, не отвечающим требованиям возросшей поэтической культуры. Но когда сегодня, скорок лет спустя, перечитываешь его литературное наследие, — героическое время первых пятилеток с его революционным пафосом, его заботами, тревогами, радостями и свершениями, глядит на тебя со строчек доронинских стихов. Отчетливо видишь и личность самого поэта, гражданина и коммуниста, осознаешь его место в борьбе и труде народа.

■ ■ ■ За год до начала Великой Отечественной войны Георгий Доронин направляется в Новокузнецк на работу редактором городской газеты «Большевицкая сталь» («Кузнецкий рабочий»). А потом война. На фронт его не взяли. Тогда он, по его же словам, стал помогать стихами «делать металл».

В марте 1942 года «Правда» писала: «В цехах металлургического комбината, на фасадах домов читаем удачные рифмованные лозунги, написанные местным автором тов. Дорониным. У мартеновцев, например, висит такой лозунг:

«Скоростные плавки двинем,
Сталь кузнецкая крепка.
Получай, фашист, гостинцев
Нашей марки КМК».

А вскоре в городе сталеваров пошла молва о Ване Плавкине. Корреспондент «Известий» сообщал в номере от 17 мая 1942 года:

«Во втором мартеновском цехе в последние дни появился новый подручный сталевара. С удивительной быстротой завоевал он популярность. В один день о нем заговорили на всех участках, хотя в лицо его никто

не видел. Подручный, назвавшийся Ваней Плавкиным, дал знать о себе стихотворными фельетонами, которые стали вывешивать в цехе. Стихи эти затрагивают самые свежие события дня. У Вани Плавкина сразу появились корреспонденты. Сталевары начали подсказывать ему темы, записывать для него факты. «Боевой подручный» клеймит нарушения технологической дисциплины, невнимательный уход за печами, брак».

«Дни и ночи Георгий проводил на Кузнецком комбинате, — вспоминает жена поэта Милица Николаевна. — Там же, на месте, писал он «похождения» своего подручного и к началу каждой смены вывешивал новую листовку».

Скоро Ваня Плавкин становится как бы рабочей совестью комбината. Страшнее не было бракоделам укора, чем эти слова:

Если враг вон с тобой
полянки
Будет смертью нам грозить,
Я атаки в этом танке
Не сумею отразить...

Летом 1942 года началось формирование стрелковой дивизии сибиряков-добровольцев. Лучшая часть партийного и комсомольского актива Западной Сибири первой вступила в ее ряды. В числе их был и Георгий Доронин. В звании капитана он был зачислен секретарем редакции дивизионной газеты «Боевая красноармейская».

За окном — простор бескрайний,
Поезд будит тишину.
Край родимый, до свиданья,
Уезжаем на войну...

Вместе с Дорониным в дивизию пришел и Саша Сибиряков.

Москва, А. М. Горький среди участников Первого Всероссийского съезда крестьянских писателей. В третьем ряду первый слева — Г. Доронин (снимок публикуется впервые)

Сашу каждый знает в части.
Он — разведчик, он, боец.
Саша — грозных дел участник,
В стане воинов — певец.

Саша Сибиряков — герой новой поэмы Доронина. Он в одном строю с защитниками Родины. Поэма «Саша Сибиряков» — своеобразная летопись боевых дел дивизии сибиряков-добровольцев, сказание о подвигах ее героев. Доронин называет в ней конкретные имена бойцов — артиллеристов, разведчиков, автоматчиков, санитаров, отличившихся в сражениях с фашистами. Многих из них — шахтеров и металлургов, колхозников и партийных работников — знал Доронин до войны лично. По словам товарищей, он вел подробные записи о фронтовой жизни, собирал материал для будущей книги о сибиряках на войне.

В бою и на отдыхе, в дни праздников и фронтовых буден — везде слышали бойцы голос Саши Сибирякова. Частушечная дробь сменяется в поэме интонациями глубокого раздумья бойца-патриота о судьбе Родины, о своем воинском долге:

Куда ни посмотришь — леса
и леса,
Зеленая гвардия елок
и сосен.
В лесу окопалась глубокая
осень,
Свинцовые тучи плывут
в небесах.
Над речкой — деревни, покосы,
поля...
И там, где из бора дорога
на выход,
Там Саша с бойцами беседует
тихо:
«Здесь русская наша, родная
земля,

Здесь прадеды били разбойную
гнусь,
Посады и села вздымая
из пепла.
Отсюда пошла, разрасталась
и крепла,
Главы никогда не склонявшая
Русь.
Здесь русскому сладок
Отечества дым,
Здесь предки лежат под
квадратами пашен.
И эту ли землю извечную нашу
Мы немцам паршивым в полон
отдадим?!»

Большим событием было в дивизии вручение лучшим воинам автоматов Чалкова. «Знатный, сталевар Кузнецкого металлургического комбината А. Я. Чалков, получив Сталинскую премию за освоение скоростных плавок броневой стали, перечислил ее в фонд Особого Сибирского стрелкового корпуса для приобретения автоматов. В нерабочее время сверх плана он сварил сталь для их изготовления. На каждом автомате, сделанном из этой стали, была прикреплена табличка с надписью: «Сибирякам — от сталевара Чалкова»... Бойцы Особого Сибирского стрелкового корпуса сообщали своим землякам, что им присвоено гвардейское звание. Они писали, что владеть чалковским автоматом считается у них в соединении большой честью и прислали А. Я. Чалкову свой гвардейский значок. Приказом командира соединения сталевару было присвоено звание «почетный гвардеец» (История Великой Отечественной войны, т. 3, стр. 203—206).

Не мог не откликнуться на такое событие и Саша Сибиряков. Он пишет Александру Яковлевичу Чалкову письмо:

Прочитай письмо солдата,
Как вчера идя в наряд,
Взял я новый автомат.

Я такому автомату —
Не скрываю — очень рад.

Сразу чувствует рука:
Сталь добротная крепка...

За такой подарок знатный
Шлю, заботой окрылен,
До сырой земли поклон.
На любом на деле ратном
С автоматом я силен.

Замечательно, что в представлении фронтовиков образ Саши Сибирякова нераздельно сливался с образом самого автора поэмы. Об этом же свидетельствуют и воспоминания о друге-поэте писателя Афанасия Коптелова, побывавшего в дивизии.

«Разобрать, где автор, где герой, было нелегко, — пишет он, — и бойцы предали забвению поэта Г. Доронина и приняли в свою среду поэта-воина Сашу Сибирякова.

О капитане говорили:
— Наш Саша Сибиряков...
...В наградном листе было записано:

«В дни наступательных боев капитан Доронин не выходил из боя, все время — в частях, с бойцами и командирами. Он давал из номера в номер стихи «Саша Сибиряков», в которых показывал боевые дела и успехи десятков бойцов и офицеров. Доронина знает вся часть, его любит весь красноармейский состав. За большую работу в газете и личное участие в наступательных операциях Доронин достоин правительственной награды...»

Поэт был награжден медалью «За боевые заслуги»... Популярность поэта в дивизии была огромной. Везде его встречали как друга, как гостя, как своего боево-

го товарища. Подойдет он, бывало, к огоньку — ему лучшее место:

— Садись, Саша, расскажи новенькое, почитай стихи... Заглянет в блиндаж — посады, где поудобнее.

Так всюду.

Однажды он заглянул в шалаш, где отдыхали красноармейцы подразделения, в котором он раньше не был ни разу. Но и там его узнали — встречались где-то на привале во время осеннего марша. Кто-то вспомнил, как Саша в пургу вел в атаку отряд, наспех сформированный из писарей, поваров и сапожников... «В армии, — писал там же А. Коптелов, — Г. Доронин почувствовал в себе настоящий голос поэта, его стихи стали музыкальнее и совершеннее, в них было мужество и душевная теплота». («Сибирские огни», № 4, 1944 г.).

Сам Георгий Антонович в письмах жене рассказывал о фронтовых делах со своей «доронинской» усмешкой:

«Две обязанности отнимают у меня здесь наибольшее количество времени — это приготовление завтраков и обедов и стихи. Нигде столько я не варил супов и каш и не писал стихов, как на линии фронта...»

III Фронтовые письма Георгия Доронина предельно точны и сжаты, как репортаж. И хотя были они адресованы самым близким и родным людям — жене и сыну — он почти не позволял себе размягчаться нежностью. Он как бы опасался, что высказанное им глубоко личное чувство обезоружит его, сделает беззащитным перед тем, что приходится ему совершать на войне каждый день, каждый час. Ему необходимо хладнокровие. Хладнокровие мужест-

ва. И он вырабатывал его в себе с упорством и упрямством сибиряка. Ничего не приукрашивая, не умаляя и не прибавляя, словно хирург, разнимающий скальпелем живую ткань, обнажал он полные испытаний и горестных утрат будни войны. И без этих писем невозможно полностью представить себе облик Доронина — воина, поэта, патриота, как невозможно изъять из его жизни и творческой биографии ни одного, прожитого им на войне, дня. Вот некоторые страницы писем.

1 ноября 1942 г.

Привет, моя славная!

Из многих мест нашей страны посылал я тебе письма за годы нашей дружбы. И вот пришлось послать письмо — и не последнее, надеюсь, — оттуда, где рвутся снаряды и мины, летят немецкие самолеты. Вчера был особенно интересный день. Одна игрушка грохнулась подле нашей редакционной машины. Осколок пробил обе стенки машины. Стихи, которые я тебе посылал и прошу (снова прошу!) сохранить, я писал так: написал четыре строчки под одной елкой, летит немец и бросает всякую дрянь на землю. Я забился носом в мох. Написал еще четыре про бомбежку — опять летит. Я опять в мох. И так все время, пока писал про немца, про бомбы и прочее, вся эта дрянь с неба сыпалась и падала не очень далеко. Жизнь, в общем, для журналиста, довольно интересная...

20 ноября 1942 г.

...Вновь посылаю тебе вырезки стихов — похождения Саши Сибирякова. Ты, конечно, понимаешь, что это и есть мои похождения здесь, на фронте: «Саша в шалаше», «Саша у снайперов», «Саша ведет беседу»,

Г. Доронин выступает на первом краевом слете ВОПКП. Апрель, 1931, г. Новосибирск.

все это и делаю я сам... Мины падают где-то не очень далеко. Наша машина вздрагивает, и на этом все кончается. Темной ночью очень страшно немцу на чужой земле. Вот он и садит мины наугад...

6 декабря 1942 г.

Уже больше десяти дней мы ведем ожесточенные бои с немцами, очищаем деревню за деревней от подлой фашисткой нечисти. Из наших земляков многие вышли из строя. Убит Роганов, орденосец, работавший инженером на правом берегу Томи. В редакции у нас убит Димеев — редактор ленинск-кузнецкой газеты. Остались мы опять вдвоем с Филиппом. (Ф. Г. Кузнецов, редактор дивизионной газеты, — Р. Л.)... Я хожу по полям сражений с гранатой за поясом, с карандашом в руках. Вижу войну — страшную, жестокую кровавую. Хожу, обстрелянный со всех сторон из винтовок, пулеметов, минометов, орудий... Были мы с

Шаравьевым (секретарь Ленинск-Кузнецкого горкома) в деревне, только что занятой нами. Еще дымилась отни пожара, валялись трупы на улицах... Вдруг налетело больше двадцати бомбардировщиков. Подле деревни — немецкий окоп, занесенный снегом. Я подбежал к окопу и упал в него, надеясь провалиться в снег. Но день был очень теплый, и водянистый снег нисколько не поддался. Я оказался на поверхности — черное пятно на белом снегу, прекрасная мишень для немца. Голыми руками рыл я мокрый снег, чтобы хоть голову засунуть в ямку, но руки быстро заковечели, и ничего не вышло. Шаравьев также бился недалеко от меня. И вот я вижу — один самолет снижается прямо на нас. Вижу, как отделяется одна бомба, другая, третья, четвертая... Я толкнул Шаравьева ногой и говорю: «Держись, брат, это наш гостинец...» Я слежу за бомбами. И только в последнюю секунду закрываю глаза... Разнесло три сарая. Вспыхнул пожар. Меня завалило жидкой глиной с ног до головы. А осколки случайно пролетели мимо...

18 января 1943 г.

Пошел в одно подразделение, которое с боями продвинулось вперед. Пурга. В трех шагах не видать ни черта. Идти надо было километров пятнадцать оврагами, открытой степью и кустарниками... Случайный снаряд — наш ли, немецкий ли — разорвался недалеко. Я сунулся в снег, полежал. Где-то сбоку строчат автоматчики. Мины свистят над головой. Вдруг из пурги вынырнула машина. Шофер везет снаряды.

— В кузове пристроиться нельзя, товарищ капитан, становитесь на подножку, но если спину вам прорежет

очередью — на том свете на меня не обижайтесь...

— Есть — не обижаться на том свете! Давай, навертайвай, дорогой мой!

Я зацепился рукой за какой-то гвоздь и поехал на подножке, рискуя сорваться и упасть под колеса на первом ухабе...

Новогоднюю ночь я встретил с артиллеристами. Собрались боевые друзья в большом блиндаже. Тепло. Много света. Даже чистую скатерть откуда-то добыли ребята и постелили на стол. Политрук произнес хорошую речь. Потом пошли к пушкам и ровно в полночь послали немцам ураган огня... Потом вернулись в блиндаж и подняли — не бокалы, а латунные колпачки от снарядов — и выпили за новый год, за грядущую победу. Колпачки хорошие, вместительные, грамм по триста... Потом я читал «Сашу Сибирякова». Потом пели наши родные сибирские песни...

23 февраля 1943 г.

На днях я был в одном старинном русском городе, только что освобожденном от немецких оккупантов. Город производит жуткое впечатление. Мертвый город. Не осталось буквально ни одного дома. Только торчат одни трубы. Удивительно, что печи и трубы остаются. Сгорает до тла деревянный дом, а трубы торчат. Разрушается снарядом каменный дом, а печь и труба торчат к небу. Как будто остается очаг, искра жизни... В уцелевших полуподвальных этажах, в подземелье начинают жить люди. Женщины тащат за собой салазки с домашним скарбом и идут населять мертвый город.

23 марта 1943 г.

Новосибирцы еще не забыли меня — прислали с делегацией посылку в мой адрес... В одном кисте запис-

ка: «Посылку собирала Тоня Яровая». И платочек вышивала для меня. И это очень интересно, что первую посылку на фронте я получил не от родной жены, а от неизвестной девушки Тони (вот еще одна шпилька в твой бок!)... Посылаю тебе «Сыны великого народа». Работы за последнее время прибавилось и некогда стало заниматься стихами...

25 марта 1943 г.

Твой любимый писатель Коптелов сейчас здесь. Организует материал для книги о нашей части... Я влил его по разным подразделениям.

Темная ночь опустилась на землю, израненную снарядами, забрызганную кровью. Справа и слева поднимаются зеленые немецкие ракеты, освещая болото странным светом. Да изредка упадет снаряд, либо загворят с обеих сторон пулеметы. Обычная музыка войны...

16 апреля 1943 г.

Уж больно день сегодня чудесный. Тихий, ясный, солнечный день. Березы и елки еле качают над нами вершинами кудрявыми. А сколько птиц в лесу! Я долгое время прожил в городах и забыл щебетание птиц — веселое, радостное, беспокойное. А сейчас птицы напоминают детство. Я ведь родился и вырос в глухой тайге, в лесу. Весной в такие дни мы обычно с отцом рубили березовые дрова и пили котлами березовку. И сейчас то же самое. Березовка течет из каждой березки — пей, сколько надо. А вчера я размахался топором, совсем как в далекие годы юности... Птицеловуни не боятся ни автоматных очередей, ни грохота снарядов. Поют наперекор всему... Немец все уничтожает на своем пути. Кру-

гом нас выжженные города и деревни. Но весеннего праздника природы ему уничтожить не дано.

19 апреля 1943 г.

Посылаю лепестки первых цветов, которые появились в наших лесных чащобах. Цветы и кровь. Цветы и смерть. Это переплетается тесно на фронте. Вчера мы похоронили Наташу Загоровскую. Я опустил ее в сырую, мокрую землю на вечный покой. Она проработала у нас в редакции всего 10 дней. В прошлом она работала в Новосибирске, в «Советской Сибири». Поехала добровольцем на фронт... Я работал в газете один. Она пришла мне помогать. И через десять дней осколком мины ей разбило голову. Смерть наступила почти мгновенно.

Она была очень гордая, эта Наташа. Мы с ней спорили накануне, как вести себя под огнем. Я советовал ей: в грязь, в воду, в канаву, куда попало — в любую яму падай, как начнется минометный огонь. А она говорит: «Стану я каждой немецкой сволочи кланяться». И не поклонилась, не легла на сырую землю. А если бы легла — осталась бы живой, осколок летел на уровне ее головы.

Уже третья жертва в нашем коллективе. Дорогой ценой окупается наш маленький печатный листок...

10 мая 1943 г.

Нам присвоили гвардейское звание, завоеванное в последних боях с немецкими оккупантами. Твой любимый старый дед называется теперь — гвардии капитан. Вот видишь, как получается! А ты сомневалась когда-то в наших боевых качествах. Я много присылал тебе своих стихов с фронта, а сегодня посылаю чужие... Жди меня... Ждать друг друга мы умели и в прошлые годы, когда

нас разделяли снега Сибири, горы Кавказа и степи Киргизстана...

6 июня 1943 г.

Среди артиллеристов у меня много друзей. Зашел я как-то в одну батарею, в оружейный расчет. Радостно встретили, посадили к огоньку: пришел Саша Сибиряков. Пока говорили о разных делах, наливают кружку горячего чая, вытаскивают, быть может, последний сухарь.

— А вот сахару нет... Извините...

— Ну что вы, какой там сахар! Да я и дома с сахаром никогда чай не пил...

И вдруг один вспоминает, что где-то видел кусок сахара. Вытряхает из котомки все барахло, и на самом дне обнаруживает кусок сахара, и все скопом подают его мне с таким душевным восторгом, что я не посмел отказаться, чтобы не обидеть радушных хозяев... Угощали меня украинец Рева, татарин Насыров, армянин Саркисян и русский Андрей Доронин. Целый интернационал в одном оружейном расчете.

Письмо от 25 июля 1943 г. Словно предчувствуя смерть, он дает в нем волю воспоминаниям. Просит жену не обижаться «на неловкое, на грубое слово солдата», которое иной раз срыгало у него сгоряча. «Где-то в тайнике души хранится образ девушки в красной майке, которая проворно бегала по крымским камням...»

Он писал эти слова ночью, у крохотного огонька, в лесу, под мелким надоедливом дождем.

10 августа, в день решающего наступления Ударной армии под городом Ельней, когда корпус сибиряков взламывал долговременную оборону гитлеровцев на подступах к Смоленску, Доронин пробирался в Матросовский полк, как всегда — в самое горячее место.

И там минный осколок настиг его.

«Как мы все его любили, — писал о гибели Доронина его фронтовой друг А. Казак, — как он храбро вел себя в боях! Все — рядовые, сержанты и офицеры нашей части знали его, видели его всегда на самых опасных местах. Он был не только литературным бойцом. Нет, он был воинном. Он ходил в атаки, он жестоко бился, даже в рукопашных схватках, с проклятыми немцами. В истории нашей части имя Доронина никогда не забудется».

Георгий Доронин умер по дороге в медсанбат. И в очередном номере своей газеты сибиряки уже не нашли продолжения любимой поэмы. Но... Смерть должна подождать. Продолжение было.

Не стало поэта, но его Саша Сибиряков жил, воевал и по-прежнему о нем можно было сказать:

Он ведет в пути разведку,
Он с бойцами говорит,
Он усталых словом метким,
Шуткой, смехом подбодрит!

Случилось так, что Саша попал совсем в другую часть и там уже продолжал нести свою солдатскую службу до самой победы.

Лишь теперь, спустя многие годы, дошла до нас эта необыкновенная история, которой я и заключаю свой рассказ.

IV В канун 1963 года же не Георгия Доронина пришло письмо от неизвестного ей подполковника запаса Василия Ефимовича Киряева. Недоумевая, распечатала она конверт и прочитала:

«...В августе сорок третьего я получил назначение в политический отдел Н-ской Удар-

ной армии. Мой новый начальник, знакомя меня с делами, указал на мешок, лежащий в углу приземистой хаты, в которой мы разместились... И вот тогда, проверяя содержимое мешка, среди газетных подшивок я обнаружил тетрадь в обложке салатного цвета. На титульном листке тетради сверху красным карандашом печатными буквами было выведено имя автора настоящей книги, а в центре — название его стихов: «Саша Сибиряков».

С волнением я раскрыл тетрадь и перелистал ее страницы. В то время на фронте уже было известно имя Василия Теркина. По страницам фронтовых газет мы знали имена его младших братьев — Ивана Табака, Ивана Груздева и многих других. Значит, подумал я, Саша Сибиряков — это один из бывалых солдат славной семьи героев.

По газетным вырезкам мне удалось установить, что цикл стихов Г. Доронина печатался в солдатской газете «Боевая красноармейская». Я не поэт и не берусь делать обстоятельный анализ этого литературного произведения, каким является поэма «Саша Сибиряков». Однако я люблю звонкую поэтическую строку, емкое поэтическое слово. Как политработник Советской Армии, я часто пользовался им в своей работе с людьми. Быть может, именно поэтому я и обратил особое внимание на попавшую мне в руки поэму «Саша Сибиряков».

Я делал не одну попытку узнать подробно, кто ее автор, какова его судьба. В то время одни соединения прибывали, другие выбывали. Следы Г. Доронина затерялись...

Но тетрадь в обложке салатного цвета я не бросил, она стала вместе со мной

Читаю и думаю: таким вот прощальным салютом самому Георгию Доронину стала удивительная судьба его фронтовой поэмы, ее последняя глава, дописанная жизнью.

ТЕАТР И ЗРИТЕЛЬ

(Заметки по поводу одного спектакля)

ВХОД НА ГАЛЕРКУ ВОСПРЕЩЕН

Небогатая, разноодежная, шумная театральная галерка воспета поэтами, детально описана романистами, точно воспроизведена на экранах кино. Прежде на галерку шли люди, карман которых не позволял купить более дорогого билета, а душа рвалась в театр. В основном это была студенческая молодежь, живущая или, точнее, существующая на весьма скромную стипендию и редкую родительскую помощь. Молодежь эта беспредельно любила театр, прощала ему незначительные промахи, но никогда не прощала пустоты, безмыслия, пошлости. И умные режиссеры судили об успехе или провале спектакля не по шуршащему шелка партеру, а по реакции той самой безденежной, но богатой духовно галерке.

Сейчас положение изменилось. Галерка, как некий самостоятельный и определяющий фактор со своим устойчивым, постоянным составом перестала существовать. На балконные ряды попадают, в основном, те, кто просто-напросто не смог достать более лучшего билета. Но я по-прежнему люблю галерку. Она словно возвращает тебе молодые годы и, на мой взгляд, оттуда, сверху, и видится, и слышится, и понимается лучше. В февральский вечер нынешнего, шестидесяти седьмого года, за несколько минут до спектакля, я подал кассиру затрепанный рубль и в обмен получил достославное место в первом ряду балкона, то бишь, галерки. Торопливо сдав пальто в гардероб, — звонок уже негромко протрещал в

третий раз, — я взбежал по широкой лестнице и неожиданно наткнулся на преграду. Дальше пути не было — его пресекала длинная, обитая красным плюшем театральная скамья. Поспешил к билетеру узнать, в чем дело.

— А вы на любое свободное место садитесь, — смущенно сказала билетерша. — Хотите — в партер, хотите — в ложу.

Я не знал, радоваться ли предоставляемой мне возможности или горевать за судьбу театра, за судьбу спектакля... Я люблю театр, люблю и неумирающую трагедию Шекспира «Ромео и Джульетта», постановку которой осуществил в Кемеровском областном драматическом театре имени Луначарского главный режиссер этого театра В. Л. Климовский.

В этот вечер спектакль шел всего лишь не то в десятый, не то в одиннадцатый раз. И для города с четырехсоттысячным населением полупустой зал единственного драматического театра в субботний зимний день заставил о многом подумать, поразмыслить. В частности, о творческом направлении театра за последние годы, направлении, которое довольно четко угадывается в основных его постановках.

Итак, на сцене «Ромео и Джульетта». На сцене...

ШЕКСПИР?..

Тревожная, раскатная, предвещающая несчастье музыка. В скрещенных лучах прожектора целующаяся пара. Из темноты подкрадывается к ней злобная фигура и

вонзает в спину юноши нож. Юноша падает. Из уст девушки несется в зал душераздирающий крик. В тот же миг сцена наполняется людьми и в мельтешащих, притушенных лучах света начинается драка, которую прекращает появление герцога Веронского. Следующая сцена знаменуется появлением друзей Ромео. Они вбегают — очень темпераментно вбегают, — на сцену с кинжалами на поясах и во всю мощь своих легких зовут своего внезапно исчезнувшего друга. Но вместо него появляется Тибальт с друзьями. Провоцируется драка. Мелькают и вонзаются в землю кинжалы. Однако на этот раз все кончается мирно и противники расходятся. В тот же момент вбегают Ромео, с размаху вонзает кинжал в землю, падает возле него и, вытянув застрявший кинжал из деревянного сценического пола, начинает колоть им пол. Вдруг около него вонзается другой кинжал. Ромео в испуге вскакивает, но это, оказывается, всего-навсего шутка друзей. Входит слуга Капулетти. Его окружают, пугают, тычут кинжалами, затем начинают играть кинжалами в «ножички». На балу у Капулетти, забывший свою Розалину и влюбившийся в Джульетту, Ромео мечется по сцене, как оглашенный. Друзья посмеиваются и «модно» трут носы (каждый свой, разумеется).

Бал окончен. Друзья ищут опять ускользнувшего от них Ромео. Они кричат его, свистят, орут по-кошачьи и, не докричавшись, решают идти спать. Под балконом Джульетты бегают Ромео. Он приплясывает и размахивает руками, словно пытается вырвать из своей груди переполнившую ее страсть. На балкон выходит Джульетта. Услышав признание в любви, Ромео начинает метаться под балконом, пытаясь вскарабкаться на него. После неоднократных попыток ему удается опереться ногой на что-то, не видимое зрителю, и ухватиться за балконные балясины. После же ухода Джульетты он довольно легко подпрыгивает, перемахивает через перила и оказывается на балконе. Моя соседка при этом восторженно вскрикнула: «Вот это прыгает!»

Получив согласие Джульетты на брак, Ромео в темпе твиста бежит по движущемуся кругу в келью монаха Лоренцо, который собрался завтракать. Ромео схватывает со стола монаха бутылку с вином, выпивает ее до дна, затем отбирает у монаха тарелку с супом, жадно съедает его и, не выпуская ложки из рук, рассказывает ему о своей любви к Джульетте.

66 Потерявшие Ромео друзья, истомившись от жажды, бросаются к водопроводной колон-

ке с четырьмя кранами. Но так как кранов всего четыре, а их пятеро, то, естественно, начинается около колонки возня, сопровождаемая шумом и гвалтом. Увидев идущего с яблоком в руке Ромео, они прячутся за колонку и, когда Ромео наклоняется к крану, пугают его. Но Ромео не из трусливых. Он жует яблоко, а потом бросает его догрызать Меркуцию, который довольно ловко, на приличном расстоянии ловит яблоко одной рукой. Появление кормилицы Джульетты, разыскивающей Ромео, встречается брошенными ей под ноги кинжалами. Кормилица визжит. Ромео с трудом удается избавиться от друзей, чтобы поговорить с кормилицей — нянькой его возлюбленной. Передав просьбу подготовить ему веревочную лестницу, хотя, судя по сцене у балкона, она теперь ему совершенно не нужна, Ромео страстно, с рывком целует восхищенную от такого обращения кормилицу.

Джульетта с кинжалом, оставленным Ромео при первом свидании, ожидает няньку. Не хуже, чем молодчики из окружения Ромео, она вонзает кинжал в пол, вытаскивает его, снова вонзает... Когда входит нянька и, желая подразнить свою воспитанницу, жалуется на боли в пояснице и не говорит главного — о результатах встречи с Ромео, — Джульетта грубо хватает ее за плечи, валит на кушетку, «играет» пальцами над ее горлом, а затем приставляет к груди кормилицы тот же кинжал.

Не довольно ли? Наверное, довольно. Добавим еще к сказанному, что монах Лоренцо впоследствии также овладевает искусством вонзания кинжала в донельза уже истыканную спену.

Читатель, не бывавший на этой постановке, по всей вероятности, скажет, что я слишком преувеличил, гиперболизировал виденное на сцене Кемеровского драматического театра. Клянусь, нет. Даже наоборот. Я не сказал о том, что на первых премьерах Джульетта появлялась в коротком современном платьишке с хлыстом в руках, а Тибальт в сцене на площади душил Меркуцию куском изогнутой, похожей на кочергу, водопроводной трубы. Я не сказал о прямо-таки варварских купорах в тексте трагедии, вплоть до изъятия отдельных сцен. И о многом другом еще не сказал я, что упорно отстаивал постановщик спектакля. В. Климовский на двух зрительских конференциях, отбиваясь от нападков зрителей, знающих и любящих Шекспира и, поддерживаемый голосами семнадцатилетних юношей и девушек, которые не по своей, а отчасти и по своей, конечно, вине о Шекспи-

ре не имеют никакого понятия, а увидели его на сцене впервые в жизни.

— Это не Шекспир. Это пародия на Шекспира, — слышал я от людей разных возрастов и неловко сам соглашался с ними.

Но, соглашаясь с этим, я должен сказать, что спектакль не сродни и халтуре, которая нередко еще пробивается на подмостки иных театров. Выполняя волю режиссера, а воля эта явственно проходит через всю постановку, актеры делают все возможное, чтобы донести до зрителя режиссерское видение, режиссерскую мысль и его понимание великой трагедии. Значит, ошибся режиссер-постановщик, значит, еще при разработке контуров будущего спектакля он пошел по заранее неверному пути.

А, может, ошибся вовсе не он, а зрители, не принявшие спектакль, не понявшие режиссерского замысла? В. Климовский, конечно, считает, что ошиблись последние. Недаром он, вскоре после премьеры, выступил со статьей «Искусство быть зрителем» (газета «Комсомолец Кузбасса», от 18 января 1967 г.), где писал: «Полезно избегать слова «не нравится», а чаще произносить «не понимаю».

Что ж, последуем совету и попытаемся, насколько это в наших силах, понять режиссерский замысел, приведший к спору о правомерности подобного решения спектакля, о правомерности такого «волюнтаристского», если можно так выразиться, подхода к бессмертной трагедии Шекспира.

ДОРОГАЯ ЦЕНА ОРИГИНАЛЬНОСТИ

Разгадать суть замысла постановки сможет человек, даже лишь приблизительно понимающий, что такое искусство вообще. Конечно же, друзья Ромео и Тибальта — это прототипы наших хулиганов. Конечно же, и Ромео и Джульетта — это как бы слепки с некоторых наших, так называемых «звездных» юношей и девушек. Такие же прыткие, кричащие, бунтующие, так же скептически настроенные, спокойно хлебующие суп после объяснения в любви. Впрочем, тут я могу ошибиться, хотя, наверное, есть и такие. Короче, В. Климовский решил оосовременить Шекспира, приблизить его к нашим дням, к нашей действительности.

Каждый режиссер имеет полное право на свое, оригинальное прочтение любой пьесы, в том числе и пьесы классического репертуара. Но между прочтением и оосовре-

нением разница столь же большая, сколь, скажем между испанской серенадой и песенками битлсов. Исполнять буги-вуги под окнами великосветской дамы столь же нелепо, сколь танцевать твист в одежде XVII века. Поставить все с ног на голову не так уж сложно и трудно, но прежде всего нужно знать, во имя чего это делать. Пусть это будет сказано, может быть, грубо, но, на мой взгляд, при постановке «Ромео и Джульетты» В. Климовский решил просто — на просто соригинальничать, потому что сколько я ни пытался понять — во имя чего же забегали по сцене величавые и трогательные герои Шекспира? — я так этого и не понял. Нет, понял — во имя ниспровержения, ради ниспровержения, лишь бы не так, как у людей. Большого тут, к сожалению, ничего не придумашь.

Почему мы то или иное произведение искусства причисляем к классике, или, точнее, оно само, как бы без нашего вмешательства, становится таковым, а другое оказывается забытым еще современниками? Да потому, что классику делает классикой то общечеловеческое, непреходящее, что остается на века, несмотря на смену поколений, государственного строя, политических событий и авантюры. Что бы ни произошло в мире, над ним всегда будет витать чистая и светлая любовь двух существ, трагически воспетая Шекспиром. То, что было в XVI веке, может случиться и в пятидесятом, и люди будущего, читая Шекспира, поймут его так же, как понимаем его и мы, потому что любовь вечна; она лишь меняет внешние одежды, включая сюда и способы объяснения в любви, но внутренне по существу остается неизменяемой. При этом я имею в виду подлинную любовь, а не ее профанацию.

В спектакле же Кемеровского театра мы встречаемся именно с профанацией любви. Модернистическая аппликация современности, наложенная постановщиком на бессмертную трагедию, убила в ней доведенную до отчаяния любовь, заслонила от зрителя главную сущность всей трагедии, открыв лишь второстепенное, может, и злободневное, но преходящее и маловолнующее. Зритель уходит со спектакля либо пустой, либо обескураженный. Поистине дорогой ценой куплена подобная «оригинальность». Да если говорить прямо, то по существу и такой-то «оригинальности» нет в спектакле.

Такое уже было, давно — более сорока лет назад, когда К. С. Станиславский писал: «Не сообразуюсь с естественным ходом внутренней эволюции, новаторы насилуют

искусство, творчество артиста, поэта. За неимением нового драматурга, они взялись за старых классиков, говорящих о больших людях и о больших чувствах, и стали пере-краивать их на новый лад, придавая им с внешней стороны остроту, необходимую современному зрителю. В порыве увлечения новаторы приняли новую внешнюю форму за обновленную внутреннюю сущность». История, как видите, повторяется.

Однако легко зачеркнуть созданное, привести подобающий ярлык и посчитать, что твое дело сделано, а в остальном пусть разбираются читатели. Мне же хочется попытаться проникнуть как бы в суть явления, ответить хотя бы для себя на вопрос: что привело молодого, надо полагать, ищущего, стремящегося сказать что-то по-своему режиссера к такому явному просчету? В чем, где кроется причина этой, кстати сказать, не первой творческой неудачи?

О БРЕХТЕ И ЕГО МЕТОДЕ «ОЧУЖДЕНИЯ»

С приходом в Кемеровский театр главного режиссера В. Климовского на всех почти спектаклях стал явно ощущаться налет модного, очень модного театрального течения, непосредственно связанного с брехтовской теорией «очуждения». Хорошо это или плохо?

В какой-то мере, наверное, хорошо, потому что театральное, как и всякое другое искусство, не терпит застоя, иначе оно перестает развиваться, хиреет и уже не влияет должным образом на сознание зрителя, не способствует развитию и устремлениям нового, рожденного социалистическим обществом, человека. А плохо... Но тут уж следует поговорить поподробнее.

«Самое главное — научить людей правильно мыслить», — говорил Брехт. И еще: «пропаганда мышления всегда приносит пользу... в какой бы области она ни велась».

В какой же степени пропаганда мышления ложится на искусство? Ведь искусство во всех его формах — будь это театральные спектакль, кинофильм или картина живописца — должно прежде всего доставлять человеку удовольствие, (т. е. эстетическое наслаждение, которое мы испытываем даже и в том случае, если художник раскрывает перед нами человеческие или социального характера пороки, но делает это талантливо, высокохудожественно, вынося им свой

приговор.) иначе режиссерский или авторский замысел не вызовет отклика ни в сердце, ни в разуме. Если же авторский замысел заключается в том, чтобы привести человека в некое огулпяющее состояние, то такая позиция никакого отношения к искусству не имеет, ибо в основную эстетическую функцию искусства входит прежде всего понятие прекрасного. Но и прекрасное нельзя возводить в культ. Отмечая, что в каждую историческую эпоху были свои виды удовольствия, Брехт задавался вопросом — не следует ли нам предположить, что мы все еще не открыли специфических удовольствий нашей собственной эпохи, эпохи научной мысли, не нашли основополагающих точек соприкосновения науки и искусства? «Наука и искусство, — говорил он, — признаны облегчить жизнь человека: наука занимается источниками его существования, а искусство — источниками его развлечения».

На первый взгляд, подобный подход к задачам искусства кажется чересчур рационалистичным. Ведь творца, созидая, подлинный художник меньше всего думает о развлекательной роли своего произведения. Он вкладывает в него свою душу, свою боль, стремится выразить свое отношение к действительности, к обществу, к той или иной волнующей его проблеме.

Вывав цитату о развлекательной роли искусства, Брехта не трудно, казалось бы, положить на обе лопатки. Но «нокаут» такого рода будет по меньшей мере неразумным. Говоря о развлекательности, Брехт не сводит это понятие к бытовому, мешанскому пониманию развлечений. Настоящее удовольствие грядущего он видит в творческом, производительном труде. Так оно, по всей вероятности, и будет. При коммунистическом обществе, к которому, несомненно, придет человечество, труд перестанет быть необходимостью и станет внутренней, настоятельной потребностью человека, а следовательно, и удовольствием. Ну, а сейчас, когда труд в основном является еще источником заработка, источником средств к существованию, — каким должно быть отношение художника к общественному бытию? «Такое отношение, — говорит Брехт, — может быть только критическим». Несколько позже он повторяет: «Наш социалистический реализм должен быть одновременно и критическим реализмом».

Что это — шаг назад, возвращение к пройденному этапу девятнадцатого столетия? Нет. Рассматривая метод социалистического реализма, как единственно правильный метод для отображения нашей действитель-

ности, Брехт как бы напоминает о том, что уход от критики к самовосхвалению и самосозерцанию ничего, кроме вреда, принести не может. А критический подход позволяет раскрыть всю сложность мира перед людьми «с тем», чтобы они переделывали этот мир по своему усмотрению». И всю свою творческую жизнь Брехт шел по пути исканий тех дорог, которые привели бы его к возможности наиболее полно и ярко выразить себя как художника, донести свои мысли до зрителя. В результате этих поисков и родился брехтовский эффект очуждения.

Очуждение, как таковое, Брехт не рассматривает как собственное изобретение. Приемы очуждения использовались в античном и средневековых театрах, они широко используются сейчас театрами азиатских стран. Технической стороной этих приемов являются, главным образом, маски, позволяющие видеть предмет как бы со стороны. Но особенность такого очуждения состоит в том, что эти маски декларируют неизменяемость характера того или иного персонажа. Маска, надетая на лицо актера, говорит за актера, она уже предполагает его поступки и то, что следует от него ожидать. В азиатских театрах разработаны традиционные маски подлецов, хитрецов, мудрецов, положительных типов. Зрителю просто остается верить в совершаемое перед ним действие, как фанатик верит в религиозность церковных обрядов, фактически давно и детально разработанных церковниками, использовавшими те же приемы очуждения.

Брехтовский эффект очуждения разнится от этих приемов в самой своей сути. Герой не должен преподноситься читателю или зрителю как нечто неизменяемое, закостеневшее, какие бы черты и доли положительного и отрицательного он ни нес. Человек не остается на всю жизнь таким, каким он сформировался, скажем, в двадцатилетнем возрасте. И, кроме того, «мы должны», говорит Брехт, — исходить не только из того, каков он есть, но также из того, каким он должен стать». Таким образом, критическое отношение к действительности не является брехтовской придумкой, оно вытекает из самого диалектического метода развития общества, с которым нельзя не считаться, как нельзя не считаться с историей.

Брехту важен не столько сам факт, сколько причины, его породившие. И потому, вероятно, Брехт не видит ничего страшного и предосудительного даже в неоднократном использовании факта, ставшего, казалось бы, своеобразным штампом. В своих произ-

ведениях он нередко использует всем знакомые, известные сюжеты. И порой кажется, что делает он это преднамеренно. Факты, события, характеры он как бы рассматривает через увеличительное стекло, чтобы обнаружить вредный микроб и найти возможность его уничтожения.

В отличие от метода Станиславского, предполагающего полное «вживание» актера в создаваемый им образ, метод Брехта предполагает очуждение, то есть взгляд актера со стороны на действия и поступки своего героя, персонажа, которого ему предстоит играть на сцене. Актер должен оставаться как бы самим собой, относиться к персонажу критически. «Ни на одно мгновение нельзя допускать полного превращения актера в изображаемый персонаж», — пишет Брехт. — Такой, например, отзыв: «Он не играл Шира, он сам был Лириком», был бы для нашего театра уничтожающим». К сожалению, это высказывание Брехта было настолько прямолинейно понято отдельными режиссерами, что они стали высказываться примерно так: «Характер? Психологический образ? Все это кануло в Лету. Главное — мысль и только мысль». Они забыли, что без характера, без его развития нет искусства, и нет в первую очередь национального искусства, ибо только в характере, в психологическом его раскрытии и проявляется истинно национальное, самобытное.

У нас в стране Брехт по сути начался (если не считать «Трехгрошовый оперы», поставленной А. Таировым в Московском Камерном театре в 1930 году) со студийного спектакля «Добрый человек из Сезуана», осуществленного несколько лет назад режиссером Ю. Любимовым. Критика, как это она умеет замечательно делать, подняла вокруг постановки ничем не оправданный «шум», превратив тем самым Брехта и его метод в своеобразную «моду». Мода эта, конечно же, проникла на сцену многих республиканских и областных театров, режиссеры которых знали о Брехте и теории эпического театра лишь постольку, поскольку... Они словно забыли прописную истину, что нельзя стать пианистом, не изучив гаммы, и нельзя написать книгу, не зная элементарных правил грамматики, не говоря уже о соответствующей доле таланта. Творческий метод Брехта, как и система Станиславского, требует огромной предварительной подготовки и от режиссера, и от актера, и от драматурга. Достаточно сказать, что и Брехт, и Станиславский искали наиболее выразительные пути к воссозданию на сцене мыслящего, полнокровного об-

раза всю свою жизнь. Мы же, едва ухватив суть их поисков, вскрикиваем: «Ах-ах! Как это здорово! Как это ново!» и начинаем применять тот или иной метод, не попытавшись даже поразмыслить о своей ответственности перед тем, кто по достоинству сможет оценить наш труд, — перед зрителем, тысячеким, все понимающим, обо всем догадывающимся.

И в результате сложная, в чем-то противоречивая теория эпического театра Брехта стала трактоваться слишком упрощенно и поверхностно. Термин «условность» в режиссерском обиходе стал нести какое-то самодовлеющее начало, хотя каждому известно, что театральное, как и другое, искусство условно вообще. Не отрицал и не умалял роли условности на сцене и Станиславский. Более того, он прямо заявлял, что «хорошая театральная условность — та же сценичность в самом лучшем понимании этого слова». Но он говорил и другое: «Пусть постановка режиссера и игра артистов будет реалистична, условна, правого, левого направления, пусть она будет импрессионистична, футуристична, — не все ли равно, лишь бы только она была убедительна, т. е. правдива или правдоподобна, красива, т. е. художественна, возвышенна, и передавала подлинную жизнь человеческого духа, без которой нет искусства».

О какой же правдивости или правдоподобию может идти речь в спектакле «Ромео и Джульетта» Кемеровского драматического театра, если внешне осовремененные герои продолжают говорить возвышенным шекспировским языком, если на фоне отлично выполненных, истинно условных и в то же время художественных декораций, переносящих нас на несколько столетий назад, «резвятся» осовремененные мальчики? Какая уж тут красота, когда обоженная в нашем сознании Джульетта «играет» кинжалом подобно Соньке Золотой Ручке!

Беда в том, что В. Климовский, как и некоторые другие режиссеры, понимает под условностью не театральное действо вообще, а лишь чисто внешние его приметы: форма ради формы, техника ради самой техники. Из театра постепенно стало уходить то, без чего театр, наш русский театр, по существу перестает быть таковым, превращая сценическое действие в информацию, в иллюстрацию факта, события, явления. Характер, дух человеческий стал подменяться рассудочной холодностью, нарочитой рационалистичностью. Разум по воле режиссера стал как бы отторгаться от чувства и правильные, очень правильные мысли, заключенные в драматургической осно-

ве спектакля, шли мимо сознания зрителя по той простой причине, что они шли мимо его сердца. И да простит меня читатель, если я позволю себе еще раз обратиться к К. С. Станиславскому, который в своей книге «Моя жизнь в искусстве» писал: «Если судить по посещаемости театров, пролетарский зритель стремится туда, где можно посмеяться и заплакать подлинными слезами, идущими изнутри. Ему нужна не изощренная форма, а жизнь человеческого духа, выраженная в простой и понятной, незамысловатой, но сильной и убедительной форме. Он и в искусстве, как и в еде, не привык к пикантностям и гастрономической остроте, которые возбуждают аппетит. Он голоден духовным голодом и хочет простой питательной пищи для души. А ее-то труднее всего приготовить в нашем искусстве».

Беда в том, что содержательная простота богатой фантазии — самое трудное в нашем деле, и ее-то больше всего боятся и избегают те, кто не дошел до степени мастера в нашем актерском деле.

Пусть же скорее будет изжит опасный и вредный предрассудок, будто внешнее искусство, внешняя игра актера необходимы пролетарию».

Сказанные Станиславским много лет назад слова будут жить до тех пор, пока будет существовать искусство для народа в целом, а не для отдельных, привыкших «к пикантностям и гастрономической остроте» групп и прослоек. А как же тогда увязать систему Станиславского, требующего от актера создания психологического образа, живого человеческого характера с методом Брехта, якобы отрицающего «вживание» актера в образ? Оказывается, все прекрасно увязывается, увязывается потому, что, погнавшись за «модой», за чисто внешними атрибутами сценического представления, режиссеры наши упустили из виду совсем «незначительный» момент — сам образ. И упустили его по вине того же Брехта.

«Много лет тому назад, — писал Г. Товстоногов в «Литературной газете» (№ 1, 1967 г.) — в брехтовском театре «Берлинер ансамбль» я видел «Жизнь Галилея». В центре спектакля стоял замечательный актер Эрнст Буш, который создавал потрясающий образ Галилея. Я могу сравнить это впечатление только с Булычковым-Шукиным или Хмелевым-Турбиным...

Как-то Брехт сам заметил, что в пылу полемике он столько говорил об «очуждении», что нигде не упомянул само собой разумеющееся — психологическую глубину образа. Мне кажется, что сегодня мы дорого расплачиваемся за эту оговорку замечательно-

го писателя и режиссера. Сам-то он никогда не позволял себе подобных «экспериментов» в искусстве. Полнокровный, цельный и сильный человеческий характер, создаваемый замечательными актерами, лежит в основе успеха театра «Берлинер ансамбль». А мы, наследники великих актерских традиций русской школы, наследники Станиславского, посвятившего жизнь раскрытию тайн актерского творчества, легко забываем все это...»

Так не в этом ли «забвении» и кроется причина творческой неудачи режиссера, поставившего в нашем театре трагедию Шекспира «Ромео и Джульетта»?

ПРАВО НА ЭКСПЕРИМЕНТ

«Позвольте, — вполне справедливо может заметить режиссер (будь то постановщик «Ромео и Джульетты» или кто-либо другой). — Забыл ли я уроки Станиславского или не забыл, понял ли я до конца метод Брехта или не понял, но, в конце концов, имею же я право на собственный эксперимент?»

Ох, как нелегко ответить на этот вопрос. Сколько раз лично мне приходилось присутствовать или участвовать в обсуждении провалившихся спектаклей, кинофильмов, написанных, но не изданных (к счастью!) литературных упражнений и опусов всевозможных жанров, и почти всегда вставал именно этот вопрос. Да, признать свою ошибку или творческую несостоятельность в том или ином случае куда труднее, чем заявить: «Но, товарищи, разве я не имею права на эксперимент?»

В тиши лабораторий ученых различных отраслей науки ежедневно проводятся тысячи экспериментов, и 99 процентов из них не дают сразу видимой пользы. И все же эксперименты не прекращаются, как не прекращается и отпуск на них государственных средств, потому что без эксперимента не может существовать наука. А искусство? Да, и оно, бесспорно, требует экспериментов. Работа Валемира Хлебникова в поэзии по существу вся свелась к эксперименту, и нельзя сказать, что она не принесла никакой пользы развитию нашей русской поэтики.

Сейчас много, даже слишком много говорят о поисках театра на Таганке. И хорошо, что у нас есть такой театр, — своеобразный, идущий, и я бы сказал — «экспериментальный» театр. В этом театре галерки не пустуют. Попать туда непросто — билет

нужно доставать загодя, чуть ли не за месяц. Но представим, что этот театр, в полном его составе, с его нынешним репертуаром, обосновался бы у нас в Кемерове. Ручаюсь, через год он бы, что называется, «прогорел». Почему? Не тот зритель? Непонимающий, невоспитанный, невежественный?

Да, зритель и верно не тот. Но не невежественный. И воспитан он вполне достаточно, и понимает прекрасно, где правда, а где фальшь либо только внешнее подобие правды. А вот вкусы у зрителя и точно разные. Приспосабливать же его под свой вкус противопоставлено. Театр на Таганке живет тем, что через Москву ежедневно проезжает два миллиона человек, да в самой Москве проживает около семи миллионов. И естественно, что среди них вполне достаточно людей, одним из которых по вкусу театр на Таганке, другим — «Современник», третьим — МХАТ или театр имени Вахтангова. Правда, нужно заметить, что слабо, безлико поставленные спектакли идут и в Москве при пустом или полупустом зале.

И, вероятно, не было бы большой беды, если бы В. Климовский удовлетворялся «экспериментальной» постановкой «Трехгрошовой оперы» и, видя, что она у кемеровского зрителя «не идет», задумался, постарался бы понять, почему, отчего это происходит. Он же решил превратить областной театр, долженствующий удовлетворять различным вкусам и потребностям зрителя города химиков, в своеобразный филиал «Театра на Таганке», запутавшись к тому же в самих методах режиссерского решения постановки спектаклей. Поэтому, бесспорно, и пустует в Кемеровском драматическом театре не только галерка, но подчас и партер. Право на эксперимент имеет каждый творческий человек. Но нельзя забывать, что не каждый эксперимент удастся и не каждый эксперимент идет на пользу обществу. И особенно это важно помнить, когда речь касается духовного воспитания советского человека, к чему призвано наше театральное искусство. Отторгнуть зрителя от театра гораздо проще, чем привлечь его в театр. Редко бывает прав тот, кто считает, что прав только он один, остальные же неучи и неспособны понять его правоту. И в связи с этим мне пришла на память фраза из воспоминаний Н. А. Тэффи об известном русском писателе А. И. Куприне: Куприн «честно писал, не красуясь, не презирая читателя (я, мол, пишу, как хочу, а если тебе не нравится, значит ты дурак)». Хорошо сказано. Умно, точно и ко времени. К сегодняшнему времени.

КЕМЕРОВСКИЙ ЭКСЛИБРИС

Книжный знак, или, как его называют, экслибрис — это миниатюрный художественный рисунок, наклеиваемый на внутреннюю сторону переплета книги. Помимо своей прямой функции — указание на принадлежность книги — экслибрис как бы знакомит нас со своим владельцем, раскрывает его внутренний мир, рассказывает о его библиотеке.

И потому он принадлежит не только своему автору или владельцу, но и своему времени, являясь самостоятельным художественным произведением.

Популярность этого жанра малой графики в Кемерове вполне закономерна. Кемерово — город индустриальный, город технической интеллигенции. Богаты любителями книг старейший кузбасский коксохимический завод и азотнотуковый завод, строительные предприятия и учебные заведения. Отрадное явление, когда во власти книги находятся целые семьи. Таких «семейных» экслибрисов около тридцати. Первый «коллективный» книжный знак создал художник-любитель Вячеслав Зверев, нарисовавший его для супругов Ягодкиных. Такие книжные знаки, как правило, отражают интересы и увлечения обоих супругов. Едва ли какой-нибудь другой город может похвалиться таким количеством «семейных» экслибрисов.

Первый кемеровский книжный знак появился в 1962 году. Его нарисовал М. А. Паньков для автора настоящих строк.

Знак был выполнен в две краски, тушью на бумаге и размножен при помощи клише. Второй книжный знак Паньков изготовил для писателя Александра Волошина. На знаке художник изобразил медаль лауреата, гусиное перо, авторучку, книги и на корешке одной из них — название романа «Земля Кузнецкая», за которой писателю и была присуждена награда.

За первыми ласточками последовали десятки новых художественных графических новелл. Книголюбам Кемерова принадлежат

сейчас около 300 экслибрисов. Над книжными знаками работают одиннадцать кузбасских художников-профессионалов и любителей. Работы наших земляков можно встретить на книгах и в других городах: Ленинграде, Новосибирске, Нижнем Тагиле, Минске, Волгограде, Горьком, Кисловодске, Владивостоке, Львове и т. д.

В Оренбурге, Севастополе, Харькове, Безулуках успешно прошли выставки книжных знаков, созданных кемеровцами. В периодической печати Харькова, Вильнюса, Риги, Москвы, Киева, Красноярска, Кызыла не раз появлялась информация о развитии книжного знака в Кемерове. Одно из заседаний московского клуба экслибрисистов было специально посвящено кемеровскому книжному знаку. В начале этого года на объединенном заседании Харьковского клуба любителей книги и клуба любителей искусства был прочитан реферат о книжном знаке в Кемерове.

Пионер кемеровского книжного знака М. А. Паньков создал около 100 экслибрисов, исполненных тушью на бумаге. У художника есть много интересных, удачных произведений. К таким работам можно отнести экслибрисы преподавателя политехнического института Е. Н. Кулибабы, врача М. А. Ноздреватых, преподавателя педагогического института Т. Н. Десницкой и другие.

Михаил Паньков — патриот земли Кузнецкой, своего родного города. На некоторых его работах запечатлены достопримечательности и виды Кемерова, производственные пейзажи, которыми так богат Кузбасс. Ему принадлежит первая эмблема общественного книгохранилища городской библиотеки им. Гоголя.

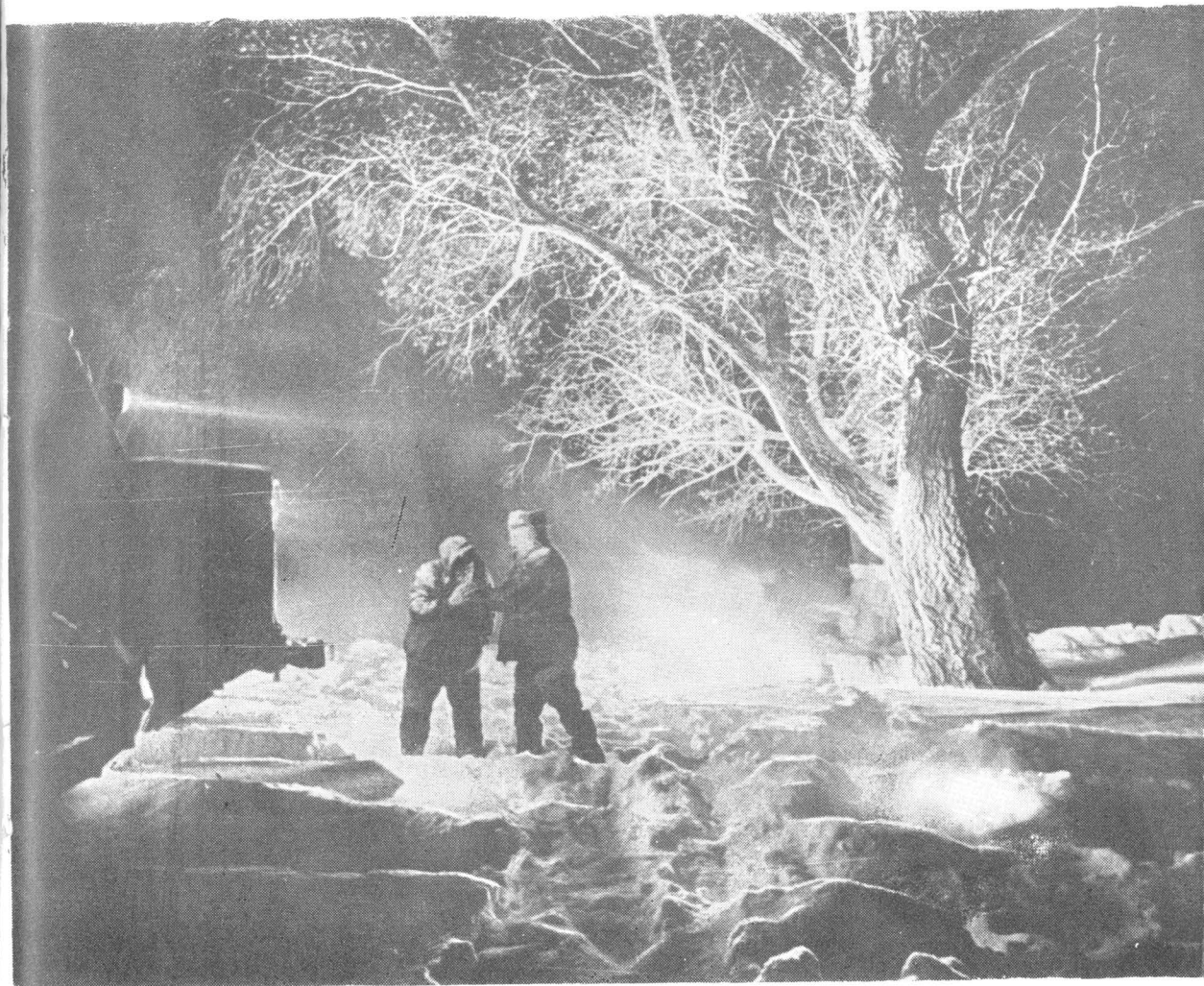
В каждую свою работу Паньков приносит черты современности. Художник не проходит мимо знаменательных юбилейных дат. В его книжных знаках отмечены и 400-летие русского книгопечатания, 150-летие со дня рождения Лермонтова, 50-летие Кеме-

У НАШИХ СОСЕДЕЙ

(Фотоочерк
А. КУЗЯРИНА)

«...ускоренно развивать нефтедобывающую и газовую промышленность. Считать важнейшей задачей создание новых нефтяных и газодобывающих центров в Западной Сибири...»

(Из Директив XXIII съезда КПСС)

Ночь застала в пути

Передовая буровая установка скважины № 52 александровской нефтеразведочной экспедиции глубокого бурения

Золотая жила Сибири

Лежащая в центре Сибири Томская область — огромный и мало еще исследованный район. По площади она больше всей Польши или Италии. В недрах этого края имеются крупные залежи железной руды, бурых углей, различных строительных материалов. Главное же — в области обнаружены колоссальные запасы природного газа и нефти. Геологи считают, что Томская земля — одна из богатейших кладовых газа в СССР. В ее подземных резервуарах около трех триллионов кубических метров этого топлива.

За последние годы здесь открыто несколько крупных газовых месторождений: Мыльджинское, Усть-Сильгинское, Северо-Васюганское и Средне-Сильгинское. Только месторождения в местечке Мыльджино оцениваются внушительной цифрой — около двухсот миллиардов кубических метров. Это равно всем запасам известного Березовского газоносного района (Тюменская область).

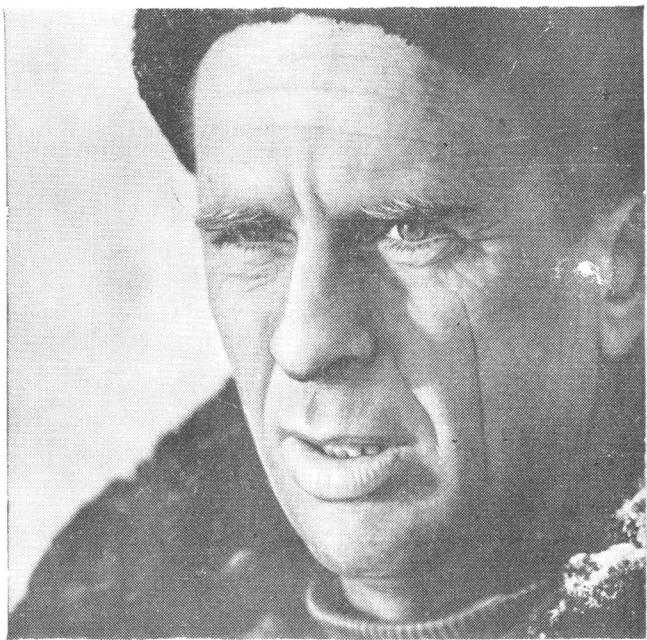
Сейчас разрабатываются планы использования томского природного газа на крупных промышленных предприятиях Западной Сибири: в Кемерове, Новосибирске, Томске и на Алтае.

Известно, что спутником газа является нефть. На севере области разведчики обнаружили крупнейшие в СССР запасы нефти, исчисляющиеся сотнями миллионов тонн. Это поистине золотая жила Сибири.

Томское месторождение нефти относится к числу уникальных, входящих в первую пятерку. В дни славного юбилейного года коллектив нефтегазоразведчиков Новосибирского территориального геологического управления работает особенно самоотверженно, чтобы как можно скорее поставить на службу народному хозяйству дары земли Томской.

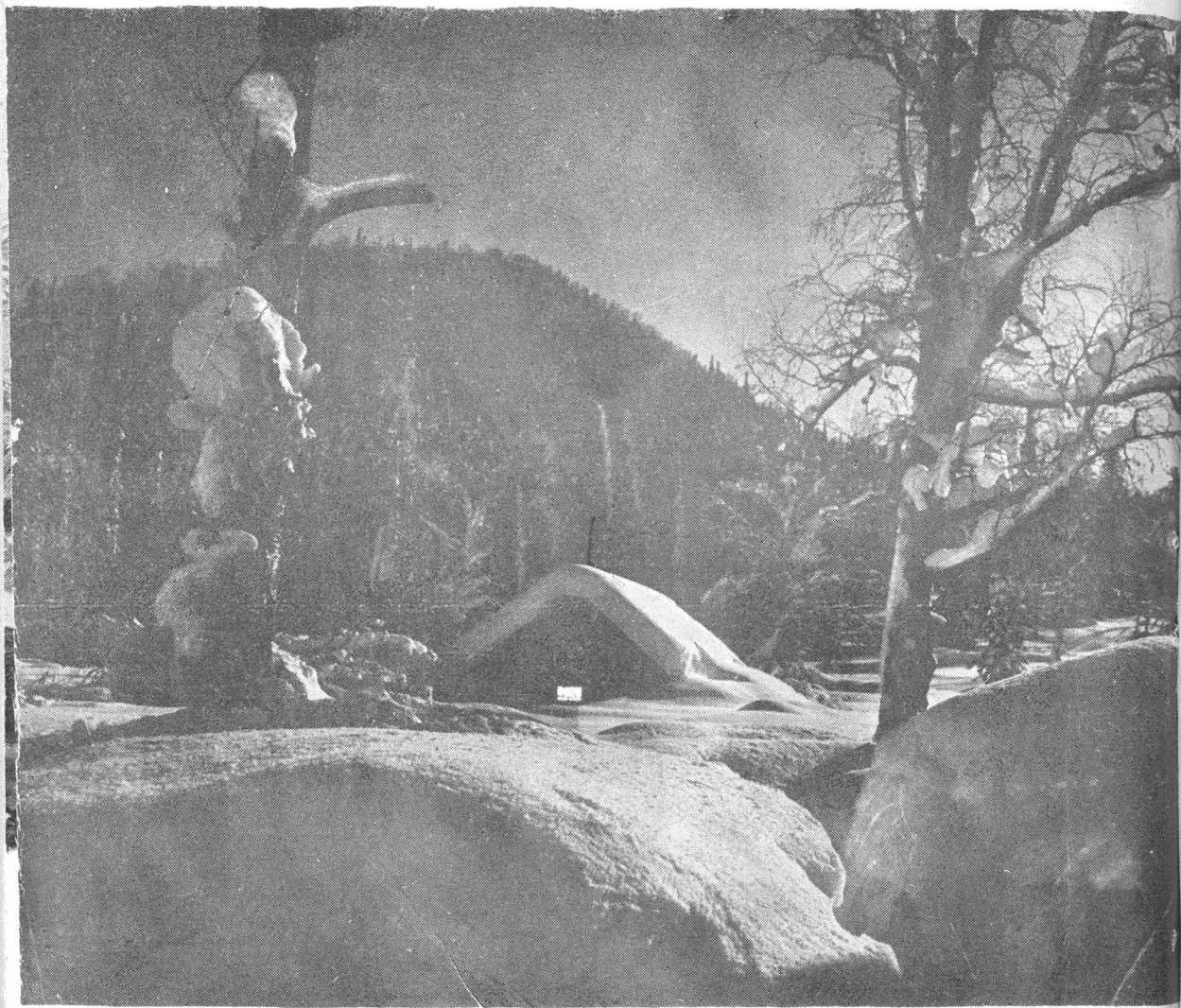
А. Кузятин

Начальник александровской неф-
теразведки, Р. В. Требе

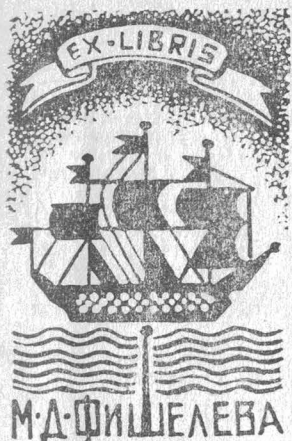

Звено буровиков из бригады Алек-
сандра Юсупова идет на смену

ОХОТНИЧИЙ ДОМИК.
Фото В. Фомченко

Худ. Зверев. Эскилибрис для искусствоведа Эрмитажа М. Д. Фишелева

Худ. О. Красова. Эскилибрис для книголюбца Р. Ф. Лобановой

Худ. А. Зверев. Эскилибрис для книголюбцов В. и В. Заскальковых

ровского рудника. Он сделал эскилибрисы участнику встречи Ленина на Финляндском вокзале старому большевику Степану Васильевичу Носову, писателю Виталию Рехлову, космонавту-земляку Алексею Леонову, заслуженному артисту РСФСР Петру Григорьевичу Князеву.

Ранние работы М. Панькова самостоятельны как по исполнению, так и по замыслу. В последних же работах чувствуется сильное влияние школы рижского художника Алексея Илларионовича Юпотова. М. Паньков пытается копировать не только пунктирную манеру исполнения, но и композиционные построения, вводя в свой рисунок многочисленные детали.

Художника необходимо предостеречь от ошибок. Неприятно, когда гриф автора, стоящий на хороших работах, встречается и на явно слабых во всех отношениях книжных знаках. Художнику надо внимательно прислушиваться к критике, упорно работать над собой и своим художественным вкусом. И в первую очередь отказаться от внесения в свои рисунки одной и той же детали. Хочется верить, что М. Паньков преодолет эти болезни, и его собрание эскилибрисов пополнится настоящими, вдумчивыми работами.

Активно пропагандирует книжный знак и Вячеслав Анатольевич Зверев, выполнивший свыше 100 эскилибрисов, преимущест-

венно в технике линогравюры, которой овладел самостоятельно. Он бескорыстно отдает свое время прекрасному миру малой графики. Зверев по профессии техник-строитель.

Работам Зверева, исполненным штихелем на линолеуме, свойственна четкость, лаконичность. Художнику удается двумя-тремя деталями рассказать о человеке, покоренном книгой. Вот, например, книжный знак рабочего строителя А. Серебренникова — страстного рыбака: на поплавке сидит занятый человек с большой удочкой. Удачно врезана в общую композицию фамилия и раскрытая книга. Экран рентгеновского аппарата, футбольный мяч, обвитый змеей, — элементы книжного знака врача-рентгенолога, больного футболом И. Блашковского. К лучшим работам художника можно отнести книжный знак работника Ленинградского Эрмитажа М. Д. Фишелева.

Около десяти гравюр В. Зверев вырезал для юных друзей. Рисунки детских эскилибрисов просты по сюжету и понятны для восприятия своих маленьких хозяев. Очень хорошо, что Вячеслав Зверев прививает любовь к книге с самых юных лет, пробуждая у детей желание к составлению своей библиотечки...

Язык гравюр художника-любителя своеобразен. Эскилибрисы В. Зверева хорошо из-

Худ. Г. Ефремов. Эскибрис для ректора Кемеровского пединститута Н. Н. Чистякова

Худ. М. Паньков. Эскибрис для преподавателя А. Н. Кулибабы

вестны за пределами области. Около 30 книжных знаков выполнены им для книголюбов других городов.

Но в последнее время у него, как и у Панькова, наблюдаются повторы. Это руки в разных вариантах: рука с книгой, рука с кистью, рука с факелом и т. д. Такие повторения обедняют творчество художника. Несколько слов о работе других наших экслибрисистов. Очень жаль, что признанные графики, члены Союза художников Ренгольд, Берг и Алексей Гордеев по существу перестали заниматься этим увлекательным жанром. В этом отношении их опережает молодежь. Отличительная черта экслибрисов Павла Драгунова — романтическая и приключенческая темы, навеянные не только заказчиками, но и увлечением самого художника. Предельно просты — книжные знаки Ольги Красовой.

В конце 1966 года книжными знаками увлеклись еще три художника — Герман Ефремов, Валерий Андрианов и художник-любитель, работник коксохимического завода Владимир Мельников. Молодой график Герман Ефремов за короткое время создал в технике рисунка тушью на бумаге около десяти хороших книжных знаков. Все они выполнены на высоком исполнительском уровне, лаконичны и оригинальны, глубоко авторским замыслом.

В создании экслибрисов для любителей книг областного центра Кузбасса принимают участие не только наши графики, но и художники многих городов страны. Среди них такие большие мастера современной графики, как Евгений Голяховский, Константин Козловский, Гершон Кравцов, Ру-

дольф Копылов, старейший грузинский художник Владимир Циловани.

Экслибрис пробудил у кемеровцев интерес к книжной графике, ввел их в мир прекрасного, породил организацию энтузиастов книжного знака, которые объединились в секцию при областном отделении общества «Знание».

Секцию возглавляют работники медицинского института доктор биологических наук Е. Д. Логачев и профессор педагогического института доктор исторических наук В. Г. Мирзоев. В работе секции активное участие принимают кандидат в члены Союза художников Н. Н. Лукин, врач-педиатр З. И. Гольдфельд, директор областной научной библиотеки З. Ф. Шипицына, главный инженер типографии № 1 Б. В. Щадрин и многие другие.

Секция за два года (1964—66) провела 16 выставок книжного знака, две выставки книжной графики, издала семь каталогов, три проспекта, один буклет.

В конце 1966 года в областной библиотеке состоялась очередная выставка книжных знаков 14 художников из девяти союзных республик. Экспонировались работы из Армении, Белоруссии, Грузии, Казахстана, Латвии, Литвы, Российской Федерации, Украины, Эстонии. Эта экспозиция ознакомила любителей графики с искусством многонационального Советского Союза.

Свыше 160 художников страны приняли участие в выставке книжного знака, проведенной в областном музее изобразительного искусства в Новокузнецке. Наравне с работами мастеров современной графики здесь экспонировались и работы художников-любителей.

Ценную помощь оказывает нам Московский клуб экслибрисистов. Мы держим постоянную связь с секцией книги и графики ленинградского Дома ученых им. М. Горького, с Харьковским клубом любителей книги, с художниками и любителями книжной графики из 68 городов СССР.

Художники Кемерова внесли ощутимый вклад в историю развития современного отечественного экслибриса. Сейчас перед нами стоит новая, более сложная и трудная задача. Это — повышение мастерства. Любителей книжной графики уже не удовлетворяет то, что им подарили художники на «заре» книжного знака в Кузбассе.

В борьбе за высокое качество и художественность экслибриса имеет большое значение привлечение к этому увлекательному жанру профессионалов-графиков, работающих по линолеуму и по дереву.

Наша задача — при содействии отделения Союза художников, при помощи партийных органов создать такие книжные знаки для кузбассовцев, которые были бы подлинными произведениями искусства, соответствовали бы своей замечательной эпохе и составляли бы память о славном нашем поколении.

П. БОГДАНОВ,
секретарь секции книжной графики
областной организации общества «Знание».

А. МАЗУКОВ

ОТКУДА ПОШЛО СЛОВО „СИБИРЬ“?

В ежемесячном критико-библиографическом журнале «В мире книг» за ноябрь 1963 года (Москва), целиком посвященном Сибири, была опубликована заметка академика Д. И. Щербакова «Откуда пошло слово «Сибирь»?

В самом деле, почему Сибирь называется Сибирью? Когда и откуда взялось это слово?

Мнения ученых на этот счет противоречивы, и последнее слово ими еще не сказано.

Академик Д. И. Щербаков считает, что наиболее близким к истине следует признать объяснение историка С. К. Пактакова, согласно которому Сибирь — это название древнего племени сыбыр или сыбыр, жившего по среднему течению Иртыша.

Член географического общества СССР С. Лаптев (Омск) в своей заметке «Сибирь» остается загадкой» (газета «Омская правда» 11 апреля 1965 года) сообщает очень интересные сведения по этому вопросу. Ока-

зывается, еще в 1375 году в Каталонии (Испания) была издана карта мира, на которой территория Сибири была обозначена словом «Сабур».

На глобусе, изданном в Венеции, территория Сибири (между Алтаем и Ледовитым океаном) совершенно не названа. А в XIII веке в китайских исторических сочинениях говорилось о стране «Шиби».

Г. Н. Потанин придерживался другого мнения: слово «Сибирь» занесено из Монголии, где «сюбюром» назывались северные страны. Другой историк, М. С. Боднарский, считает, что слово «Сибирь» произошло от славянского слова «сивер» (север).

Несмотря на то, что в Сибири русские люди бывали еще задолго до Ермака, впервые упоминание о сибирской земле встречается только в 1407 году (Архангелогородская летопись).

Таким образом, единого и бесспорного мнения о происхождении слова «Сибирь» еще нет.

А. А Б Р А М О В И Ч

У РА В Н И Т Е Л Ь Н О С Т Ь ?

Н Е Т , М Н О Г О О Б Р А З И Е !

Речь в этой статье пойдет о языке художественной литературы, и, думается, будет уместно привести диалог писателя и критика, действительно состоявшийся у нас в Кузбассе.

П и с а т е л ь. — Ну, что вы скажете о моем новом произведении?

К р и т и к. — Что скажу?... Вам нельзя отказать в оперативности, в остроте поднимаемых проблем, в стремлении раскрывать их во всей сложности, в конфликтах, противоречиях. Вот только язык.

П и с а т е л ь. — А что — язык?

К р и т и к. — Да какой-то он безликий, ваш язык, трудно отделить авторскую речь от речи героев, никак не уловишь своеобразия интонаций. Все говорят примерно одинаково.

П и с а т е л ь. — А что же вы хотите? Ведь это характерно и для самой жизни. Народ культурно вырос, все нынче говорят грамотно, речь в нашем обществе и в самом деле примерно одинакова. А если и остались следы просторечья, то неужели вам нужно, чтобы мои герои говорили «нонече»,

«апося», «знамо дело» и все такое прочее?

Высказывание писателя отражает в себе, к сожалению, довольно распространенные в писательской среде взгляды. И что совсем плохо, это своеобразная «теория» неизбежной «уравнительности» языка претворяется на практике.

«Литературная газета» провела однажды сравнительный опыт изучения языка романов и повестей, напечатанных в журнале «Юность». При этом оказалось, что, подставляя кусок из одного произведения к другому, можно получить вполне связанное повествование, очень стройное по языку и стилю, включенному в рамки одних и тех же стилизованных и синтаксических приемов.

Нам не стоит повторять эксперимента «Литературной газеты», тем более, что он не исключает случайностей. Вероятно, лучше сосредоточить внимание на примерах, почерпнутых из конкретных произведений. И вот, когда начинаешь изучать опыт прозаиков Кузбасса, то неизбежно приходишь к заключению, что язык средней лите-

ратурной нормы не только мешает оригинальности стиля, не только создает впечатление об одинаковой психологической настроенности героев разных авторов, но и приводит к подмене образного рисунка общими, ничего не выражающими местами, мимо которых вниманием читателей скользит, ни на чем не задерживаясь.

Вот, к примеру, небольшой отрывок из повести А. Волошина «Восток пламенеет»: «На повороте парень с котомкой. Поднимает руку. Алеша проскакивает мимо, Григорий притормаживает.

— До города, — просит парень и неулыбчиво смотрит на Григория, на Лену.

— Видишь, негде, — резонно отказывает Виктор. — Пойдет грузовик — прихватит.

— Недосуг ждать... — говорит парень и, по-хозяйски примостившись за спиной Лены, просто добавляет: — Мне на войну. Трогай, хозяин».

Если проверить этот отрывок неоспоримой формулой — «искусство есть мышление образами», то он не выдерживает критики. Мы понимаем, почему парень смотрит неулыбчиво: фронт

дело нешуточное. Только слово «неулыбчиво» еще ничего само по себе не показывает. Улыбаются и не улыбаются люди по-разному, а что особенного в серьезном выражении лица парня, мы не видим.

Выражение «по-хозяйски примостившись» тоже не вызывает в нашем восприятии образного, эмоционального представления. Уверенность, с которой парень садится на мотоцикл, может быть выражена у каждого различно, а само обозначение «по-хозяйски» — инертно, ничего не говорит читателю. «Просто добавляет» — тоже сказано крайне обще, и, если бы писатель обошелся без слова «просто», ничего бы не изменилось.

Отсюда, конечно, не следует, что повесть А. Волошина во всем слаба и бесплодна. Нам важно было лишь показать, что уступка уравнилительной речи, наполненной общими местами, обесцвечивает в конкретном эпизоде повести художественное изображение.

Невозможно отрицать познавательного значения романа В. Ворошилова «Солнце продолжает светить» — произведения, открывающего нам целую полосу жизни, почти совсем нам неизвестной, раскрывшего перед нами немало своеобразных характеров. Однако роман во многом выиграл бы, если бы мы не наталкивались в нем в еще большей степени, чем у А. Волошина, на языковые элементы, не проверенные с эстетической точки зрения и поэтому не обогащенные образными приметами, элементами, не поднимающиеся выше «средней» речи. Сошлемся лишь на одно очень характерное место в произведении: «Он отчетливо увидел милые черты Ани, ее стройную, гибкую фигуру в сиреновом

платье: в этом платье она приходила к нему в первый раз. Ясно видел белое, чистое, с легким румянцем лицо, оттененное черными волосами и узкими, крутого изгиба бровями, прямой нос, нежные, мягких очертаний губы и задумчивые карие глаза. Такие огромные, удивительные...»

Мы сталкиваемся здесь с чисто формальными признаками изображения. Перед нами описание красавицы с теми, давно использованными приметами, которые давно уже затвердели как штамп и не имеют никакого отношения к подлинно живым образным признакам человеческой личности.

Могут сказать, что автору романа попросту не хватило в данном случае художественного умения нарисовать портрет человека в его неповторимой индивидуальности. И это верно. А почему? Легче всего сослаться на слабую даровитость писателя. Однако В. Ворошилов — автор способный, умеющий видеть жизнь и открывать в ней для нас непознанные страницы. Следовательно, и в данном случае речь идет о тех уступках, которые делают некоторые писатели языку «средней» нормы, будучи видимо, убежденными в том, что крайне общие эпитеты и характеристики создадут нужное впечатление у читателя и он удовлетворится самыми смутными признаками и приметами образа — «гибкий», «стройный», «нежный» и пр. Давно установившаяся стабильность таких бедных признаков очень удобно вкладывается в обойму уравнилительного, безличного языка, в котором все грамматно с точки зрения школьных требований грамматики и синтаксиса и не хватает «только» одного — экспрессивной образной окраски,

свидетельствующей о том, что характер увиден художником по-своему и выражен словами не «среднестатистического, а индивидуального значения.

Все, что сказано об А. Волошине и В. Ворошилове, можно отнести и к Г. Емельянову — автору интересного в целом проблемного романа «Берег правый». Языковых просчетов у него еще больше.

Надо, конечно, принять в расчет, что первое крупное произведение написано журналистом, привыкшим равняться на язык газет, а уравнилительность языка в них, в силу особых причин, особенно велика. И вот получилось так, что произведение, интереснее по своему сюжету, по своему идейно-тематическому направлению в целом, оказалось написанным таким языком, когда очень трудно установить водораздел между речью автора и речью его персонажей, когда язык представляется общим, однообразным потоком, а это обстоятельство не может не принижать роли героев. Ведь общеизвестно, что герои, не имеющие своего индивидуального лексикона, становятся похожими друг на друга, а все вместе — на своего создателя. Вот одно из характерных сопоставлений.

«Вадим совсем без злобы думал: «Может быть, и нигде не случалось, но ты и сам не знаешь, как тут поступить. И я не знаю. Только слишком просто вырвать знамя у них силой, слишком просто. Это значит — отнять веру, оскорбить чувство справедливости. Знамя для них — эталон самой высокой марки, и хорошо, что они не идут на компромисс со своей совестью. Пусть комсомольское собрание рассудит, кто прав, кто виноват. Это

важно, интересно...

«Сперанский сказал, что буквально несколько часов назад, состоялось решение направить сюда первую партию военно-служащих, демобилизованных из ГДР и не столько, сколько предполагалось сначала, а, пожалуй, в два раза больше, поэтому нужно крепко подумать, куда и как принимать людей. В Москву следует послать нашего представителя, выплатить подъемные, посадить на поезд и сопровождать. Лучше связаться с железной дорогой и организовать состав прямого назначения...»

Авторский повествовательный язык, можно сказать, выступает в том обычном информационном значении, которое свойственно деловой осведомительной газетной речи. Не будем к нему придираться, хотя у опытных писателей и такой слог языка всегда имеет свою индивидуальную окраску.

Не в этом главный просчет Г. Емельянова. Печальнее тот факт, что внутренний монолог комсорга Вадима по своему словесному составу, по смысловой образной окраске слов и выражений, по своему синтаксису ничем, в сущности не отличается от авторского языка. В монологе нет ни одного признака, который бы подтверждал: да, перед нами действительно Вадим Катков, ни на кого другого не похожий, со своим опытом познания жизни, со своей личной психологией, а, стало быть, и со своим языком, отличным от языка таких персонажей романа, как Наумов, Сперанский, Трошин и другие, у которых, в свою очередь, разумеется, тоже должны были бы проявиться какие-то черты индивидуальной речи, а этого опять-таки нет. Внутренний монолог Вадима Каткова вполне уклады-

вается в обычный «газетный» язык, характеризуемый стремлением как-то «оживить» повествование. Все сказано в меру обычных требований нормированного языка эпохи, все подлежащие, сказуемые стоят на месте, как в повествовательной авторской речи, так и в речи героев. Но нет ни одного характерного речевого признака, свойственного, например, хотя бы Вадиму. Персонаж от этого сильно проигрывает, и не только в одном конкретном эпизоде, но во всем романе, потому что и на других его страницах невозможно обнаружить характерность языка и стиля данного героя.

И «возмездие» — налицо. Именно потому, что вместо героя говорит сам автор и говорит «на среднем языковом уровне», художественные детали эпизода «не играют», противоречат сущности задуманного характера. Это не трудно доказать.

«Вадим совсем без злобы думал...» Такая характеристика настроения персонажа полностью противоречит обстановке и условиям, в которых он находится. На бюро парткома секретарь Бессонов обвиняет Вадима Каткова в том, что он попустительствовал бригаде Быкова, которая отказалась отдавать знамя передовиков другой бригаде, признанной (конечно, несправедливо) на стройке победительницей в соревновании. Обвинение тяжкое. Почему же Катков настроен беззлобно? Ну, пусть у него нет злобы, но какое-то чувство волнения, беспокойства должно же появиться в момент, когда, как это прекрасно известно и Вадиму, его судьба политического руководителя молодежи поставлена на карту? В романе вообще не дано таких признаков характера, которые бы объяснили его

безучастность в данном эпизоде. Случайная фраза о беззлобном настроении героя появилась потому, что писатель не представил себе реальных его переживаний, не подумал о соответствующей этим переживаниям языковой форме внутреннего монолога.

Отрывок из романа «Берег правый» приведен здесь небольшой, но он и дальше вместо оригинальной (пусть мысленно произносимой) речи персонажа содержит «гладкие» и совершенно необоснованные фразы.

«Знамя для них — эталон самой высокой марки, и хорошо, что они не идут на компромисс со своей совестью...» Поражает рассудочность комсомольского секретаря в эту кризисную для него минуту. Фраза нарочито придумана не только потому, что столь хладнокровно рассуждать в эту минуту он не может. На это уже указано. Она еще лишена и жизненной логики. Уж какой тут может быть проект обсуждения проблемы на комсомольском собрании, когда она уже стала предметом обсуждения в парткоме! А самое главное, Вадим наделен речью явно искусственной, несвойственной вожаку, молодежи стройки, человеку, который, по мысли автора, своим оригинальным характером должен противостоять «стандартному» в мыслях речи и поступках партийному секретарю Бессонову. Речь Вадима столь же стандартна, как и речь Бессонова.

И теперь появляется право поспорить с писателем, утверждающим, что «примерно все говорят одинаково», что писатели, не составляющие, как известно, исключения из народа, тоже вправе говорить (писать) одинаково. Если это так, то почему же уравнилительный обще-

принятый язык, как мы убе-
дились, наносит ущерб худо-
жественному творчеству?
Да, культурный уровень на-
рода действительно вырос, и
общенародный, нормирован-
ный по отбору слов и при-
емам синтаксической орга-
низации литературный язык
стал достоянием миллионов
людей. В этом огромный
смысл ленинской культурной
революции, произошедшей в
нашей стране. Но означает
ли это, что все наши люди
стали говорить примерно
одинаково и что писать про-
изведения для народа тоже
нужно примерно одинаково?
Нет, это совершенно невер-
но и, сразу скажем, придумано
теми авторами, кото-
рые слабо владеют или не
хотят овладеть языковой
формой. Странно было бы,
если бы русский народ, обла-
дающий миллионным за-
пасом слов и выражений,
говорил одинаково. Еще
более странным это по-
кажется, если учесть,
что нет одинаковых людей,
у каждого из них свой опыт
жизни, своя собственная
психологическая настроен-
ность, свой словесный запас,
свои разговорные интонации.
Конечно, не исключена ре-
альная возможность, неред-
ко осуществляемая, когда
кто-то и зачем-то выраба-
тывает набор штампованных
канцелярских выражений и
такого же штампованного
синтаксиса, и тогда мы по-
лучаем такие обороты: «мы
все как один должны, за-
сучив рукава, проявляя эн-
тузиазм и невиданную энер-
гию, взяться за дело осу-
ществления задач и требова-
ний социалистического со-
ревнования» или «претворяя
в жизнь величайшие пред-
намерения грандиозных за-
дач коммунистического стро-
ительства, взыскательно по-
считав имеющиеся в нали-
чии резервы и не использо-
ванные еще возможности,

обеспечим дополнительное
перевыполнение наших по-
казателей». Русским языком,
здесь разумеется, не пахнет.
Но сколько бы ни было бо-
лее или менее анекдотиче-
ских фактов такого рода, не
в них заключена основная
закономерность жизни и раз-
вития русского языка.
Она — в раскрытии и ис-
пользовании неподдающихся
учету его богатств. Такого
времени, когда все люди бу-
дут говорить одинаково,
ориентируясь только на 25
или на 50 тысяч наиболее
устоявшихся слов, никогда
не наступит. Духовное раз-
витие человека нашего об-
щества предполагает богат-
ство и оригинальность каж-
дого человеческого характе-
ра в отдельности. * А оно,
это богатство, в первую
очередь охватывает речь, в
которой преимущественно и
выражает себя человек.

Утверждая это, вряд ли
нужно ссылаться на прак-
тику. Мало-мальски наблю-
дательный человек, не за-
гипнотизированный штампа-
ми, может подтвердить, что
все мы разговариваем по-
разному. Варианты исполь-
зуемого запаса слов бесчис-
ленны. Их содержание и об-
разные оттенки — тоже, не
говоря уже о столь харак-
терном для русского языка
приеме вольной инверсии
(перемена расстановки слов
в предложениях), создаю-
щем безбрежное море инто-
национных оттенков.

Я лично знаком с писате-
лем Г. Емельяновым, и у
меня сложилось твердое
убеждение, что он лучше
говорит в быту, чем пишет,
равняясь на искусственный
язык, не свойственный ни
ему самому, ни его героям.
И тут мы подходим к од-
ной теоретической проблеме,
давно уже решенной совет-
скими литературоведами,
проблеме, либо незнакомой
некоторым писателям, либо

известной им, но несправед-
ливо пренебрегаемой. Рав-
няясь на «приглаженный»,
нормированный литерату-
рный язык своего времени (в
смысле грамотного исполь-
зования словарного состава
и синтаксиса), такие писате-
ли обычно убеждены в том,
что этот язык и язык худо-
жественной литературы —
одно и то же. А это совсем
не так. Язык литературы
живет и действует по дру-
гим законам.

Это установил еще Н. Г. Чер-
нышевский, заявив, что, вос-
производя жизнь, литерату-
ра всегда выступает в форме
этой жизни. А одной из та-
ких важнейших форм и яв-
ляется язык — могучее сред-
ство, обеспечивающее обще-
ние людей. Дальше действу-
ют уже требования элемен-
тарной логики. Литература
интересуется всеми сторона-
ми действительности и, вос-
производя язык своих геро-
ев, не может интересоваться
и пользоваться лишь одним
(пусть очень важным) сло-
вом нормированного общена-
родного языка. Раз ее при-
влекают образы, конкретные
персонажи, то для сохране-
ния этой конкретности, жиз-
ненности литература должна
неизбежно использовать и
действительно использует
все слои языка, включающие
в себя такой огромный слой,
как просторечье, а затем и
диалекты, жаргоны, архаиз-
мы, профессионализмы
и т. д.

Легче всего представить се-
бе роль просторечья, явля-
ющегося огромным резервом
для пополнения запасов
нормированного языка.

У нас в Кузбассе очень пло-
дотворно использует про-
сторечье поэт В. Баянов, и в
том, собственно, и состоит
один из «секретов» задушев-
ности и образности его сти-
хов. Домик у него «угласт»,
солнце «исходит набедро»
(в смысле попусту, зря), вре-

мя далеко за полночь определяет словом «замежи», синонимом к слову «гармонь» является выражение «новенькая хромка» и т. д. Слова эти несут в себе острое дыхание народного юмора и как-то особенно точно, вместе с другими, обычно примелькавшимися словами вносят новые черточки в характер героя:

Картинно став на кромку,
Как у любимой под окном,
Терзает новенькую хромку,
Слегка куражась, агроном.

Наряду с просторечьем важным подспорьем для литературы являются диалекты и диалектизмы. Отдельных современных писателей смущает то обстоятельство, что в какой-то далекой перспективе диалекты отомрут. Но при этом забывается, что они пока что весьма активно существуют и что с этим фактом невозможно не считаться, особенно художникам, которые живут и черпают свои сюжеты в среде распространения этих диалектов. Ведь их герои не оторваны от диалектной атмосферы. Большие писатели не пренебрегают столь важным языковым элементом. Попробуйте «очистить» «Железный поток» А. Серафимовича от элементов кубанского диалекта, и от сильного произведения останется один скелет. С таким важнейшим персонажем, как Григорий Мелехов из «Тихого Дона» М. Шолохова, произошло бы то же самое, если бы его лишили донских диалектизмов. А как бы проиграла «Даурия» сибирского писателя К. Седых, если бы ее обескровили, вытравив элементы забайкальского языкового обихода.

Сибирь — очень богатый источник переплетающихся пришедших и местных диалектных струй, отсюда — и оригинальность «ядреной»

речи исконных сибиряков, особенно обитателей деревень, поселков и сел. Но вероятно потому что писатели принимают желаемое за действительное (отмирание диалектов), особенности сибирского говора обидно мало используются сейчас в литературе. Исключение составляют, пожалуй, поэтические произведения того же В. Баянова и еще Е. Буравлева.

Диалектизмы, смешанные с просторечием (между ними всегда наблюдается взаимодействие), выполняют ту же благодарную роль — обогащают поэзию и прозу свежими образными оттенками, неожиданными эпитетами, крепким народным юмором. В. Баянов: «будет ягодно», «бурань буйная», «оплещет водой», «ручьи окольные», «упала лошадь в согрел», «я в застолье не охал», «беличий гон по сучью», «голубое, литое обводье», «вроде яблоньки-дичонки» и др. Е. Буравлев: «ить взять, к примеру ту же Настю», «промежду небом и землей», «дюже строг», «без энтога», «сын народился в Омутке», «еще со столько поживем», «ей-пра», «случайным фартом опьянен» и другие.

Оставим до другого удобного случая разговор о таких важных, но все же менее используемых литературой и более ограниченных языковых слоях, как жаргоны и профессионализмы. Сейчас важнее попытаться дать ответ на более общий вопрос: ну, хорошо, согласимся, что в распоряжении художественной литературы находится вся стихия национального языка, со всеми своими слоями и элементами. А как ее использовать? Не может ли получиться так, что один писатель «задавит» свое произведение просторечными выражениями, а дру-

гой — элементами диалекта и диалектизмами? Есть ли такая мера, отличающая язык литературы от «среднестатистического» литературного нормированного языка определенной эпохи и в то же время ограничивающая пределы действия других разнообразнейших элементов языковой формы?

Да, такая мера есть. Ее очень трудно установить, поскольку она у каждого писателя и даже в каждом из его произведений проявляется по-разному. Но некоторые общие принципы установления определенных пределов все же существуют.

Они определяются тем, что язык художественной литературы не механическое сложение разнообразных элементов языка. Он представляет собой очень сложный синтез речевых слоев в каждом произведении в связи с его идейно-художественной спецификой, представляющий собой нечто новое, оригинальное.

Просторечье очень сильно звучит в драме Л. Толстого «Власть тьмы» и очень слабо в «Анне Карениной», хотя и там и тут есть персонажи из крестьян. Объяснение, видимо, надо искать в том, что деревенская тема в первом произведении представлена гораздо шире. Кубанский диалект очень заметен в романе «Железный поток», а в ранних дореволюционных произведениях А. Серафимовича этот элемент используется реже или не используется вовсе.

Особенно сложным является единство различных языковых элементов в исторических романах, посвященных сравнительно далекому прошлому. Писателю приходится пользоваться не только всей стихией современного ему языка, но и слоями более ранними (арханзмы, синтаксические формы древ-

ности или средневековья и т. д.). И, может быть, уместно сослаться на творческий опыт прекрасного знатока русского языка А. Толстого, опыт, имеющий всеобщее значение для понимания того, как образуется языковой сплав художественного произведения и о прошлом и о современности. Вот характерные и примечательные места из романа «Петр Первый», где диалектически сложно сплетается и взаимопроникает состав слов, одновременно выявляющий и язык писателя нашей эпохи и русский язык, бывший в употреблении в XVII — начале XVIII вв. Язык А. Толстого: «случилось то, чего не ждали ни в Москве, ни в Преображенском: Софья не смогла собрать стрельцов, в набат на Спасской башне так и не ударили, Москва равнодушно спала в ту ночь. Преображенское было покинуто... Все — Наталья Кирилловна с беременной невесткой, ближние бояре, стольники, домочадцы и челядь, и оба потешные полка с пушками, мортирами и боевыми снарядами ушли к Троице». Это — современный язык с динамической расстановкой слов, со сложной «просто-той» организации предложений.

Далее сразу начинается диалог действующих лиц, и язык меняет свой словесный состав и синтаксические формы, меняет потому, что герои прошлого не могут, как всем понятно, говорить нашим современным языком. «Когда на другой день Софья стояла обедню в домово́й церкви, сквозь бояр протолкнулся Шакловитый. Был он страшен лицом. Софья изумленно подняла брови. Он с кривой усмешкой наклонился к ней: — Царя Петра из Преображенского согнали, ушел,

бес, в одной сорочке неведомо куда...

Софья подобрала губы, проговорила постоно:

— Волюно ж ему, взбесся, бегать...»

«Сквозь бояр протолкнулся», «царя Петра согнали», «ушел, бес», «неведомо куда», «взбесся» — все построение речи и ряд слов возвращают нас к прошлому, к живому разговорному языку XVII века.

Не только герои А. Толстого, но и он сам в авторской речи использует старые синтаксические формы организации речи: «об один конь», «стал его воевать», «на Москве» (речь идет о городе). В ходу у него и архаические глаголы многократного значения: «говаривал», «крикивал», «заганивал» и пр., а также старые падежные формы: «Петр Первый с товарищи», «офицер с солдаты», «четырма полки на Москву идет».

Такой сложный сплав языка романа оказался наиболее убедительным, доходчивым. Он переносит нас в изображаемую эпоху, дает, по выражению А. Толстого, ее «вкусовое» ощущение, ее зрительное восприятие. Одновременно авторская речь нашего современника является господствующей, определяет наше оценочное отношение к прошлому.

Обращение к творческой практике А. Толстого тем более полезно, что, определяя в данном случае конкретную меру и характер взаимодействия различных языковых элементов, можно получить ответ на еще один вопрос, одинаково волнующий писателей и читателей: что же является основным в любом языковом сплаве романа, повести, рассказа, поэмы, стихотворения? Может быть, писатель использует просторечье, диалектизмы, архаизмы и т. д. для

«орнамента», а сам равняется на нормированный язык своей эпохи, как на последнее достижение высокого уровня общей грамотности? Когда так случается, тогда как раз и появляются произведения, схожие по языку, и поэтому трудноразличимые и по персонажам. А к чему это приводит, мы уже видели на ряде примеров. Авторский язык в художественной литературе не есть нормированный общенародный литературный язык эпохи, хотя писатель отнюдь не чужается огромных достижений этого «среднего» языка и в смысле использования запаса слов, и в смысле отстоявшихся грамматических и синтаксических форм. Язык самого писателя (авторская речь) всегда неизмеримо богаче средней языковой нормы, и даже не только тогда, когда он творит, но и когда разговаривает с родными и знакомыми, или когда выступает как публицист.

Он подобен тому певцу, о котором так пронизительно сказал тот же Н. Г. Чернышевский: даже когда он не берет высочайшие ноты (тенор), или предельно низкие (бас), мы все равно ощущаем, что перед нами подлинный художник. В тембре, в интонациях, в оттенках его голоса мы всегда отличаем то, что резко отделяет от посредственности. То же самое относится и к писателям. В любом из выступлений будет сказываться свой стиль, своя манера, своя языковая палитра. Сила и значимость любого произведения зависят, помимо таланта, еще и от ясного представления писателя о том, что не уравниательность, а многообразие языковых средств ведет его к художественной зрелости.

ОТПУСНИК

В полдневный жар,
в долине Дагестана
он избегал
лезгинок
непрестанно:
а вдруг...
во глубине сибирских
руд,
пронюхав,
на месткоме разберут!..

НЕ СОШЛИСЬ ХАРАКТЕРАМИ

Еж со Змеей
вступили в брак,
и вот в семье
ни дня без драк.
Молодожен,
колюч и зол,
так объясняет
корень зла:
— я, братцы, в жизнь ее
вошел,
а вот она в мою —
вползла.

Владимир МАТВЕЕВ

Сатира
и юмор

ОПРОВЕРЖЕНИЕ

«У журналиста совесть нечиста.
И фельетон не нравится мне что-то.
Пил на работе в среду?
Клевета!
Не в среду, извините, а в субботу.

Газетчик в самом главном набрежал —
И фантазер, и пасквилянт он редкий.
Я двинул тещу стулом?
Чепуха!
Слегка огрел старушку табуреткой.

Обиды не забуду никогда.
В основе фельетон порочен.
Гонял всю ночь соседей?
Ерунда!
Спать не давал им
только до полночи.

Публичное досадно унижение.
Пусть будет суд над автором суров!
Прошу в газете дать опровержение.
Невинно пострадавший
А. ПЕТРОВ.»

СОДЕРЖАНИЕ

альманаха „Огни Кузбасса“ за 1949—1967 гг. (№№ 1—19)

РОМАНЫ, ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ, ПЬЕСЫ

Араличев И. — Новаторы, повесть. № 6.
Баландин Юрий. — Беспокойное сердце, рассказ. № 8.
Балибалов Иван. — Высокий накал, пьеса. № 3.
Солнечные мастера, пьеса. № 9.
Блынский Георгий. — Горе Иванака, легенда. № 6.
Володина Вера. — Короткие рассказы... № 18. Ромашки. Объявление, короткие рассказы. № 19.
Волошин Александр. — Земля Кузнецкая. Роман №№ 1—2.
Дальние горы, роман. №№ 3—4. С чего жизнь началась... Подруги, рассказы. № 8. На заре, повесть. № 9. У степного оврага, рассказ. № 10.
Дороги зовут, повесть. № 12.
Газукина Аида. — Капитаны, рассказ. № 12.
Гартунг Леонид. — Беглец, рассказ. № 16.
Гаськов Ф. — Дружба, рассказ. № 3.
Дергачев Александр. — Кондукторша, рассказ. № 15.
Дубский Василий. — В добрый путь, главы из повести. № 8. Березка, рассказ. № 9. Макар Иванович; Жалоба, рассказы. № 12.
Емельянов Геннадий. — Лед тает весной, повесть. № 16.
Зыков Илья. — Проездом на Сахалин. Рассказ № 9.
Исаев Николай. — Летчик, рассказ. № 9.
Карякин Петр. — Атака, рассказ. № 17.
Климова А. — Поздно; Ради Ленки, рассказы. № 14.
Краснокутский Г., Умнов Г. — Духом окрепли в борьбе, главы из повести. № 10.
Кудрявцева В. — Стар да мал, рассказ. № 19.
Курышкин Сергей. — Наши родные, пьеса. № 8.
Логинов Ф. — Займка Вучичевича, главы из повести. № 7.

Лушкин И. — Трудные дороги, роман. №№ 5—6—7.
Мазаев Владимир. — Конец Лосино камня, маленькая повесть. № 14. Особняк за ручьем, рассказ. № 15. Чужаки, рассказ. № 19.
Мирохин Владимир. — Шефы, рассказ. № 9.
Михайлов В. — Ветерок; Тревога, рассказы. № 14.
Молостнов Геннадий. — Корнеиш, рассказ. № 3. В американском городе, рассказ. № 4. Голубые огни, главы из повести. № 5. Междуречье, отрывок из романа. № 10. Сквозь мелочи жизни, рассказ. № 12.
Немченко Гаврий. — Сережка, антоновский ветеран, повесть. № 15.
Павловский Олег. — Гордиев узел, драматическая повесть. № 15. Пока не объявили посадку, рассказ. № 16. Отрез шевиота, рассказ. № 17.
Пушкаренко С. — На разезде Кедровом, рассказ. № 11. В большой семье, рассказ. № 13.
Рехлов Виталий. — Рудознатец, повесть. № 11.
Рудин Виль. — Половодье, рассказ. № 13.
Рыбак Степан. — Ветка черемухи, рассказ. № 14.
Сафонов Михаил. — Доски; Завтра будет поздно; Снежинка, короткие рассказы. № 16.
Силаков В. — Прощай, экзотика! Повесть. № 18.
Теплов Н. — У речки Алчедат, рассказ. № 6.
Тотыш С. — Сказки Шапка. № 8.
Умнов Г. — Гроза над тайгой, повесть. № 13.
Цветницкий А. — Дорогой подарок, рассказ. № 7.
Чередниченко Петр. — Последняя баррикада, глава из романа «Дочь России». № 13.
Чернов Арлан. — Кара один таш, алтайская легенда. № 9.
Чернов И. — Приезжайте к нам, рассказ. № 6.
Чернов Т. — Бий и Кадын, легенда. № 2.
Чигарева Зинаида. — Шахтерская поэма, пьеса. № 14.
Чугунов В. — Сибирнада, рассказ. № 18.
Шатская Таисия. — Кран. Дрозд. Мышка, короткие рассказы. № 19.

Шмаков Петр. — В бурю, рассказ. № 9. Осенний отпуск, рассказ. № 18.
Ябров Анатолий. — В теснине Арачева, короткая повесть. № 17.

СТИХИ

Алферов А. — Тяжинская быль. № 10.
Антонов Александр. — У самосвала. № 8.
Афанасьев В. — В новой квартире. № 1. Встреча. № 2. Перед сменой. № 4. Дети. В трамвае. № 7. Два стихотворения. № 13.
Бабкин Н. — Радость. № 15.
Баянов Виктор. — Я знаю, как стихи приходят. Наш цех. Бор. № 13. Во имя летних жатв. Немое кино. Гора ветров. № 15. У истоков. Изба моего детства. Перед дорогой. Чьи вы? № 17.
Белов П. — Мы рисуем. № 6.
Берестнев Александр. — Дед Мороз. Любители-телезрители. Переполох в лесу. Радуга. Любительные. № 19.
Борисов В. — Заря над страной. № 3. Голуби. № 4. Вечер в селе. № 5. Спал леса. № 6.
Бочаров Н. — Дружба. № 5.
Бранчуков К. — Песня о Сибири. № 2.
Бродилов Афанасий. — Мороз. Радуга. Арбуз. № 13.
Буравлев Евгений. — Бригадир Али Умарбек. Трудный пикет. № 12. Мужество. № 13. Лишь бы люди — богаче. № 15.
Генке Герберт. — Море, шуми, золотое. № 12. Трасса. Дудет. Перевод с немецкого В. Махалова. № 15.
Герасимов В. — На привале. Стихи о Кузнецине. № 1. Отчизна. № 2. Звезды на стройках. № 3.
Гержидович Леонид. — Коростель. Шишкарь. № 19.
Глушенко Валентин. — Девочка. № 12.
Горит звезда вечерняя. Песня. Музыка Р. Желеховского. Слова М. Небогатова и В. Кониной. № 12.
Григорьев К. — Весна. № 2.
Гуковский А. — Геолог. № 14.
Гусев А. — Юному другу. В поле. № 12.
Диамант Амик. — Вечером в общежитии. Мужская дорога. № 14.
Ерошин Иван. — Стихи о Сибири. № 1. Узоры сог. Наставник. Первый луч. Если взял старик девицу... С ночевой. № 13.
Есипов Е. — Слово об Ольжерасе. № 5.
Ефимов А. — Землепроходец, глава из поэмы «Две крепости». № 1.
Завьялов Василий. — Первая улыбка. Апрель. № 19.
Заикина Людмила. — Открываю глаза... № 19.
Зайков Валентин. — Дружная бригада. № 7. Письмо из колхоза. № 8. Начало биографии. Мечта сбылась. № 10.
Замятин Г. — В городе весеннем. № 1.
Зулин Владимир. — Песня о родном крае. № 1.

Молодой шахтер. № 3. Песня шахтеров. № 4. Встреча на Томи. № 5. Ты открой... № 8.
Ибрагимов Александр. — Утреннее стихотворение. Ящик водки. № 16. Контрабас. № 19.
Иванов Вадим. — Запахи. Край родной. Лада. № 16.
Измайлов Владимир. — Каховка, Каховка... № 3. Приезжай. № 5. Стрелочница. № 6. Ну, зачем же мы поссорились с тобой?... Начало зимы. Люблю. № 7. Сосенка. Насчет дыма. До свидания, подружки!.. № 8. Партия. Один из тех, кто отстоял мир. № 9. Приметы Октября. Будет море в тайге. № 10. Родней родного. № 11. Поэзия цифр. № 12. О качествах. № 13. Покой. Хлебозоры. О любви. Осина. Береза. № 14. Высоты помним... № 16. Полвека. № 19.
Кадников В. — Город будет. № 3.
Казанцев Василий. — Чудак. Предубеждение побороť хочу. Добру однажды не везло. № 16.
Киселев Игорь. — Осенью в синем вечернем пруду. Какого цвета Африка. № 14. Начало. № 15. На площади в Белграде. № 16. Слово о «слове». Что такое со мной, что такое? № 17. Песенка об одиноком фонаре. Далеко, в захолустье... Все из памяти сотру я... № 19.
Коган Владимир. — Первый валок. № 12.
Козицын В. — С именем Ленина. № 11.
Козлов Анатолий. — Хозяин земли. Родной город. № 1. Песня. № 2. На лесах. № 3. Сталинский закон. № 4. Сибирский соловей. Рыболов. № 8.
Конин Владимир. — Баллада о советском воине. № 10.
Король Олег. — В пути. № 12.
Косарь Алексей. — Родина. Утро. Завод. Рождение стали. В забое. «Москвич». Дорога к счастью. № 1. В дороге. № 2. Подземный танк. Поэма. № 3. Кузнецкая земля. № 4. Наша весна. № 5. 20-й съезд. Великий год. Воин и труженик. Шахтеру. Строитель. Рудник в горах. Гость. № 9. На Южсибе. № 11.
Кругляков Геннадий. — О человеке. Дождь в Кузбассе. В скалы бьет река. № 18.
Лисовский Казимир. — Облик Сибири. № 12.
Лопав М. — Таежный тракт. № 3.
Любушкин В. — Карылгаш. № 4.
Майский Павел. — «Когда вы совершите подлость»... № 18.
Маленин Александр. — За рекою за Усою. В котлован с застывших веток белых... № 13. Горят кострами... № 15.
Марков П. — Спи, малышка. Зрелость. № 8. Юность. № 9.
Махалов Валентин. — Россия. Навстречу ветру. Пожар. № 12. Тропка. О славе. До востребования. Дневник. № 13. Утес. Ночь на Бель-Су. Золотинка. № 14. Ратная тропа. Склонная гордые знамена... На Керженце. Голуби. № 19.
Мелих И. — Сталевар. № 1.

Молостнов Геннадий. — Партизанская дорога. № 1. Кузбасс. № 2. Хлеб. № 7. Далекое. № 8. Весенние мотивы. № 9. Отец. № 11.

Моряков П. — Ахпун. № 1.

Муллин Георгий. — У девочки красные бусы. № 12.

Небогатов Михаил. — Под Кремлевскими звездами. Советская женщина. Город. Стихи об урожае. № 1. Дорога в жизнь. Из поэмы о шахтерах. № 2. Шофер. № 3. Знаменосец мира. № 4. Стихи для детей. № 5. На побывке. № 6. Это было... Весна. Первый снег. В сквере. № 7. Стихи о природе. О матери. № 8. У нас в поселке Из лирической поэмы. № 9. Фекла Ниловна. Рассказ в стихах. № 10. Родное поле. На лесосеке. № 1. Шахтерская душа. № 12. Родные проселки. Лунной ночью. Апрель. Цветы. № 13. Отчий край. Звездочка. Здравствуй, день! № 14. Рождение песни. № 15. За чертой. Большое уменье... № 16. Мы сообщаем даже строчки... Ты в первый раз уехала далеко... Есть у меня поэт любимый... № 17. Из лирической тетради... Вечер в поселке. № 19.

Овечкин Геннадий. — Клен. № 12.

Павленкова Нина. — Аттестат. Сосны. № 8.

Пасман Борис. — Первая деталь. № 8. Вечер. № 11.

Пасынков А. — Назым Хикмет. № 5.

Печеник Семен. — Исповедь Петра Первого. № 19.

Пинаев Александр. — Мой современник. № 3. Встречи. Поэма. № 5. Отсюда он видел семнадцатый год. № 13.

Подсолонко Юрий. — У памятника Пушкину в Кемерове. № 8.

Полозова Антонина. — Сибиряку. № 1. Болгария. № 3. Мир. № 4. Наш город № 8. В степи. № 14.

Почвырный Владимир. — Мечтаем! Мальчишки... Высота. № 18.

Присягин Иван. — Весна. № 8.

Разумовский Юрий. — Твой свет. № 12.

Рыбак Степан. — В трамвае. Весенний ветер. № 13.

Рязанов Павел. — Здравствуй, город родной! № 10.

Сартаков Юрий. — Чудак. № 12. Тревожность. Перед рассветом. Приз. О металле. № 13.

Саулов Анатолий. — Я. Россия снежная. № 18.

Сафонов Михаил. — Будни. Зрелость. № 15.

Север Ефим. — Джим. Мать-земля. № 9.

Сергеев Вадим. — Прямой наводкой. № 12.

Соболев В. — Весна. № 12.

Сокол Иван. — Первый маршрут. № 7. Мальчуган. № 8. Тополь. № 9. Мой город. Не сегодня только и не сразу... Сквозь дымку белую тумана... Раздумье. № 12.

Соколовская С. — Слово корейского патриота. № 3. Раймонда Дьен. № 4. Песня о родном крае. № 5. Молодой учитель. Отрывки из поэмы. № 7. Апрельский день. Подснежник. № 11.

Суздальцев А. — Зинка. По-хозяйски весна... № 14.

Сухарев Сергей. — Вещи долговечнее хозяев... № 18.

Тарапак А. — Родина. № 5.

Томилов Алексей. — Апрель. Туча. № 14.

Торбоков Степан. — Песня шорца. Перевод с шорского С. Соколовской. № 3. Раздумье. Солнце. Перевод М. Небогатова. № 13. Канза. Сентябрь. Жалоба волка. Перевод Г. Сысолятина. № 19.

Тучин Борис. — Утро родного края. Как это будет. Апельсины. № 12.

Угрюмов Эдуард. — Синие глаза у русских, синие... Бывает чувство странного затишья... Табунщик. № 18.

Умнов Г. — Хлеб идет. № 3.

Устьянцев К. — Новоселье шорцев. № 2.

Фадеева Людмила. — Маленький художник. Яблоко. Дорога. № 12. Вовкина звезда. Лучики. Собака. Сколько лет зима? Барсики. Ручьи, ручьи... Сорока. № 13.

Федотов Петр. — Междуреченск. № 10.

Харламов Евгений. — Август. Снег. № 19.

Ховес И. — Из горной Шории. Цикл стихов. № 12.

Холоденин Г. — Россыпь сказочных камней. № 12.

Чиркова Вера. — Перед экзаменом. Зимним вечером. Открытие. № 8.

Чисняков Ф. — Медведь. Перевела с шорского Е. Стюарт. № 1.

Чугунов Владимир. — Светлана. Жажда. № 12.

Чуйков Иван. — Баллада о звезде. № 5. У карты Родины. № 8.

Шефнер Вадим. — Счастья здесь хватит на всех. № 12.

Шишкин А. — Старый шахтер. № 12. Юность. № 14.

Щербинин Михаил. — В Крыму. № 12.

Юречко Виталий. — Ладушки. № 18. Стихи для детей. № 19.

Юров Геннадий. — Над Кемеровом. № 12. Аквариум. № 14. Полустанок. В трамвае. Осень. № 15. Подкова. Подлецы. В кедровом. № 17.

Ярин Б. — Мы пойдем по тропинкам. № 12.

ОЧЕРКИ, ПУБЛИЦИСТИКА

Алексеев И. — Верность. № 17.

Аристархов Константин. — На переднем крае. № 13.

Балибалов Иван. — Рождение кокса. № 6. На солнечной стороне. № 7.

Волошин А., Молостнов Г. — Пришла весна. № 7.

Давыденков В., Калачинский В. — Разведчики семилетки. № 12.

Данилко А. — Творцы кузнечного металла. № 1. Доброго пути в большую литературу, редакционная статья. № 18.

Емельянов Г., Немченко Г. — Утро великой стройки. № 13.

- Ивачев А. — Страница жизни. № 9.
 Калясов Б. — Беспощадный обличитель американского империализма. (К 60-летию со дня рождения В. В. Маяковского). № 6.
 Кузбасс за 40 лет. № 10.
 Кирьянов И. — Как партией намечено, так и будет! № 9.
 На передовую линию жизни, редакционная статья № 14.
 Озерский А. — Мастера селитры. № 7. Заботы кузнецких металлургов. № 9.
 Пилипец С. — Герои нашей эпохи живут среди нас. № 12. Победоносное знамя партии. Передовая «Правды» за 30 июля 1953 г. № 6.
 Попов В. — Д. И. Менделеев о роли Сибири и дружбе России с Китаем. № 4.
 Пример вдохновенного служения делу коммунизма. № 12.
 Снетков А. — Борьба за скорость. № 3.
 Соколов В. — Ленин и литература. № 11.
 Соколов В., Черноброд М. — Ленин и современность. № 13.
 Шуранов Н. — В. И. Ленин о Сибири. № 13.
 Якушин Н. — Подвиг писателя-гражданина. (К 100-летию со дня рождения А. П. Чехова). № 13.

ДЕЛА И ЛЮДИ

- Балибалов И., Бекшанский П., Лобанова Р. — Вскоды. № 14.
 Газукина А. — Человек с крыльями. № 11.
 Галдаев В. — Из записной книжки. № 12.
 Гоголев В. — Крылья. № 15.
 Григерман Б. — Кузбасские встречи. № 10.
 Изюмский Ю. — Второе дыхание. № 12.
 Иодковский Э. — Ночь перед рекордом. № 12.
 Косарь А. — На Ожиге. № 7. В сердце железных гор. № 8.
 Махалов В. — О самом обыкновенном. № 15.
 Саулов М. — Записки о буднях разведчиков недр. № 16.
 Шатская Т. — Телеграмма. Косули. «Хочу домой». Награда. Бабка. (Из блокнота журналиста). № 18.
 Юхимчук А. — Семь дней и ночей. № 10.

НА СТРОЙКАХ СЕМИЛЕТКИ

- Банников В. — Хроника наших дней. № 12.
 Котляров Ю. — Рабочее счастье. № 14.
 Курышкин С. — Сегодня — завтра Кузбасса угольного. № 12.
 Солодовников И. — К великой цели. № 13.

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

- Немченко Гарий. — По Канаде. № 19.
 Сергеев А. — В гостях у молодежи ГДР. № 10.
 Суворова Э. — У наших друзей. № 11.

СТРАНИЦЫ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОШЛОГО

- Баранов Я., Смирнов М. — Первая ячейка великой партии. № 15.
 Геласимова А. — Памятные дни. № 10.
 Кадейкин В. — История одного поиска. № 18.
 Октябрь в Кузбассе. № 17.

ВОСПОМИНАНИЯ

- Бардин И. П., академик, — Гурьевский завод. № 2.
 Буковский Иван. — От Либавы до Будапешта, записки полкового разведчика. № 19.
 Захарченко Г. — У мартена. № 10.
 Люленков И. — И трудно, и радостно бывало. № 10.
 Шнапир С. — Незабываемая речь. № 13.

ИЗ ИСТОРИИ КУЗБАССА

- Бурдовицын П. — Демьян Бедный на площадке Кузнецкстроя. № 12.
 Казачий сын Михайло Волков — первооткрыватель Кузнецкого бассейна. (Историческая справка). № 2.
 Никитин М. — Кузбасская хроника. № 7.
 Попов В. — От кузнецкого острога до сталинского Кузбасса. № 1.
 Родионов С. — Кузбасс после разгрома колчаковщины. № 14.
 Савельев Н. — Первая в мире рельсовая дорога. № 2. Кузбасс — родина первого русского кокса. № 3. Первый в Кузнецком уезде железнодорожный завод. № 6. Творец первой в мире паровой турбины. № 6. Первая деривационная заводская установка в Кузбассе. № 7.
 Цибульский В. — Научное путешествие П. А. Чихачева на Алтай. № 11.

РОДНАЯ ПРИРОДА

- Зыков И. — Восхождение на Большой Таскыл. № 2. Короткие рассказы о сибирской природе. № 12. Мраморная гора. № 13. Антибесские новоселы. № 15.
 Кержак А. — Река из Кузнецкого Алатау. (Записки краеведа). № 1.
 Миронов К. — Курайская ива. (Из опыта садовода). № 9.

ДНЕВНИКИ, ПИСЬМА ДОКУМЕНТЫ

- Бормотов Александр. — Шел солдат... № 17.
 Бурдовицын П. — Поэт и воин Сибирской дивизии. № 14.

Власов В. — Отряд идет на Каным. № 18.
 Лезгинцев Георгий. — Пусть ярче разгорятся «Огни Кузбасса». № 13.
 Лобанова Р. — Завещание чувств. № 16. Смерть должна подождать. № 19.
 Мазюков А. — Развитие книгоиздательского дела в Кузбассе. № 12. «АИК Кузбасса». № 17. Герой поэмы — кольчугинский шахтер. Медсестра из легенды. № 18. Билет № 33633. Так боролись коммунисты. № 19.
 Смердов Александр. — Путешествие продолжается. № 14.
 Тихомирова Т. — На краю света. № 15.
 Умнов Г. — Новые документы о поэте-земляке. № 12.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Абрамович А. — Заметки о поэзии. № 17. Уравнительность? Нет, многообразие... № 19.
 Андреев А. — Опыт агитационной работы. № 4.
 Бельская Р. — Языком документов. № 11.
 Блюменфельд В. — Заметки о языке и стиле. № 12.
 Глебова Л. — Книги о воинской славе земляков. № 16.
 Дмитриева К. — «Поскорее да мимо». № 11.
 Дорофеев В. — Больше стали отличного качества. № 6.
 Иванова А. — Край родной. № 11.
 Киселев И. — «Иронические строки». № 15.
 Коробейников А. — «Камень на ладони». (О книге А. Смердова). № 10.
 Косарь А. — Первые сборники стихов. № 9.
 Липеньский Г. — Электродный обогрев парников. № 6.
 Ляхов И. — Не расставаясь с друзьями. (О рассказах М. Сафонова). № 16.
 Маковкин Л. — Дружья и враги Петра Захарова. (О пьесе А. Волошина «Цвести черемухе»). № 6.
 Мальцев Ф. — Первый сборник (о сб. М. Небогатов). № 6.
 Махалов В. — У нас нужны повсюду люди, которые умеют петь. № 13.
 Микешин А. — «День икс». (О повести В. Рудина). № 13.
 Небогатов М. — Слово о молодых. № 18.
 Никитин М. — В долинах Мрас-Су. (О книге Ф. Числякова). № 2.
 Репортаж из издательства. № 15.
 Суворова Э. — Голоса молодых. № 7.
 Титов Ю. — В литературных группах Кузбасса. Кемерово. № 14.
 Федорова Р. — Годы огневые. № 13.
 Шилова К. — Горький и Пришвин. № 11.
 Эсаулов Ф. — Ведущая сила. № 4. Книга о переломном опыте. № 7.

ИСКУССТВО

Богданов П. — Кемеровский экслибрис. № 19.
 Волгин А. — Вместе с жизнью, с народом. № 10.
 Долгих Е. — С резцом и кистью. № 8.
 Есипов Ф. — Мастер сцены. № 11.
 Из альбома художника. Гравюры В. Мязина. № 15.
 Климовский В. — Зритель или действующее лицо? № 16.
 Озерский А. — Большой друг. № 13.
 Павловский Олег. — Театр и зритель (заметки по поводу одного спектакля). № 19.
 Хазанов Л. — Нет прекрасней назначения. № 14.

СПОРТ

Нефедов Н. — Шахматная жизнь Кузбасса. № 12.
 Цукров В. — Стальной парень. № 13.

САТИРА И ЮМОР

Волков И. — Крот-изобретатель. № 12. Неспроста. № 13.
 Гуковский А. — Печник. № 15.
 Гюнтер Виктор. — Возмутитель спокойствия. № 17.
 Зайцев А. — Монумент. № 13.
 Измайлов В. — Дружеское и не очень. Эпиграмма. № 17.
 Матвеев Владимир. — Курица и петух. Свеча-горюшанка. № 8. Породистый поэт. Слушая докладчика. Веская причина. № 12. В «огнях», но без огня. Знаток искусства. Стиль не выручил. Кто талантливее. Сплетня. № 13. Колочие строки. № 14. От призыва до призыва. Проблема с бородой. Совет начинающему приспособленцу. Космос с точки зрения номенклатурного гуся. № 15. От триптиха — к Самое. На лаврах прошлого. Четверть Андроникова. № 16. «Копыта Пегаса» — шаржи, эпиграммы. № 18. Отпускник. Первое цветение. Не сошлись характерами. Пуговичная философия. № 19.
 Небогатов Михаил. — Птицелов. Примета. Любитель дискуссий. Гибкий человек. Эстрада — не преграда. № 12.
 Пинаев Александр. — Старый хорь. Тонкая политика. Кот. № 6.
 Сироткин М. — Не до смеха. № 16. Кто — кого? № 17.
 Трейлиб Г. — Про кота. Сократили. № 8.
 Фесенко Валерий. — Детскому писателю. Случай с критиком. Отцы и дети. Подход к творчеству. № 15. Вниманию критиков. № 16.
 Чуйков И. — Убедил. № 12.
 Якушин Н. — Сибирский период в творчестве Ф. М. Достоевского. № 12.

В Н О М Е Р Е

Владимир ИЗМАЙЛОВ. Полвека. Стихи	2
Вера КУДРЯВЦЕВА. Стар да мал. Рассказ.	3
Иван БУКОВСКИЙ. Записки полкового разведчика.	9
Слово — КТОМу. Василий ЗАВЬЯЛОВ. Первая улыбка. Апрель. Александр ИБРАГИМОВ. Контрабас. Семен ПЕЧЕНИК. Исповедь Петра Первого. Леонид ГЕРЖИДОВИЧ. Коростель. Шишкар. Людмила ЗАЙКИНА. Открываю глаза... Евгений ХАРЛАМОВ. Август. Снег.	20
Владимир МАЗАЕВ. Чужаки. Рассказ.	23
Игорь КИСЕЛЕВ. Песенка об одиноком фонаре. Далеко, в захолустье... Все из памяти сотру я... Стихи.	32
Валентин МАХАЛОВ. Ратная тропа. Склоняя гордые знамена... На Керженце. Голуби. Стихи.	33
Вера ВОЛОДИНА. Ромашка. Объявление. Короткие рассказы.	34
Таисия ШАТСКАЯ. Кран. Дрозд. Мышка. Короткие рассказы	35
ИЗ ЮГОСЛАВСКОЙ ПОЭЗИИ. Владимир ЧЕРКЕЗ. Родина. Апо ШОПОВ. Монастырь у озера. Лойзе КРАКАР. «Дух спелой ржи густеет янтарем...» Радоня ВЕШОВИЧ. Цепь гор.	37
Гарий НЕМЧЕНКО. По Канаде. Путевые заметки.	41
Степан ТОРБОКОВ. Канза. Сентябрь. Жалоба волка. Стихи.	47
Михаил НЕБОГАТОВ. Из лирической тетради... Вечер в поселке. Стихи.	48

Прочитайте вашим детям

Александр БЕРЕСНЕВ. Дед Мороз. Любители-телезрители. Переполох в лесу. Радуга. Любопытные. Стихи.	50
Виталий ЮРЕЧКО. Новый год! Почему, отчего... Ух, какой колючий... Говорит мне часто мама... Жук жужжал... Стихи.	52

Документы, воспоминания

А. МАЗЮКОВ. Билет № 33633. Так умирали коммунисты.	53
Р. ЛОБАНОВА. Смерть должна подождать.	55

Искусство

Олег ПАВЛОВСКИЙ. Театр и зритель (заметки по поводу одного спектакля)	65
П. БОГДАНОВ. Кемеровский экслибрис.	72
А. МАЗЮКОВ. Откуда пошло слово «Сибирь».	75

Литературная критика

А. АБРАМОВИЧ. Уравнительность? Нет, многообразие...	76
---	----

Сатира и юмор

Владимир МАТВЕЕВ. Отпускник. Первое цветение. Не сошлись характером. Пуговичная философия. Опровержение	82
Содержание альманаха «Огни Кузбасса» за 1949—1967 гг. (№№ 1—19)	83

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: ●

Е. С. БУРАВЛЕВ, А. Н. ВОЛОШИН,
Г. А. ЕМЕЛЬЯНОВ, В. М. МАЗАЕВ (редак-
тор), В. В. МАХАЛОВ, О. П. ПАВЛОВ-
СКИЙ (отв. секретарь).
Номер оформил художник Г. ЕФРЕМОВ.

Художественный редактор О. Кра-
сова, Технический редактор Г. Ру-
дина; Корректоры В. Куйбина,
Е. Тимошук.

Сдано в набор 5.V.1967 г. Подписано к
печати 2.XII.1967 г. ОП17011. Фор-
мат 70×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2.
Усл. печ. л. 6,44+0,59 усл. печ. л. вклейки.
Уч.-изд. л. 13,92. Тираж 4000 экз. Це-
на 46 коп. Заказ № 4776.

Кемеровское книжное издательство.

Кемерово, Советский проспект, 94.

Типография № 1 управления по печати

Кемеровского облисполкома.

Кемерово, Кузнецкая, 9.

Цена 46 коп.

ОГНИ КУЗЬЯССЯ

КЕМЕРОВО 1967